вернуться на сайт Капучини

Рукопись Константина Константиновича Егорова, об истории семьи Егоровых, о родственниках, о некоторых обстоятельствах его жизни. Набор, редактирование, вставка фотографий, некоторые сноски делал я, его сын, Антон Константинович Егоров. Версия № 01 от 31.03.2012

Егоров Константин Константинович (01.09.1929 - 05.05.2004) автор рукописи

К читателю, кто бы он ни был…

Начиная свои воспоминания, я, как и всякий их пишущий, задавал себе вопрос - зачем я должен это делать и нужно ли вообще это делать.

На второй вопрос ответ появился сразу. Нужно, так как любой человек является свидетелем своего времени и разница только в том, что все видят одно и то же, но не все смотрят с любопытством на то, что происходит вокруг, не все делают усилие над собой, чтобы понять, запомнить и сравнить. Кроме того, есть наследники, которых с течением времени, начинает интересовать то, что было до них. Память о предках и их временах - одно из условий культуры.

Мне не пришлось быть ни известным артистом, ни политическим деятелем, ни полководцем, ни дипломатом, ни крупным ученым, ни известным путешественником или спортсменом. Но, волею обстоятельств, я был втянут в тот отрезок человеческой истории, который

называется моей жизнью, прошел его с интересом, побывав и на любительской сцене, поносил военную форму, занимался общественной работой, ездил за границу, в меру своих сил способствовал техническому прогрессу, бродил с ружьем в северной тайге и в степях приуралья, поднимался на горные вершины, много времени отдал спорту - и все это потому, что мне это нравилось, потому что иначе жизнь показалась бы мне недостойной.

Могу добавить, что жизнь любых слоев общества, как и отношения внутри него и события вокруг него, подробности быта - все это представляет интерес и, прежде всего для тех людей, которые сходным образом заинтересованы в жизни. Любая книга, а тем более книга воспоминаний - отражение жизни и если жизнь нельзя вернуть, то к прочитанному - можно вернуться.

Любой человек - очевидец происходящего, но не всякому дано преодолеть свое унижение обществом, посмотреть на него со стороны. А уж как мне удалось это сделать - не мне судить!

1

(1929-1934 г.г.)

Рождение - Раннее детство в Грузинах - Наша квартира

Я родился в сентябре 1-го дня, в три часа утра, в родильном отделении 1-ой Градской больницы г.Москвы. Случилось это в 1929 г., который уже в дни моего детства был назван «годом великого перелома».

Официальная история Советов зарегистрирует повышенную смертность младенцев в этом году, а впоследствии объяснит этот печальный факт "ликвидацией кулачества как класса". Для меня этот перелом отозвался так же, как и для других младенцев, ухудшением продовольственного снабжения и карточным его нормированием, что, конечно, не могло не волновать моих родителей, заполучивших, наконец-то, долгожданного наследника.

После деда и отца, я стал третьим Константином подряд, хотя бабушка - Александра Ивановна - и хотела по распространившемуся тогда обычаю, назвать меня Мюдом, и, на всякий случай, окрестить. Аббревиатура МЮД /Международный юношеский день отмечался тогда 1-го сентября/ не показалась моим родителям, убедительной, а их антирелигиозность не позволила им согласиться на крещение.

Брак моих родителей был поздним, и я был поздним ребенком. Конечно, в те времена я не знал что существует такое медицинское понятие - поздний ребенок, но, впоследствии, кое-что из характеристики этого понятия я нашел в виде своих родовых черт. В момент моего рождения - моей матери было 34 года, отцу - 32. У матери это был первый брак, а её первый ребенок - девочка - умер в первые сутки своего появления на свет божий. Это случилось года за полтора до моего появления. Так что я заставил поволноваться родильницу, появившись на свет молчащим и безразличным к окружению. Потребовалось купание в холодной воде, после чего я и проснулся.

У моего отца это был второй брак и, по рассказам родственников, в первом браке был ребенок, моя, следовательно "полуторная сестра», но я никогда ничего более подробного об этих событиях не слышал.

Через несколько дней счастливые родители перевезли меня в дом, в котором выросла моя мать и где теперь они жили, вместе с бабушкой и сестрой матери, моей теткой. Дом наш шел под 37-м номером по Большой Грузинской улице и под номером 1-м по Средне - Тишинскому переулку. Дом этот был вторым, с левой стороны переулка, если смотреть со стороны площади. Он был кирпичным, трехэтажным, с одним парадным с переулка. Был он уже тогда обшарпанным и покосившимся, но с центральным отоплением, с водой и канализацией, что тогда еще не было столь обычным делом на этой окраине Москвы.

Родной мой район Тишинских и Кондратьевских переулков, соединяющих две Грузинские улицы - Большую и Малую, представлял скопище обычно двух, иногда трехэтажных домов, большинство из которых были деревянными, некоторые, как наш дом, например, были кирпичными и очень распространенным был тип дома, когда первый кирпичный этаж был надстроен вторым, деревянным, из бревенчатого сруба.

История этого района, как городского, начинается с середины XIX-го века, когда образовался, так называемый, Земляной город.

Когда-то этот район был населён цыганами, к которым приезжал «в гости» знатный московский люд. Тогда этот район назывался «Тишиной» и был последним городским районом, который от сельской местности отделялся земляным валом. Впоследствии все валы стали улицами. но название «Вал» - сохранили.

Наследниками цыган в советское время стали ассирийцы - беженцы времён 1-й Мировой войны, заселившие громадный по тем временам дом на Тишинской площади. Всё моё детство в этих местах прошло в постоянных, в основном визуальных, контактах с этими, очень колоритными, типами. Именно из них сформировалось многочисленное, исчезнувшее только к 60-м годам XX века, поколение чистильщиков обуви, которых в Москве ласково называли «армяшками».

Из выдающихся людей России, живших в нашем районе модно назвать Леонида Андреева, писателя, поселившегося в доме № 5-7 по Средне - Тишинском переулку в 1905-07 годах, да семью, в которой вырос известный большевик Н.И.Бухарин, живший в той части улицы Большой Грузинской, что ближе к Зоопарку.

Почти все дома околотка были доходными. Выстроены они были пронырливыми домовладельцами в конце девятнадцатого, начале двадцатого веков, а многие даже и непосредственно в предреволюционные годы. На карте Москвы конца прошлого века, на этих местах нанесены огороды. В дни же моего детства, в любом дворе можно было найти хозяйственные постройки, включающие хлев, куры же бродили по переулкам и в более поздние времена. Петушиная перекличка будила моих родителей по утрам и, не будь то лихое время столь сурово к своим современникам, мычание коровы не было бы редкостью в те годы начала тридцатых.

Ведь в конце 80-х годов прошлого, XIX-го столетия коров выгоняли и из арбатских дворов, и они, через Пречистенский бульвар и Каменный мост шли на луга Болота.

Упомянутые переулки - Тишинские и Кондратьевские - тяготели к Белорусскому /до революции он назывался Смоленским, Александровским, а еще ранее - Брестским/ вокзалу. Тишинская площадь была относительно низким местом и, как раз было не раз на моей памяти, после сильных дождей, вода, не ушедшая в ливневую канализацию, превращала выход нашего переулка на площадь в «море разливанное», что прекращало движение и транспорта и пешеходов.

В другую сторону, к Малой Грузинской улице, наш переулок также опускался, где в самом низком месте от него отходил Электрический переулок. Затем следовал подъем, с выходом к Малой Грузинской улице. Вымощен наш переулок был булыжником, тротуары были асфальтированы и там и сям по тротуарам торчали чугунные или каменные тумбы для привязи

лошадей. В Электрическом переулке выделялось бывшее владение И.Г.Фирсанова, известного до революции миллионера - дровяника, домовладельца и ростовщика, хозяина Сандуновских бань, 23-х доходных домов и подмосковной усадьбы Середниково. Уже после его смерти, его дочь, В.И.Фирсанова подарила выстроенное здание Братолюбивому обществу, для устройства дешёвых и бесплатных квартир. Впоследствии, общество достраивало на этих участках сходные дома и общий стиль этих построек - русский, национальный - рано мне запомнился. На Малой Грузинской улице внимание невольно привлекала громада костёла - то было недостроенное здание польского храма, и долго еще - весь советский период - эта застывшая громада привлекала внимание.

Дома рядом, по переулку, принадлежали Копытину, потомки которого и в моё время проживали в одной из квартир. Видимо, старый хозяин был достаточно состоятельным, так как в двухэтажном доме напротив нас по переулку, он держал лавку, где можно было по заборной книжке брать продукты в долг, а в угловом доме, закрывавшем рынок, им же содержался кино - иллюзион. Склонность к удовольствиям разного рода, в конце концов, разорили его - он играл на ипподроме и содержал любовницу в одной из квартир своего дома. Всё это следовало из рассказов бабушки, матери и тётки. Впрочем, отзывы о своем бывшем хозяине были уважительными, даже пиететными.

Тишинский рынок был фокусом всех человеческих устремлений, и я о нем расскажу ниже. Замечу только, что отходящая от рыночной площади улица Красина недаром носила в дореволюционное время название Живодёрки - здесь, в пойме Кабанихина ручья, стояли бойни и кровь действительно текла в сторону прудов Зоосада. Но всё это было до моего рождения и я эти места застал заросшими тихими переулками с одуванчиками, булыгой, тополиным пухом - летом, и заваленными снегом, с тропинками прямо по середине улицы - зимой. Движения тогда в этой части города, практически, не было.

Печное отопление было еще во многих домах, да и сам дровяной склад был дальше, по нашей стороне Грузинской улицы в сторону Зоосада, не доходя одного дома до Георгиевского сквера. У нас в кухне треть всей её площади занимала печка, но в моё время она использовалась крайне редко, а когда в Москву пришёл саратовский газ - в 1947 г. - печь была сломана. Уборные были не во всех домах, кое-где отхожие места были во дворах. А водозаборные колонки сохранялись в этом районе до середины пятидесятых годов, и человек, повесивший под струю воды своё ведро и стоящий, опершись на ручку крана, был обычным явлением в указанное время.

На кухне царствовали примусы и керосинки, которые ставили на шесток печки, или широкую лавку. За быстроту приготовления хозяйки больше любили примус, но он был более капризен и примусы, которые работали безотказно, без вспышек, очень ценились. Правда, примус требовал возни с разжиганием - денатурата и прочищалки, в отличие от керосинки, которая была неспешным и менее хлопотливым орудием домашнего хозяйства. Смена фитилей и их стрижка были куда как менее трудным делом.

Оба приспособления были друзьями советского «пещерного быта» в эпоху, которая продолжалась на нашей благословенной Родине до начала шестидесятых годов, то есть, с лишком сорок лет, считая от революции. Роль этих нехитрых приспособлений станет ещё яснее, если читатель представит себе холодж в квартирах, что было не шуткой при двадцати - тридцати градусных морозах на улице - в таких случаях керосинки вносились в комнаты и приготовление еды, а если надо, то и просто нагрев помещения происходил без учёта естественного смрада. Газовых плит в описываемое время почти не было в Москве, разве что домах - новостройках, а они были тогда редкостью. Эра примусов и керосинок закончилась, как я уже писал, в 1947-48 г.г. Наши последние керосинки доживали свой век на даче в Лианозове и окончательно исчезли в семидесятых годах.

Правда, в описываемое время появились и электроплитки, и электрочайники, но эксплуатация их была связана с большими неудобствами - спирали часто перегорали и ремонт «свеч не стоил». Почти все квартиры того времени были коммунальными и наличие общего счетчика приводило к расчету за использованную электроэнергию с раскладкой в соответствии с мощностью приборов каждого жильца. А такой поворот событий способствовал подозрительности и козням всякого рода, а уж о пище для юмористов, типа М.М.Зощенко или Бухова говорить не приходилось. Об экологии жилья никто и не думал, мне кажется, что и слова-то такого в те времена не было.

Для городских мальчишек обслуживание этого керосинового хозяйства, было первым знакомством с техникой. Меня это тоже не миновало, как не миновало и хождение в керосиновую лавку, что была неподалёку от нашего дома, по нашей же стороне улицы и где, кроме керосина, продавался также древесный уголь в бумажных мешках, для самовара, связки лучины, для его же розжига, мылА всех видов, денатурат и масса всякого рода сопутствующих мелочей. Эта лавка отличалась от других тем, что была вся обита листовым железом и издавала нравящийся мне запах.

Время самовара было временем гостей. С их приходом на лавке в кухне ставился самовар, который последовательно наполнялся водой, и топка которого наполнялась лучиной, подожженной с нижнего конца. После этого на отверстие топки надевалась труба, выходной конец которой вставлялся в отверстие в печи. Раздавалось гудение пламени и, через некоторое время, в топку забрасывался уголь и начинался разогрев, а потом - кипение, сопровождаемое бульканьем воды и характерным приглушением звука, издаваемого корпусом, при постукивании ногтем по нему. Самовар был душой компании и в те времена любой, без различия пола и возраста, мог пустить в ход эту несложную тепловую машину. В те времена внос в комнату готового самовара, с его шумом и запахом, встречался одобрением собравшихся.

Не уверен, что историкам материальной культуры известно время и обстоятельства появления этого подлинного друга семьи в России. У М.И.Кутузова самовар был в ходу, у А.В.Суворова - его не было, даже в послепетровской России его еще не было. В то же время он давно был принят на Востоке. Возможно, что он заимствован оттуда во время русско - турецких войн, столь частых в XVIII в.

Квартира в «Грузинах»

В этой квартире, под номером 18-м, на момент моего рождения жили: моя бабушка - Александра Ивановна Кригер, урождённая Храмцова; её младшая дочь - Александра Фёдоровна Кригер, моя тётка; наша семья - мать, отец, я и жилец - Аверьянов Семён Михайлович, нормировщик с завода «Электролампочка» - «съемщик угла» еще в дореволюционные годы, да так и оставшийся, уже как законный жилец, в послереволюционные годы.

Семья Кригеров поселилась в этой квартире, переехав из Сокольников, точнее - с Красносельской улицы, так как главе семьи пришлось сменить место работы - мой дед Кригер Фёдор Леонтьевич, работавший машинистом Николаевской железной дороги, в связи с болезнью ног ушёл с паровоза в контору Александровского вокзала /ныне Белорусского/, и семья переехала на Тишинку. Дед был чистюля и аккуратист. И он сам и его паровоз выглядели, что называется «с иголочки», но проявить свои лучшие качества, служа конторщиком, ему уже не удалось - смерть от закупорки сосуда настигла его в г. Клин, поезде, в котором он, со всей своей семьей, ехал повидаться с роднёй. Они ехали в родной город деда, в Корчеву. Начальство ему благоволило и безутешная вдова осталась с более или менее приличным пенсионом и с четырьмя детьми на

руках. покойному было около сорока лет, а детям - Леонтию - тринадцать, Фёдору - одиннадцать, Екатерине, моей матери - девять и Александре - семь лет.

Иван Петрович Караваев /он был женат на сестре покойного - Екатерине Леонтьевне/ - стал опекуном вдовы, с его помощью получалось то небольшое наследство, которое досталось моему деду от его отца - корчевского мещанина Кригера Леонтия Фёдоровича. И.П.Караваев был совладельцем фирмы «Торговый дом Караваевы и Блиновы», происходил он также из корчевских, занимался скупкой кож, а впоследствии и их выделкой на предмет обувного производства. И Караваев, и Блинов были достаточно богатыми и их семьи были весьма дружными с семьёй Кригеров.

Хочу описать квартиру. Она размещалась во втором этаже. Лестница в два марша имела довольно изношенный вид, на первом этаже и вообще перил не было. В доме было всего пять квартир и его жильцы были на уровне черты бедности, или даже ниже, хотя такого понятия в те времена и не было.

Дверь была деревянная, двустворчатая, запиравшаяся на громадный крюк и английский замок, висела и цепочка, которая позволяла, приоткрыв дверь удостовериться, что пришедший - не громила, а тот, кого ждут, или имеет доверительный вид. Гости к нам жаловали частенько, кроме того по делам жилищным к бабушке /она была управдомом/ ходили из домоуправления, а также бабушкины подруги и знакомые по дому. Иногда к бабушке приходили и из милиции и тогда двери в комнату, где жила бабушка, запирались и час, или полтора слышалось гудение голосов - по-видимому, разрешались какие-то «агентурные» вопросы. Прошло много лет, и я понял, что дворники и управдомы - первые агенты милиции в среде жильцов. Эта система всегда практиковалась в России и существует во всем мире и, чем более демократическое общество, тем в большей степени оно нуждается в такой системе.

Однако, вернусь в квартиру. Коридорчик прямо от двери вёл в столовую, самую большую комнату, где в моё время до самой своей смерти жила бабушка. Слева от входа была кухня, изрядно закопченная, с иногда попадающимися чёрными тараканами и серыми крысами, наличие которых в те годы в Москве было настоящим бедствием. В кухне было две раковины: одна старая, неудобная, другая - с миниатюрным душем, или струёй, которую можно было направить на ближнюю стену, что вызывало негодующие вопли хозяек. В кухне стояли стол, пара сундуков, которые никогда не открывались, висели полки с посудой, причем, была и прекрасная медная, лужёная посуда - громадных размеров тазы, лохани, кастрюли и т.д. Окно из кухни упиралось в брандмауэр дома во дворе, идо примыкавшего к нему сарая было рукой подать - шнырявших по крыше сарая крыс я расстреливал из рогатки, виде резинки, надетой на пальцы, пульками, согнутыми из медной проволоки.

Таинственной и интересной для меня всегда была дверь, ведущая из кухни на чёрный ход. Хотя перед этой дверью стояли какие-то сундуки и корзины, и никто не пользовался этим ходом, я старался воспользоваться любой возможностью, чтобы, отодвинув препятствия, проскользнуть на тесную и крутую, пахнущую кошками и мышами лестницу, выводящую на двор к подворотне. Назначение чёрного хода в те времена было мне непонятным. Я и представить себе не мог, что основная лестница, по которой мы все поднимались в наше жилище - была парадной - я не связывал слово «парадное» со словом парадный, но впоследствии понял, что по парадной лестнице только ходили в дом, а все остальные дела - вынос мусора, золы, принос в дом дров, да и заправка примусов и керосинок, выбивание ковров и половиков, чистка одежды и т.д. - всё это делалось здесь, на «чёрной» лестнице.

Справа по коридору, прямо у входа, была наша комната, двенадцатиметровая. Мать, отец и я жили в ней до 1956 г., после которого мы, в том же составе, переехали в следующие две комнаты. В большой столовой, жила бабушка. В маленькой - тётка. И была еще одна комната до

столовой, налево. Её занимал наш жилец. Бабушкина проходная комната была метров двадцати, тёткина же, едва ли достигала площади в десять метров.

В столовой были два окна, выходившие в переулок. Летом, в жару, на эти подоконники клались подушки, и бабушка ложилась наблюдать уличную жизнь. Иногда бабушка разговаривала с прохожими - она знала многих и в соседних домах. Проход в комнату тётки, через бабушкину комнату шёл по стене, на которой висели портреты деда и бабки, по-видимому, относящиеся к моменту их бракосочетания. Между портретами поблескивали гранёным стеклом, стучали и шипели перед боем маятниковые часы фирмы Беккер, отличавшиеся исключительно точным ходом. Далее следовала дверь в комнату тётки, а после неё, к стене был примкнут громадный, резного дерева буфет, на столешнице которого стояло громадное блюдо с искусственными фруктами, выполненными довольно искусно, а буфет был набит посудой и банками с приправами, вареньями и соленьями.

Две нижних полки буфета были заставлены кузнецовским сервизом, обеденным, с мелким растительным орнаментом серого цвета по белому полю. В изломе посуда этого сервиза была темно-коричневого цвета - старинное изделие.

Верх буфета был заставлен ничем не примечательной чайной посудой. Среди всей этой разнолепицы, здесь привлекал внимание громадный сверкающий никелем чайник со спиртовой горелкой - свадебный подарок бабушке от её петербургской родни. В деле я его никогда не видел.

Далее, вдоль глухой стены размещалась кушетка, старая и продавленная. На ней спали гости, оставшиеся ночевать и приезжие. Наконец, в углу у окна стоял кабинетный рояль, который использовался как учебный инструмент матерью, тёткой и, уже перед войной, мной и снимавшей угол у бабушки студенткой медицинского института, любительницей вокала по имени Неонила. Мир праху её - она погибла в июне 1941 года при обороне Москвы.

Далее, в простенке, между окнами наружной стены возвышался шкаф, сквозь стеклянные дверцы которого заманчиво сверкали корешки интересных книг - бабушка была любительницей чтения. Впрочем, для меня он был всегда закрыт на ключ.

Если под одним окном стояли стулья, то под другим - громадный, обитый сверкающей гофрированной жестью сундук. У Ф.Купера в таких сундуках хранились кожаные мешки с золотыми, оружие позапрошлого века, платья, давно отшумевшие на балах, карты с таинственными знаками и описанием так и не открытых земель. Запирался этот монстр при помощи металлической штанги, откидывание которой производило мелодичный перезвон.

Бабушка редко открывала этот сундук и не любила, когда кто-нибудь наблюдал за этим, но именно из пересудов матери и тётки я знал, что там действительно хранятся вещи погибшего в годы гражданской войны на Украине дяди Леонтия, старые носильные вещи, а также два громадных - черный и белый - страусиных веера. Там были и награды, и личные вещи дяди Фёдора, полученные им в ходе 1-ой мировой войны. Назывался и какой-то, ставший почти мифическим, соболий палантин. Но все эти детали старого быта, в той жизни, которую вели бабушка и её дети, были абсолютно бесполезными, а порой и опасными. Время было непримиримо к таким реликвиям. Появление таких вещей, как веера, палантин, ювелирные мелочи стало мне понятно много позже, когда я узнал, что бабушка была и процентщицей.

У стены, общей с нашей комнатой, стояла бабушкина кровать, узкая, металлическая, высокая с этажеркой подушек, а над ней висел прекрасный, почти в человеческий рост выполненный углём портрет дяди Леонтия, изображавший дядюшку в форме прапорщика, с саблей на боку, с аксельбантами на груди и в погонах, на которых была видна цифра 26 - номер запасного полка, стоявшего в ходе первой мировой войны в Кременчуге. У меня сохранилось фото - дядя в той же позе перед толпой солдат своего полка. Художником был солдат этого же полка, позаимствовавший позу и убравший нижних чинов. Далее, после кровати и перед дверью в

коридор находился небольшой комод с постельным бельём, на котором стояло бабушкино трюмо, а перед этим тройным зеркалом размещались пузырьки с косметикой и баночка с мокротой - кашель по временам душил бабушку и она отхаркивалась, опустив покрасневшее лицо и тряся головой. На одном из окон стояла бутылка с залитым денатуратом чесноком - этим снадобьем она натирала свои ноги - кривые, да так, что при ходьбе она заметно переваливалась.

Тётка Шура, к старости, тоже приобрела кривые ноги и неуверенную ходьбу, хотя в зрелые годы она была быстра на ногу. Ни мама, ни дядя Федя этим недостатком не страдали.

Посредине столовой стоял стол, столешница которого раздвигалась на две, стороны. Над столом свисала с потолка громадная, как паникадило, лампа.

В маленькой комнатке тети Шуры стоял диван, платяной шкаф и кабинетный стол с письменным прибором - две небольшие стеклянные чернильницы, а между ними металлическая фигурка слона - это был стол дяди Лети. Тут же был шкаф, набитый пузырьками, придававшими комнате запах аптеки. Кресло с угловой спинкой и стулья делали эту комнату совсем неудобной для житья, особенно если учесть, что свободное место, и без того небольшое, было завалено медицинскими газетами и журналами, которые тетка выписывала, но вряд ли читала. Постоянное пребывание в таких комнатах должно вырабатывать у человека жажду свободы и открытости пространства.

Была из коридора и еще одна дверь. Она вела в комнатку квартиранта - Семена Михайловича, которого я звал дядя Сеня. Убранство ее было лапидарно: кровать, раздвижной столик, этажерка с книгами, пара стульев и большое зеркало со столиком, на котором жилец размещал предмет своего увлечения - большо1 ящик радиоприемника. На крышке этого ящика мерцали большие лампы, ниже мигали разными цветами лампы - малютки диапазонов. Многочисленные ручки и тумблеры, антенна под потолком и наушники внушали невольное уважение. Обычно строгий ко мне, дядя Сеня давал мне послушать наушники, треск и хрип которых неожиданно сменялся иностранной речью и музыкой.

В те далекие времена, в начале тридцатых годов, интерес к радио был неподдельным. И у окружавших нас знакомых и родственников - Блиновых, Егоровых, Караваевых и у отца, который был далек от техники, я мог видеть подобные ящики разных размеров, включающие самодельные схемы всех видов и назначений.

А вот передачи радиостанции им.Коминтерна - московскую сетевую программу - слушали часто. В столовой и у нас в комнате, примерно в середине тридцатых годов повесили черные рупоры динамиков - репродукторов.

И еще у соседа была заманчивая вещица - большой марочный альбом. Он был выполнен высокохудожественно - название каждой страны было пропечатано, были указаны и площадь ее, и количество населения, а также размещался портрет главы государства. Марок там было много и это тоже соответствовало времени - многие мужчины тогда отдавались этому занятию. Альбом этот спас дяде Сене жизнь: во время войны на него было выменяно продовольствие.

Теперь и о нашей комнате. Она была первой по входу в квартиру, в два окна на улицу, в переулок и имела площадь примерно 12 кв.м. Комната была заставлена разностильной мебелью, в основном, купленной моими родителями после женитьбы.

Прямо против входа в комнату стоял письменный стол отца. На двух тумбах, с дубовой столешницей, затянутой зелёным сукном, с тремя выдвижными ящиками - этот реликт был заставлен всякой мелочью, по моде конца XIX века, царившей в интеллигентных семьях среднего достатка. Свет на стол падал из окон или от лампы с небольшим стеклянным абажуром на выдвигающейся подставке. Прямо перед сидящим стоял письменный прибор, с колокольчиком, ручкодержателем, двумя стеклянными чернильницами на массивной подставке. Перед прибором стоял пресс - папье и два приземистых подсвечника. Слева и справа от прибора стояли

деревянные коробки. В одной лежади щетки для волос и одежды, а в другой - портновская мелочь: иголки, катушки и мотки ниток, бельевые и корсажные ленты и тесьма, ножницы и ножнички. Прямо перед сидящим на столе лежал бювар. На нем, зажав в руке карандаш, было очень удобно водить линии во все стороны, или смотреть, как из-под руки отца появляются грифельные следы, неожиданно приобретающие связанный рисунок знакомого предмета.

Рисовать было моим первым увлечением - сначала какие-то непонятные фигуры, потом люди и авто и, наконец, ...лошади. Лошадь, запряжённая в телегу была в те времена самым обычным явлением, авто были редкостью, тем более в нашем окраинном районе, а пролётки извозчиков, телеги ломовиков, хлебные фургоны и разномастные лошади в разнообразной сбруе тянули мою руку к бумаге. Как только силуэт рисунка начинал напоминать лошадь, я старался передать её движение. Взрослые иногда пытались изобразить то же, но это удавалось лишь отцу, который показал мне несколько чисто технических приёмов передачи движения и не только лошади, но и паровоза, который своей мощью и шумом завораживал. Авто были редкостью, самолёты ещё более редки - чаще можно было увидеть дирижабль или воздушный шар - так что лошади в упряжке фокусировали внимание. Но вернёмся в комнату.

Стая семейных фото, на подставочках и кресло перед столом довершали кабинетную экспозицию. Слева от стола находился платяной шкаф, справа диван с валиками и высокой спинкой, которую венчала полка с безделушками. Наконец, ближе к выходу стоял ломберный стол и книжный шкаф, в котором заманчиво поблескивало золотое тиснение книг - собрание сочинений Ч.Дарвина под редакцией К.А.Тимирязева. Эти фолианты я разглядывал, затаив дыхание, но по-настоящему приступил к ним значительно позже. Большинство книг в этом шкафу относилось к занятию моих родителей - медицине.

Около входной двери находилась кровать, на которой спали мои родители, и рядом стояла моя кроватка. Над родительским ложем висел шкафчик со стеклянными раздвижными дверцами - для книг. На стенах комнаты, там и сям висели небольшие этюды, выполненные рукой отца, в основном, а над кроватью., на гвоздике - часы, чтобы не проспать на работу - будильники появились много позже.

В раннем детстве меня часто мучили сны с ужасами, я просыпался и плакал, тогда родители разрешали мне укладываться между ними, что и возвращало меня ко сну.

Я потому так подробно описываю обстановку этой комнаты, что не прошло и двух десятилетий, как весь этот антураж прекратил существование. Сначала потому, что перестало хватать места, простого жизненного пространства, да и взрослые работали вне дома, так что, такой, ранее необходимой вещи как письменный стол, не было применения, и он первым покинул утлые жилищные условия простой советской семьи - достаточно, если он был на работе. За ним последовали кровати - их заменили раздвижные диваны и софы, книжные шкафы постепенно заменялись этажерками, кресла - стульями и так продолжалось до конца пятидесятых годов, когда началась массовая жилищная застройка, и квартира на одну семью возвратила в наш быт кое-что из мебели. Впрочем, книжным шкафам приговор был вынесен уже к концу века, когда, в связи со сменой общественной формации, бытовой утилитаризм вытеснил, или лучше сказать, сильно потеснил духовную составляющую обычной семьи - книги и чтение перестали быть и отдыхом, и занятием.

В эти ранние детские годы рабочий день родителей был велик и мне приходилось проводить своё время - играть, есть и гулять - с нянями или с родными, у которых была такая возможность. Хочу напомнить, что вплоть до конца тридцатых годов рабочий ритм строился не по обычно принятой неделе, а по «пятидневке», что отражалось в названии дней. Они назывались не понедельником, вторником и т.д., а первым, вторым и т.д. днём недели. Шестой день недели был

не воскресением, а днём отдыха. Таким образом, наш народ был лишён своего привычного цикла - недели, в первые двадцать, примерно, лет новой власти.

Прихожая, несмотря на свои небольшие размеры, вмещала громадных размеров платяной шкаф, сделанный по заказу провинциального русского Гулливера и комод, над которым висела большая фотография окончивших Комиссаровское училище /техническое/. Выпускники и преподаватели размещались в маленьких овальных фото, тут же были и фото мастерских, и общий вид училища. Среди учеников было и фото дяди Леонтия, а среди преподавателей - фото отца будущего революционера Н.И.Бухарина - кстати, семья его жила на нашей, Большой Грузинской улице, с левой стороны, не доход до Зоологической улицы.

Не было в прихожей вешалки, а были просто вбитые в стену большие латунные гвозди. Телефон около входной двери и электросчетчик на стенке придавали жилью современный вид. На комоде лежала телефонная книга, толстая и немного потрепанная. Забавно было найти в ней фамилию, адрес и телефон: А.И.Кригер, Б. Грузинская, Ср. Тишинский пер., д. 37/1, кв. 18, Д-1-67-89. Во всех остальных квартирах нашего дома телефонов не было, и жильцы ходили звонить к нам, что не только не возбранялось, но и служило поводом для общения женщин, так как ходили только они. В данном случае телефон выполнял роль колодца в деревне.

Слева от входа в квартиру была уборная, с унитазом и небольшой раковиной для малой нужды, причём, на уровне лица было и небольшое отверстие с дверкой - на чёрный ход. Оттуда всегда тянуло холодом, кошачьей вонью и сразу появлялось желание попасть туда и узнать, что это такое - чёрный ход!

Дверь на этот самый ход открывалась уже из кухни, из небоьшого углубления, которое было загромождено корзинами и чемоданами. Одно время там долго стоял деревянный ящик, в котором проживал петух - он был своеобразной платой моей тётке за какую-то оказанную ей врачебную услугу - в летний период моя тётка работала врачом в пионерских лагерях, где она и кому-то из сельских жителей помогала. Этот петух запомнился мне своим громким пением. Я же старался воспользоваться любой возможностью, чтобы проскользнуть за эту таинственную дверь и оказаться на крутой и тесной лестнице, выводящей во двор, к подворотне.

Назначение чёрного хода в те времена было мне непонятным. Я и представить себе не мог, что основная лестница, которая связывала нас с улицей и была парадной (я не связывал слово «парад» с понятием «главная»). Лишь впоследствии я понял, что по парадной лестнице только входили в дом и выходили, а все остальные, хозяйственные дела - вынос мусора, золы, внос дров, заправка примусов и керосинок, выбивание половиков и ковров, чистка от пыли одежды и обуви - всё это делалось на чёрном ходе.

Теперь о кухне. Она была сосредоточием деятельности трёх хозяек и одного хозяина - бабушки, мамы, тётки и дяди Сени. Кухня была маленькой, с одним окном, выходившим в узкий проезд, где прямо перед окном вздымалась глухая стена соседнего дома, к которой примыкали сараи в два этажа и тут же, на асфальте. стояли мусорные ящики. Этот асфальт на уроне земли был, по сути, крышей для котельной, обслуживающей все пять домов данного номера - 37-го по Б.Грузинской. Спуститься в эту обитель тепла можно было по крутой лестнице, и мне приходилось это делать по просьбе бабушки, которая, разумеется зимой, держала истопников под неусыпным наблюдением, а мне приходилось быть гонцом, так как спускаться туда ей было трудно - она плохо ходила.

Истопники, бывшие частенько в подпитии, что мне удавалось различать с лёгкой руки бабушки, относились ко мне дружелюбно и, по моей просьбе, демонстрировали возможности предохранительного клапана, доводя дрожащую стрелку манометра за красную черту, после чего адский свист и грохот вырывающегося пара наполнял эту преисподнюю, ко всеобщему удовольствию.

Возвращаюсь к кухне. Два деревянных сундука, простой стол и полка с вышедшей из употребления медной посудой на две раковины, одна из которых была маленькой и неудобной, а другая, поставленная уже в моё время, была большой и располагала душевой сеткой, мыть лицо и руки под которой было очень удобно. С другой стороны этой душевой сетки была выведена обычная трубка, так что поворот вбок всего этого устройства и открывание вентиля давал сильную струю в сторону прихожей. Как хотелось направить такой фонтан в потолок - конструкция не позволяла этого сделать!

Полы в нашей квартире были из досок, положенных довольно небрежно и от старости изрядно потёртых и выщербленных, к тому же - некрашеных. По субботам приходила высокая, худая женщина /не помню её имени/, которая мыла полы повсюду, кроме нашей комнаты - здесь полы были крыты линолеумом. Полы мылись, а потом скоблились веником от метлы так, что делались белыми, а после - застилались дорожками-половиками, домашнего изготовления из тряпочек разноцветных. Субботний дом преображался - от полов пахло распаренным деревом, пёстрые половики, чистые скатерти, вытертая до блеска мебель, стулья и кресла, освобождённые от чехлов - всё говорило о гостях. Да, еще стойкий запах пирожков, обычно жаренных...

Стены в квартире были оклеены обоями, от старости выцветшими и испачканными, хотя в нашей комнате они были поновее и поверху, у потолка, имели бордюр в виде листьев. Потолки были белые, белёные, с валиками по периметру, а в центре любого потолка размещался крюк для лампы. Последние ничего собой не представляли, но о лампе в столовой, над большим обеденным столом, стоит сказать особо.

Представьте себе громадное паникадило, на трёх черных стальных цепях свисающее с потолка. Эти, украшенные цветочным орнаментом, полутораметровые цепи соединяли небольшую верхнюю тарелку с тяжеленной бывшей керосиновой, а в описываемые времена электрической, лампой, скрытой в изящной. зеленоватого цвета, стеклянной вазе. Керамический бачок для керосина был затейливо расписан майоликой. Крюки у цепей были декорированы головками драконов на изящно выгнутых шеях. Это внушительное сооружение невольно привлекало внимание любого входящего в комнату, хотя света давало и немного. В середине пятидесятых годов, при обмене с тёткой комнатами, эта лампа осталась у неё и пропала вместе с остальными вещами уже при сносе дома, в конце семидесятых. Я очень жалел, что выпустил такого динозавра из поля зрения...

Чистота и порядок в комнатах, насколько это было возможно при вышеописанной тесноте, поддерживались неукоснительно, особенно у бабушки и матери. У квартиранта свисающая с потолка простенькая лампа с громадным керамическим противовесом - такими лампами пользовались тогда чертёжники - позволяла видеть холостяцкий минимум обстановки и, разве что, запах канифоли от вечной пайки говорил об отсутствии хозяйки. У тётки же в комнате был прибранный кавардак.

Начало тридцатых годов - развал в деревне, вызванный коллективизацией и тяжелейший жилищный кризис в городах, отягчённый суровым бытом, отсутствием нормальной торговли и резким ухудшением торговли продовольствием, да еще при карточной системе. Квартиру, которую я описал, семья деда сняла незадолго до его смерти в 1904 г. Оставшись одна с четырьмя детьми, бабушка практиковала домашнюю акушерскую помощь, стала сдавать одну комнату, преимущественно студентам и, как я впоследствии узнал, давала в долг под проценты, а уже при советской власти пошла в управдомы, благо характер её это позволял.

У нас было много родственников и знакомых, мы часто ходили в гости, так что я видел как жили тогдашние семьи - ни одна не жила в отдельной квартире, а некоторые жили в многонаселённых - до 20 и более хозяев - так называемых «коммунальных» квартирах - «коммуналках», занимая по одной и , крайне редко - по две комнаты.

Коммунальный быт воспевался ещё в двадцатых годах, как предтеча и воспитательная мера коммунистического сознания. Разумеется, взвалить на плечи народа такой груз, как индустриализация + коллективизация + военизация и, практически, ничего не строить для жилья, означало вызвать в толще народа кризис морали и подрыв веры во власть, в её способность строить общество и быть направляющей силой. Со временем всё это и сказалось. И одна из причин падения советской власти в дальнейшем была и в этой потере доверия к власти. Вышеуказанная триада преобразования общества, его экономического базиса должна была выполняться более грамотно, приводные ремни преобразований должны были носить объективный характер.

Вот, например, проблема собственной чистоты человека. Традиционно в России народ ходил в баню, и это было неплохо, хотя и неудобно. А во времена моего детства, мои родители мылись на работе - в баню не ходили, меня мыли в корыте на кухне, предварительно натопив её, причём я ужасно боялся мыть голову, не знаю почему, может быть из-за мыла, попадающего в глаза. Позднее, в отроческом возрасте, я тоже стал ходить к родителям на работу для мытья и только после войны, уже юношей, я стал посещать баню, или городской душ /работал летом/. Квартира с ванной в моей семье появилась, когда мне было уже за сорок лет. И громадное большинство моих соотечественников жило таким же образом.

Отказ людям жить в нормальных условиях - тягчайшая вина правителей того времени и не может быть оправдана никакими ссылками на происки империалистов, капиталистическое окружение или переделкой человека - тем более, что сами тогдашние правители катались как сыр в масле.

Заканчивая описание квартиры, в которой я рос первые годы, хочу отметить, что жили мы, по сравнению со многими, мне известными, не так уж и плохо, особенно в первые годы моей жизни - с течением времени характеры обитателей квартиры ожесточились и ссоры нарушали плавное течение жизни.

Предки со стороны матери.

Поскольку я начал с описания квартиры, где жила родня мамы, с её предков я и начну. Мама носила фамилию Кригер, поэтому - сначала о них.

Кригера - немцы, выходцы из Германии, точнее Баварии, вместе со своими родственниками Миллерами. Умелые иностранцы всегда искали в России работу - их квалификация, трудолюбие и способность к организованному труду высоко оценивались в России и, как правило, эти эмигранты в России благоденствовали. Зачем мои предки прибыли в Россию - мне неизвестно. Говорили, что они приехали «ставить паровозное дело», в чём я сомневаюсь, так как первый документально известный мой предок из этой фамилии в середине XIX века прибыл в г.Корчеву, что на верхней Волге и стал там исполнять обязанности судьи в местном уездном суде. Это был Кригер Леонтий Фёдорович, по чину - губернский секретарь.

Не думаю, чтобы положение такого чиновника было завидным, во всяком случае, в этом же городе нашёл он себе жену - местную мещанку - Вассу Пенину. Оба они были невысокого роста: Леонтий белокурый, щуплый, считавший себя некрасивым и потому не оставивший фото, Васса - маленькая, полненькая, медноволосая - на фото 1860 г. она на скамеечке.

Прадед Леонтий этой женитьбой и дела свои поправлял и в круг местных «львов» попадал. Васса же, разве что родительскую волю выполняла, так как, по семейному преданию, она без охоты шла за немца, а в дальнейшем детям своим запретила в доме говорить по-немецки. А детей у их было пятеро: Михаил, Фёдор, Иван, Екатерина и Елизавета.

Городок Корчева, видимо, был типичным городом на верхней Волге, места на которой, несмотря на близость столиц, были достаточно глухи. Энциклопедия «Брокгауз и Эфрон» в т. 16 сообщает, что Корчева была расположена в 76 верстах от Твери и в 40 - от Завидово (ст. на ж/д Москва - Питер).

Городом Корчева признавалась с 1781 по 1796 и с 1803 снова стала городом (и, добавлю от себя, что городом она была до 1935 г., когда была затоплена при строительстве канала Москва - Волга)

Далее энциклопедия сообщает, что жителей в ней, на 1894 г. - 3488 человек, жилых домов - 29 каменных и 432 деревянных, церквей - 3, лавок - 48, фабрик и заводов нет, 2-х классное городское училище и 1 - начальное со 180 учащимися.

Городом Корчева стала 18.10.1781 г. по указу императрицы Екатерины Второй. Тогда же образовался и уезд одноименного названия. В описаниях того времени указывалось, что в городе насчитывается 454 жителя, десяток улиц, один собор на Соборной площади и Преображенская церковь, несколько каменных зданий. Был паром на линии Тверь - Рыбинск, а через Волгу - паром на ту сторону.

Незначительность этого городка отмечена великими современниками. А.Н.Островский: «В Корчеве делать нечего», М.Е.Салтыков - Щедрин: «В Корчеве только слёзы льют, да зубами щёлкают»

Действительно, городок сей был далеко от железных дорог, не имел промышленности, а в отечественном бытоописании он отмечен двумя событиями: во время свего знаменитого путешествия по России Екатерина Великая попала около этого города в шторм, но счастливо пристала к берегу, да еще известно, что лютый сподвижник Пугачва - Хлопуша - был из этих мест. Тем не менее, к началу двадцатых годов XX-го столетия жизнь в городке замерла. В 1922 г. был уничтожен Корчевской уезд. Справочники сообщают, что в середине 20-х годов в нём было 1974 жителя. К 1936 г. жители были переселены в г. Кимры, Конаково и Устье /напротив Корчевы/, уровень воды поднят и город затоплен, так, что остался один домик, на бывшем высоком берегу -

домик Рождественских. Теперь это охотхозяйство. Рассказывают, что вплоть до 1992-93 г.г. бывшие жители собирались на своеобразные поминки по своей домовине.

В путеводителе по Волге Н.А.Усова за 1924 г. об этом городе написано, что раз в сутки здесь останавливается пароход линии Рыбинск - Тверь и что из этого города выходят хорошие сапожники, каковое производство здесь и налажено, а также плотники, печники и красильщики.

В шестидесятые годы XX в., путешествуя по затопленным Московским морем местам, где жили мои предки, в означенном месте, на правом берегу, я обнаружил небольшой островок, густо заросший ракитником. Островок этот оказался куполом /надалтарным, видимо/ корчевской церкви, а на низком и пологом берегу, рядом, заброшенное кладбище, с кое-где уцелевшими надгробными плитами и памятниками.

Теперь о детях Леонтия и Вассы. Есть фото, где все три брата в поддёвках, сапогах и косоворотках, подпоясанных шнуровыми поясами и в картузах - отличная иллюстрация к провинциальному быту (по А.Н.Островскому). Сидит Михаил (старший), ему досталось отцовское (или уже им купленное) имение, расположенное неподалёку - в с.Шестово. Впоследствии, в семье была ссора - отцовское имение послужило камнем преткновения. Имение было богатым: поместительный дом, неподалёку - маслосыродельный завод, продукцию которого возили в Тверь и Москву. И уж, конечно, в Корчеву.

Надо упомянуть, что маслоделие и сыроварение было в этих местах очень популярным и делало эти места знаменитыми на всю Россию. В местном селе Едимоново, брат известного художника В.В.Верещагина, Н.В.Верещагин основал образцовую школу молочного дела с лабораторией и производством. Так что Михаилу было у кого перенять опыт.

О масштабе затеянного можно судить по величине стада коров - 40 голов. Сенокосные угодья этих мест славились на всю Россию. Большой сад тоже носил хозяйственный уклон. По рассказам мамы и тёти Нади Греховой (урождённой Караваевой) имение производило внушительное даже после революции, во времена НЭПа. Все дороги вели Михаила в капиталисты, но. с концом НЭПа кончилась и эта карьера Михаила. Преследований ему удалось избежать и он закончил жизнь в должности завхоза детского дома в Малаховке, под Москвой. Оттуда он к нам и приезжал, уже перед войной, и я внешность его хорошо запомнил. Невысокий, коренастый, с красным лицом, бледно серыми, слегка навыкате, глазами, с бородкой клинышком, со светлыми бородавками на лице - явный провинциал, тем более, что одет он был в сапоги, кожаную куртку и с кожаной же фуражкой на голове.

Мне известно, что от Михаила осталась дочь Екатерина Михайловна, вышедшая замуж за Тычкова и имевшая от него сына Юрия, ставшего много позже заместителем министра Атомной промышленности. Семья Тычковых была выслана в Новосибирск, примерно, в середине 30-х годов, где и проживала. Откуда и приезжала на родину и приходила к нам. Помню, что Юра был чрезвычайно бойкий и многознающий мальчик, любитель шумных игр. Но знакомство с ним продолжено не было - не те были времена!

Примечание [A1]: Сейчас он известен как «Дом рыбака»

Примечание [A2]: Бывший заместитель министра Минатома России; родился 2 января 1930 г. в г. Москве; окончил Всесоюзный заочный политехнический институт по специальности "инженер-механик", доктор технических наук, профессор; академик Российской академии инженерных наук; основное направление профессиональной деятельности: применение вычислительной техники в управлении; лауреат Государственной премии СССР; владеет английским языком; имеет двоих сыновей; увлечения: теннис, горные лыжи. http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/125515/Тычков

Юрий Тычков

Слева, на той же фотографии, стоит Иван. Он выучился на лесника и работал в Мордовии. Моя бабушка - Александра Ивановна мне рассказывала о поездках в Алатырь, в гости к семье Ивана. От этих поездок осталось фото - моя мама и тётя Шура в Мордовских костюмах.

Иван был страстным охотником. Его сын - дядя Ваня (И.И.Кригер) - мне рассказывал, что отец его убивал в год до тысячи голов дичи. Женат тот Иван был на Синебрюховой. Видел я её не раз, уже старухой, бодрой и строгой. Она жила в нашем же Средне - Тишинском переулке, в доме напротив. Дом был высок, в пять этажей, с двумя башенками, на одной из которых белыми кирпичами /само здание было из красного кирпича/ была выложена надпись «Общество счетоводов, 1892 г.»

В длинном бархатном салопе, в тёмной шапочке на седых волосах являлась эта старуха и о чём-то шепталась с бабушкой. Бабушка моя относилась к ней в высшей степени почтительно, а по её уходу мне сообщала: «Все Синебрюховы были революционеры. Когда царь ехал в Москву, Синебрюховых выселяли из Москвы на время пребывания царя и его семейства» Впоследствии я узнал, что Синебрюховы были эсеры.

Были ли у Ивана еще дети, кроме дяди Вани я не знаю. Дядю Ваню я помню и до войны, а ближе познакомился с ним уже в семидесятые годы - оба мы пытались спасти тётю Шуру со всем её имуществом и получить ей жильё, вместо сносимого на Тишинке нашего дома. О судьбе же дяди Вани мне известно следующее. Он учился в Москве, в сельскохозяйственной Петровской академии, но курса не кончил. В революцию и в гражданскую войну работал по снабжению Красной армии, в частности, на южном фронте, а уже в мирное время стал работать агрономом в Рязанской губернии и вывел свой колхоз на хорошее место в губернии. Но к моменту начала строительства Беломоро - Балтийского канала, был арестован, как раз в то время, когда колхозные труженики ждали воздаяния свыше за хороший урожай. Вернувшись из заключения, дядя Ваня продолжал свой труд агронома, женился на местной вдове с тремя детьми, да и своих двух дочерей нажил. Уже после войны он работал во Владимирской области, где одна из его дочерей с семьей и осталась. Он, уже выйдя на пенсию, с другой дочерью, переехал в Москву, в Солнцево. У дочери было два сына, но фамилия Кригер сохранилась только у приёмного сына, который, став геологом, был в МГУ им.Ломоносова профессором. Других Кригеров от дяди Вани не осталось. Умер дядя Ваня в больнице, в Солнцево. Сел на постели и сказал своим сопалатникам: «Приказываю долго жить!» - с тем и ушёл. Мне пришлось быть тогда в Северодонецке и на

Примечание [АЗ]: Ну почему нет ни одного имени?!

похоронах я не присутствовал, но в памяти моей он сохранился бодрым маленьким старичком с седенькой бородкой, добрым, открытым для помощи другим. Его очень беспокоила судьба тёти Шуры, его двоюродной сестры, больше, чем её саму беспокоила собственная судьба. Когда я его спрашивал, как он себя чувствует, он отвечал: «Да, по годам-то ничего! Вот грудь что-то заломило!» Говорил он это нажимая на «о». Родившись в 1891 г. он ушёл из жизни в 1974 г. На плечи таких скромных и стойких людей большевики возложили всю тяготу жизни в деревне 20-х, 30-х годов. Мир праху его!

Возвращаюсь к той фотографии, где сняты братья Кригера, корчевские. Справа, третий - мой дед Фёдор Леонтьевич. И у него был характер: из дома он ушёл рано, подростком, босиком, неся на палке узелок со снедью, да сапоги. Дошёл до Завидово, оттуда - в Питер, в училище, где и выучился на машиниста, причём в то же время посещал рисовальные курсы при Академии Художеств. У моей бабушки, Александры Ивановны, его жены, я видел его рисунки на ватмане - орнаменты, гипсовые слепки, части фигур и т.д.

На машиниста он выучился, но отец ему своевольничания простить не мог и в письмах, стараясь поддеть его, упоминал его положение, с точки зрения отца незавидное: «Как вам, мастеровым, это и надлежит», - так он писал. Но дело было сделано, специальность, по тем временам очень неплохая, т.к. машинисты были рабочей аристократией. Во всяком случае, к нуждающимся не относились. Каким-то образом, водя составы по Николаевской железной дороге, он и жену нашёл - дочь стрелочника, Александру Ивановну Храмцову, перевёз её в Москву и зажил семейно на Красносельской улице, неподалёку от вокзала Николаевской железной дороги.

Дорога эта была первой магистральной в России. Она строилась по плану, одобренному царём Николаем Первым, была совершенно прямой, была выстроена в течение 8-ми лет и стоила каждая её верста 132515 рублей 91 копейку - официально. Сумма немалая по тем временам. Подряд на поставку лесоматериалов департамент железных дорог утвердил за коммерции советниками Торлецким и Синебрюховым /уж не родственником ли матери дяди Вани?/. Дед проработал машинистом лет пятнадцать, примерно, а последние несколько лет он уже работал в конторе при Александровском, ныне - Белорусском вокзале, поэтому семья и перебралась из района Сокольников в район Тишинки. Работая на паровозе, дед слыл аккуратистом, умельцем, заслужил медаль и водил поезда с царской фамилией - был на хорошем счету. У него развилась болезнь ног, ему предложили операцию - ампутацию ноги, он не согласился и умер на подъезде к станции Клин, когда семья - жена и дети - ехали в Корчеву, в гости к родне. Смерть была мгновенной, железная дорога взяла на себя заботы о похоронах, назначила пенсию и обеспечила учёбу без оплаты двух его сыновей. Они закончили Комиссаровское техническое училище, по нашему понятию - техникум.

О жене деда, Александре Ивановне, я напишу позднее, а сейчас - об их детях. Их было четверо: Леонтий, Фёдор, Екатерина и Александра. Леонтий, родившийся в 1891 г., закончил городское училище, был принят казённокоштным студентом в Комиссаровское училище, потом работал, наверное, по железнодорожному ведомству. В 1914 г., с началом 1-й Мировой войны, был призван в армию и в чине прапорщика служил в г.Кременчуге, в 26-м запасном полку - как старший сын он не попадал на фронт. В полку он исправлял должность адъютанта полка.

Примечание [A4]: КАЗЁННОКОШТНЫЙ казённокоштная, казённокоштное (офиц. устар.). Содержимый и обучаемый на казенный кошт, на средства казны, государства; противоп. своекоштный (об учащихся). Казеннокоштный студент.

Дядя Лётя, как его называли мы, хоть и был мал ростом, но весьма благообразен и, с белокурой волной кудрей на балах он был распорядителем и первым танцором. Он свёл знакомство с местной красавицей и, несмотря на полное несходство характеров, брак состоялся. Было это году в 1917-м, во всяком случае, когда бабушка в 1916 г. ездила в прифронтовую зону - навестить сыновей в действующей армии, дядя Лётя еще женат не был. Появилась дочь - Алла, но началась и революция. Армия развалилась, немцы заняли Украину, и дядя Лётя оказался в плену.

Бабушка, получив известие о его возвращении в Кременчуг, уже из плена, поехала к нему второй раз, прихватив дочь Александру.

Из плена дядя Лётя вернулся тяжело больным: в замке в Ровно, где немцы держали русских пленных, было тесно и сыро. Дядюшка вернулся в свою семью в горячке, слёг и встать ему уже было не суждено. Отношение местных властей к русским тогда, а власть была Петлюровская, было резко отрицательным - националисты и слышать не хотели о москалях. Было страшно и опасно обнаружить такового и дядю Лётю прятали. Да недолго пришлось это делать.

Бабушка и тётка (бабушке было 49 лет, тётке - 22 года), преодолев границу, прибыли на «вильну, неподлиглу Вкраину». И в то же день в Кременчуг вошёл атаман Григорьев. Начались погромы и аресты. Бабушка нашла выход, понимая, что по виду и по внешности (особенно тётю Шуру) их могли принять за евреев, а это было равносильно смерти. Выход состоял в том, что обе женщины спрятались на кладбище, в каком-то склепе, где и просидели то ли два, то ли три дня, пока Григорьева не вышибли Красные, что было менее опасно для приехавших москалек.

Примечание [A5]: Видимо, имелось ввиду «вільна, незалежна Україна», т.е. вольная и независимая...

Сохранились фотографии - три женщины на могиле, неподалёку - церковь, на надгробном памятнике можно разобрать и дату смерти дядюшки. Документально известно, что налёт Григорьева на Кременчуг был в 1919 г., в середине мая. Это и есть дата посещения моей роднёй могилы дяди, умершего в 1918 г.

Бабушка подозревала, что её сына «залечили» и забрала с собой все рецепты и анализы. Они долго хранились и, в конце концов, оказались у меня в ящике стола. Цветные размалёванные сигнатурки вряд ли могли что-либо сказать! К переживаниям по поводу смерти старшего сына добавились и переживания по поводу сохранения собственной жизни, когда по городу летал пух еврейских подушек и перин, на мостовых валялись трупы их хозяев, а грабежи и стрельба шли по всему городу!

А что же безутешная вдова, красавица Лидия? Она нашла себя в вихре Гражданской войны! С Красными - на Одессу! С чрезвычайкой (ЧК) на буржуев. В одном из особых отделов она нашла и мужа, с которым приехала навестить родню в Москву, уже когда стихли бури Гражданской войны. Такая же красивая, с разодетой дочкой Аллочкой и с очень даже приятным мужем - Сергеем Александровичем Найдёновым.

Мы, её племянники, стали звать новоиспечённого дядюшку дядей Серёжей, и, надо сказать, полюбили его. Само спокойствие, добрая улыбка прищуренных глаз, правильная, почти московская речь, несколько вкрадчивые манеры - дядя Серёжа всем располагал! Бабушке нравилось, что он прекрасно играет в преферанс - она была большой любительницей этой игры, и то, что он был тароват на подарки, а уж это и вообще располагает женщин любого возраста. И, к тому же, он - чекист, а по тем временам это много значило.

Работал дядя Серёжа в провинциальных службах органов безопасности - Краснодар, Красноярск, но приезжал в столицу частенько и наведывался в Грузины. Мне он запомнился уже в предвоенные времена. В кремовой гимнастёрке, с ромбом в петлице, со значком «Почётный чекист» и со значком на рукаве - обнажённый меч в венке. Как-то дядя Серёжа взял меня погулять и повёз в Химки, где мы посетили незадолго перед этим открытый Речной Вокзал. Сидели в ресторане, ели что-то очень вкусное, но ни вид открывающейся с открытой веранды ресторана, ни невиданная мной доселе обстановка, ни еда так не привлекали моего внимания, как мечущиеся вокруг нас официанты, подобострастно нас обслуживающие - тут-то я увидел, что такое прислуживать! Форма и знаки различия много говорили прислуге - ведь это были достопамятные годы - 1937-38!

К тому же дядя Серёжа задавал мне много вопросов - о семье, об отце, который тогда уже жил на Дальнем Востоке. Но мать и отец были тогда уже в разводе. Я не видел отца давно, да и знал слишком мало вообще, так что если вопросы дяди Серёжи и носили характер не простого

любопытства, а определялись его профессией, узнать от меня что-либо было невозможно. Уже много лет спустя, я узнал, что дядя Серёжа относился к тем сотрудникам своей организации, у которых понятие долга и человеческой совести были не на последнем месте, как это ни странно звучит теперь, когда узнано так много ранее сокрытого! Да, и такие были и слава им в веках!

Как же тётка Лидия нашла себя в такой работе? А что тут удивляться? Взбалмошная, вздорная, с манерами и привычками самодура, умевшая чаровать, легко вступающая в контакты и способная расположить к себе собеседника - все эти качества нужны для первых впечатлений. При дальнейшем знакомстве начинают отталкивать её более скрытые черты, выражающиеся в вышеперечисленных особенностях, следствием чего появляется твёрдое убеждение - никогда, нигде и ни при каких условиях с эти человеком дела больше не иметь!

Вспоминаю и то, что было рассказано о частной жизни этой семьи: что-то проскакивало у Аллы, о чём-то не договаривал дядя Серёжа, а что-то прорывалось и у самой Лидии - иногда она со смехом вспоминала о тех скандалах, которые она закатывала дяде Серёже, - всё это было достойно кухонных склок. Бабушка, тётя Шура, дядя Федя, брат Володя и даже я, самый маленький, словно сговорившись, старались не поддерживать контактов с этой своей роднёй, хотя и симпатизировали дяде Серёже.

Уже перед войной, когда тётка Лида с Аллой приезжала из Киева, где они жили,, я помню тётку Лиду разодетую, в диковинной тогда косметике, обязательно в вуалетке /скрыть лицо от назойливых мужчин!/, с подарками мне (детские книжки на украинском языке, запомнился «Вусатий, полосатий», про котёнка), и Алла, тоже расфуфыренная, убранная косметикой со сногсшибательной причёской, но тихая, печальная, одним словом - какая-то забитая. Помню, что как-то мать и дочь появились у нас в сопровождении молодого человека в лётной форме - он был представлен как жених Аллы. Разговаривать с ним мне было интересно - он показывал мне фотоснимки разных самолётных конструкций. Но это жениховство так и осталось в мечтах - Алла так и не вышла замуж и, оставшись в девах, опекала свою мать - незавидная судьба!

Уже после войны, дядя Серёжа, не помню по какому случаю, пришёл к нам с другой женщиной, второй женой. Внешне он, конечно, изменился, но тот же прищур, тот же взгляд, та же приятная улыбка, а вот одежда - синий плащ, синяя же кепка - ничего не осталось от того блестящего и симпатичного командира - так, средней руки восьмидесятирублёвый инженер! Из его рассказа следовало, что Лидия, наконец, своими доносами испортила ему карьеру - его понизили до капитана. Расставались, я закрывал за ним дверь, он задержался, пожал мою руку и сказал, как отрезал: «Живи честно».

В последние годы тётка Лидия у нас не появлялась. Кажется, уже после войны, она вдруг прибежала к нам в Грузины, и с порога кинувшись к бабушке стала кричать, что на Тишинском рынке она видела Федю - моего дядю, пропавшего без вести в 1942 г. под Ржевым. Якобы он, слепой, сидит и играет в напёрсток среди толпы послевоенных инвалидов. Бабущка и тётка Шура подхватились и понеслись на рынок, но никакого дядю Федю они, конечно, не нашли.

После войны семья дяди Серёжи жила уже в Москве, но обе дамы появлялись без него. Приходили редко, выглядели печально, тема женихов приобрела закордонный характер - Алла рассказывала о своих знакомствах с американцами: «они такие эстеты». Думаю, что просто она работала на спецслужбы. И то хорошо, что всё хорошо закончилось: стоит вспомнить печальную судьбу актрисы Зои Фёдоровой или певицы из Большого театра и, по совместительству, жены маршала А.И.Егорова, потом С.М.Будённого.

Примечание [А6]: Видимо, имеется ввиду Ольга Стефановна Михайлова

Каков же был конец этих героев? последние годы своей жизни Лидия вместе с Аллой бедствовали - ни та. ни другая никогда не работали, но какую-то пенсию им /не без помощи дяди Серёжи/ выхлопотали. Мне они не звонили, звонили Володе Кригеру - об этом я узнал много позже.

Пришло время божьего суда и для тётки Лидии. Она преставилась примерно в 1980 г., об этом моему брату Володе сообщил дядя Серёжа. На похороны я не поехал - уезжал в командировку, послал Антона. Кроме своего дяди Володи Антон никого не узнал, но приметил дочь покойной - «маленькую старушку» - это и была моя двоюродная сестра Алла. Больше о ней я ничего не знаю.

Наконец, «Московская правда», №202 от 03.09.1989 г. известила: «Ленинский РК КПСС, ректорат, партийный комитет 1-го М.М.И. им. И.М.Сеченова с глубоким прискорбием извещает о смерти члена КПСС с 1918 г., участника Гражданской и ВОВ, старейшего сотрудника института Сергея Александровича Найдёнова и выражает соболезнование родным и близким покойного»

Это всё о первом сыне бабушки - Леонтии.

Теперь о втором её ребёнке, тоже моём дяде - Фёдоре, родившемся в 1893 г. Он, как и тётка Шура, в детстве и молодости был похож на свою мать м внешне, и характером - был озорник и строптивец. Кажется, в гимназии он не доучился, его выгоняли и не раз, то - за злое озорство, то - за пение революционных песен - это было в годы революции 1905 г. Со своим товарищем пели они под окнами гимназии «Марсельезу», что и было услышано педелями. Вызвали мать, дяде грозил «волчий билет». Каким-то образом бабушка упрочила начальство, но я не уверен, что дядюшка еще чего-нибудь не выкинул. Заканчивал дядя то же училище, что и его брат Леонтий - Комиссаровское техническое, что было в Благовещенском переулке Москвы.

Училище это было основано в 1865 г. княгиней Трубецкой на средства попечительского общества и большой суммы, которую дал миллионер П.ИГубонин - разбогатевший крестьянин. Это была ремесленная школа для мальчиков, получившая впоследствии название Комиссаровской, в честь спасителя царя Александра II, во время покушения Каракозова на его жизнь. Д.В.Каракозов, как известно, был повешен, а Комиссаров обеспечил своё потомство дворянством. С того момента как Осип Иванович Комиссаров, шапочный мастер из Костромской губернии, отвёл руку Каракозова прошло более ста лет. Мне довелось познакомиться с одной из его потомков. Мой приятель Сорокин А.А. в третий раз женился на своей дипломнице Комиссаровой Вере Андреевне, кинешемке по рождению, оказавшейся прямым потомком, правнучкой, видимо, этого Комиссарова.

Ещё немного об училище. До 1869 г. оно было ремесленной школой. В 1870 г. при школе был создан вагоноремонтный завод, который был соединён с Николаевской и Смоленской дорогами. Курс учения был семиклассный и давал среднее механическое образование, так как два класса были специальные. В первый класс принимались дети не младше 10 лет и не старше 13 лет Успешно окончившие курс оставались на два года для работы в мастерских.

По окончании училища дядя Федя работал, а когда подошла военная пора, пошёл вольноопределяющимся, «вольнопёром» как тогда говорили. Учился он в Александровском военном училище, где тоже отличался озорством. Бабка мне рассказывала, что одному из своих товарищей - юнкеров, он налили киселя в сапог и, когда тот с побудкой вскочил одеваться, веселью юнкеров не было конца и краю. Впрочем, по натуре дядя был добряк.

В отличие от своего старшего брата, он стал боевым офицером - артиллеристом. Служил он в 92-й тяжёлой штурмовой батарее, которая вела бои на Западной Украине, в том числе и на реке Стоход и даже был отравлен газами. Но этого мало - получил он ранение разрывной пулей и спасло его то, что он носил на теле подаренную матерью иконку - тройной складень. Этот подарок - оберег мне часто показывала бабушка, он был изуродован и разбит. И место, где он висел, бабушка указывала, примеряя к своему боку. Долго хранился и номер московской газеты, где была фотография дяди в лихо заломленной фуражке, сопровождаемая подписью: «Поручик Ф.Кригер. Ранен в бою. Москвич.» после отравления газами дядя получил отпуск, когда его и застала революция. Но перед этим, в 1916 г. бабушка и обе дочери её, тётя Шура и моя мама

Примечание [A7]: Ант. Я помню этот момент. Мы с Владлен Фёдоровичем и группой родственников забирали её в морге на 2-й Бауманской улице. Прямо по соседству с МВТУ, где я учился. Хотя, мне кажется, что тогда я еще не учился там, следовательно это было не 80-м, а в... 77-79 годах.

Примечание [A8]: Ант. Так в тексте! Версии две: «преподавателями», или «предателями»

Примечание [A9]: wikipedia: **Волчий билет** («волчий паспорт» или «волчий аттестат») — документ, паспорт с отметками, свидетельствующими о неблагонадежности его обладателя и лишающий его каких-либо гражданских прав. Позднее, в более широком смысле, — отрицательные, компрометирующие характеристики, отмеченные в документах (в личном деле, в трудовой книжке, справках и т.п.), не дающие дальнейшей возможности получения хорошей работы, должности или других благ (есть выражение *«выгнать с волчьим билетом»*).

ездили в Кременчуг к дяде Лёте, куда приезжал и Фёдор. Чтобы его увидеть, бабушка заехала за ним в ту деревню, где он стоял со своей батареей. Денщик никак его не мог добудиться - на отдыхе господа офицеры поигрывали в картишки, да и с выпивкой, так что дядя был застигнут в объятиях Морфея, или, как тогда говорили фронтовики - «после бомбауса».

Когда произошла революция ноября 1917 г., дядя был в родном доме, в Грузинах, и по требованию властей офицеров собрали в замке, в Лефортове, как в тюрьме - опасались военного переворота - причём, собралось несколько тысяч офицеров. То было и военное братство и внушительная военная сила. Среди них находились и генералы, в частности, А.А.Брусилов, который отговаривал «господ офицеров» от попыток мятежа и борьбы с «товарищами». Охрану несли то латыши, то китайцы. Причем. они отпугивали многочисленных посетителей - девушки КригерА и Караваевы навещали своих братьев - охранники наставляли свои винтовки с примкнутыми штыками и сурово кричали: «Барышня, отойди, застрелю!»

Пришла пора и бывших офицеров. Марксистские представления о том, что армия пролетариата будет армией вооружённого народа, армией, которая не будет нуждаться в профессионалах, эти представления испарились на фоне действия Красной Гвардии и успехов «Белого Движения». Осознание этого привело к призыву, сначала добровольному, а потом и принудительному бывших офицеров в армию. Появилась Красная Армия. В числе многих и дядя Федя стал «краскомом», так называли офицеров. Краскомы званий не имели, назывались по должности. Звания ввели в 1935 г., а погоны - к концу 1942 г. Да и само слово «офицер» вернули, фактически, к концу ВОВ.

Еще в первую мировую войну дядя Федя выказал высокие боевые качества, да и удали у него хватало, а вот озорство уже стало носить жестокий характер. Частенько он мне рассказывал, даже разыгрывая сценки тогдашнего фронтового быта. В том числе и о том, что они делали с пленными - привязывали их к крыльям ветряных мельниц, где несчастным было суждено вращение. Хочется верить, что виновники подобных злых шуток пленников же и освобождали. А на фронтах Гражданской войны дядя Фёдор тоже отличился. Попав в плен к «зелёным», дядя Федя, вместе с товарищем, сумели найти выход - разобрать солому то ли сарая, то ли овина и ускакать в пролётке. За участие в мировой войне дядя Фёдор имел награды, о которых упоминали родные, а, в награду за Гражданскую войну, дядюшка ничего, кажется, не имел - да хоть жив остался! Его отношение к войне выражалось в поговорке: «Либо грудь в крестах, либо голова - в кустах!»

По окончании Гражданской войны, изменилось и отношение к «бывшим», и, хоть все они были из народа, к ним стали относиться настороженно. Из армии он уволился и стал работать, но ему всё больше и больше стал мешать распространённый русский порок, к которому его приучила кочевая жизнь и военный быт, хотя, видимо, и удержу у него не хватило. Но, по молодости, это заметно не было, да и его общительный и весёлый характер делал его «любимцем публики» и «душой компании». Таким он мне и запомнился - это у него было от бабушки, и в такие минуты я мог им восторгаться, как и все. Женитьба его не изменила.

Произошло это, примерно, в 1932 г. Его избранница - Мария Павловна - была дочерью мастера фарфорового завода, что в Вербилках. Свадьба их запомнилась чуть ли не всему нашему околотку, во всяком случае плясали даже во дворе дома напротив, где был дом «Общества счетоводов». Вся наша родня эту свадьбу вспоминала как яркое событие.

Семья тёти Маши была староверческой, и моя мама вспоминала как тётя Маша ходила в «свою» церковь, что размещалась у Белорусского вокзала, одев сарафан и повязав платок. В целом, религия в моё время никакой роли не играла - сама церковь переживала не лучшие времена, она привыкала жить при новой власти и, из моего окружения, в квартире прежде всего, никто церковь, кроме бабушки, не посещал. Да и бабушка делала это редко и скрытно. икона,

единственная, висела у неё в комнате. Правда крещение детей в значительной степени сохранилось, и многие из моих сверстников были крещены. В семье Егоровых религией и не пахло, а вот в семье Караваевых религиозный дух чувствовался - и вера там была, и церковь посещалась. Бабушка сделала попытку меня окрестить. но мама этого не захотела, а папа был совершенно чужд религиозному сознанию. Кстати, бабушка и хотела назвать меня по-современному - Мюдом. В день моего рождения праздновался новый праздник - Международный Юношеский День. Это и подтолкнуло её к такому решению, но родители и это не дали ей сделать!

Продолжу о дяде Феде. В браке с тётей Машей был рожден мой брат Володя. Сучилось это в 1924 г. - то был год смерти Ленина и, по тогдашней моде, младенец был назван Владиленом /Влад.Ил.Лен./, но в жизни его, конечно, звали Володей. О нём ниже, а семья дяди Феди бывала у нас в гостях очень часто, как и мы у них, так что своего дядюшку я хорошо помню. Довольно часто он менял работу, что было связано, видимо, с его слабостью к вину. Одно время он работал на каком-то заводе, где делали фарфоровые безделушки. откуда он и принёс нам белого фарфорового слона - он долго был в нашей семье, но бывали у дяди Феди и «выходы», по терминологии Н.С.Лескова - тогда он заявлялся к нам домой, скандалил с бабушкой, беря в семейных сварах сторону сестёр, а впоследствии скандалили с ними, встав на сторону бабушки. Дочери /моя мама и тётка Шура/ со своей матерью (моей бабушкой) не ладили, особенно мать. Причину этих склок я не мог понять, думаю, что виноват был сварливый характер всех трёх. Определённо могу сказать, что у мамы эта черта была развита.

В те времена подобные скандалы заканчивались тем, что дядя Федя падал в коридоре на пол и засыпал. Поднять его не было никакой возможности - он ругался и отбивался. Так что шагали через него, когда шли на кухню, или в уборную. По счастью, наш квартирант не страдал такими отклонениями, а выпив, держался достойно.

В гости, в семью дяди Феди мы ездили сначала в Павлов-Посад, потом - в Томилино. В П-Посаде жила родня тёти Маши, там был старый деревянный дом, в котором были высокие двери с привлекательными дверными ручками и братец Володя показал мне как интересно, повиснув на такой ручке, ездить взад и вперёд. а в Томилино, где они жили уже перед войной, был большой двор, в котором гуляла и другая ребятня. Ими верховодил Володя и, кроме санок зимой, летом было и купание, по-видимому, в реке Пехорке, протекавшей неподалёку. Володя уже плавал, я же отсиживался на берегу. В какое-то лето рыли подземный ход по нарисованному Володей плану. На каток вся компания ходила без меня, так как я кататься не умел. Знаю, что однажды товарищи Володи притащили его чуть ли не на руках - ему стало там плохо. По этому поводу у нас были пересуды и вывод делался такой: у всех Кригеров плохое сердце!

Вспоминается как дядя Володя проходил сборы офицеров запаса в Покровском-Стрешневе, где были военные лагери. Мы ездили его там навешать, он выходил к нам в форме без знаков различия, с пустыми петлицами. Впрочем, больше запомнилась дорога туда - мы садились у Белорусского вокзала на трамвай - и наблюдать жизнь тогдашней окраины Москвы, да еще высунувшись в окно на полном ходу, было страшно интересно.

Иногда мне выпадало прогуляться с дядюшкой. Выйдя из дому, мы направлялись к ближайшему писному ларьку. дядя сыпал соль в кружку, сдувал пену, иногда давал мне попробовать что получалось. Мне не нравилось и в душе это поведение его я осуждал, так как моя мама, характеризуя эту страсть, навсегда, думается мне, заложила в моё видение непримиримость к алкогольному злоупотреблению. А вот последующая прогулка интерес представляла. Обо всём что мы видели дядя рассказывал своими словами, его меткие замечания запоминались, так как вскрывали подоплёку событий - мам, при всей её заботливости, так не

умела. К тому же, дядин юмор скрашивал обычную казённую речь, и я до сих пор помню многое из им сказанного.

Тётя Маша была полной противоположностью своему мужу и по поведению, и по характеру. Ходила она плавно, неторопливо, была молчалива и тиха. Специальности она не имела, шила на дому по частным заказам, впрочем, какое-то время и работала по этому же делу. Обычной её позой у нас при чаепитии было сидение за столом, облокотившись на стол локтями и встав коленками на стул. Голова подбородком покоилась на ладонях рук, в пальцах которых была зажата папироса - тётя Маша отчаянно курила, что бабушке не нравилось, хотя она и мирилась с этим - при её твёрдом характере она это умела. Если учесть, что рядом за столом точно в такой же позе и тоже с папиросой в руке находилась тётя Шура, то можно себе представить, что терпение бабушки . наконец, истощилось. Молчаливая невестка и заснувшая дочь - слишком нелепая ситуация, и бабушка демонстративно покидала застолье. Правда, последнее случалось редко - бабушка была стойка и терпелива.

Когда началась Отечественная война, мы жили на Дальнем Востоке и знали, что дядя Федя воюет. Потом выяснилось, что он погиб. И, только спустя много лет, стали известны подробности. Дядю призвали в 1941 г., ему было почти пятьдесят лет и, к тому же, немецкая фамилия. На фронт он не попал, а был направлен, кажется, в Тулу, в военное училище. Произошла беда - на занятиях погиб от взрыва курсант. Дядя попал под суд и был, в составе штрафной роты, отправлен на фронт, под Ржев, где шли непрерывные фронтальные бои - «мясорубка». Наше командование старалось удержать крупные немецкие силы от переброски их на основные, южные участки войны. Здесь-то дядя и погиб. Точнее - пропал без вести. Штрафные батальоны /для солдат/ и роты /для офицеров/ бросались в бой на самые горячие участки, зачастую без соответствующей поддержки. Солдаты и офицеры в них воевали «до первой крови». Положение об этих частях было утверждено 26.09.1942 г. заместителем НКО Г.К.Жуковым (он был тогда генерал армии)

Уже после войны к бабушке пришёл солдат из дядиной части и рассказал, что дядю, раненного, медсанбат вывозил в тыл. Тем не менее, дядя так и не объявился...

Теперь о его сыне. По характеру Володя сочетал и материну степенность и отцовскую живость. Я помню его с самых первых своих лет - я очень его любил и весть о том, что Володя приедет в гости на каникулы «пожить у нас и поиграть с тобой» приводила меня в восторг! Володя для меня был определённой отдушиной, связью с миром, ибо гулять самостоятельно я не ходил, двора не знал, в кино и театрах бывал крайне редко, книг еще не читал - всё это касается времени до 1934 г. включительно. И вот приезжает старший брат и пошло, и поехало: что прочёл, какие фильмы видел, рассказы о школе, товарищах и учителях и т.д. Поднималась беготня, что я страшно любил - то была моя особенность - я очень дюбил движение, если его не хватало, а его действительно просто не было, я начинал бегать из столовой в кухню и обратно, или вертеться на одном месте, или кувыркаться на диване, на постеленном ковре, городить из стульев «самолёт», «пароход» и т.д., пока меня не останавливали взрослые, одёргивали и предлагали отдохнуть, видя полыхающее румянцем лицо и голову, мокрую от пота.

Володя был мастер прятаться и единственная игра наша была прятки. Но в характере Володи рано проявилось одно из основных его качеств - спокойная, вдумчивая работа графически - оформительского типа. Рисование у него носило характер срисовывания, чего я терпеть не мог. По мне - рисовать то, что приходит в голову, то, о чём я думал, или увидел, а Володя мог часами по клеточкам переносить портрет Ленина. или Ворошилова на лист ватмана, а потом, вытерев нанесённую клетку, нанести тени, сделать растушёвку - получалось здорово, но не для меня!

Кстати, рисовать «вождей» было официально запрещено, видимо, из боязни получить на них карикатуры. Был официально утвержденный список художников, которые писали и рисовали вождей, так что эти его рисунки далеко не шли.

И еще талант Володи проявлялся в оформлении «красных уголков». Я знаю, что в домоуправлении небольшой детский коллектив (из детей двора) украшал один из углов большой комнаты конторы, а мы с Володей делали это в бабушкиной комнате. Нам покупали портреты «вождей» - мы всегда просили портреты Ворошилова и Будённого на конях, в форме и с шашкой на боку. Бывали и портреты Сталина и Ленина - первый что-то писал, второй - читал газету. Портреты остальных мне не запомнились - в начале тридцатых годов «ленинская гвардия» редела с каждым годом: идейные дискуссии заканчивались процессами, после которых вчерашние вожди уходили в небытие - «революции пожирают своих детей». Покупались и цветная бумага, клей, кнопки, карандаши, кисти и т.д.

Примечание [A10]: Ант. «**Революция пожирает своих детей**” - слова, сказанные перед казнью знаменитым деятелем Великой французской революции Жоржем Жаком Дантоном (1759—1794). Он стал одной из многих жертв, погибших от недавних соратников.

На обе стороны выбранного угла навешивались написанные нами лозунги, портреты, картинки и всё это перевивалось гирляндами свитых еловых веток. Квартирант - дядя сеня - прикреплял лампу для освещения и взрослым оставалось демонстрировать пришедшим родным и близким нашу заготовку.

Обычай этот прекратил своё существование с возвращением ёлочного Нового Года и с уменьшением количества «вождей» после репрессий 1936-38 г.г.

Кроме пряток играли мы и «в войну» - фоном наших боевых действий была Гражданская война - тогда о ней писали газеты и книги, говорило радио и показывало кино. Роли мы делили так: Володя был Ворошилов, я - Будённый. Помню. что как-то я ушибся сильно и заревел. Взрослые стали меня утешать, но я не замолкал, а Володя подошёл и кратко бросил: «Ты что? Разве Будённый плачет?!» Этот довод показался мне таким убедительным, а моё поведение - таким нелогичным, что я тотчас замолчал!

Перед войной, в 194 г., Володя поступил в авиационное спецучилище. В Москве были созданы такие - авиационные и артиллерийские - училища, в них учились пришедшие из школ мальчики, они носили форму, но без знаков различия, жили на казарменном положении и готовились к поступлению в военные училища, что, впрочем, было необязательно. Училища эти существовали и в первые послевоенные годы, хотя уже были созданы суворовские и нахимовские училища. Он приходил к нам в форме синего цвета: пилотка, китель, брюки - глаз не оторвёшь! Иногда приносил с собой книгу, мы гуляли с ним по бульвару Ленинградского проспекта /тогда - просто шоссе/. Володя рассказывал мне о взлетающих с Ходынского аэродрома самолетах, козырял проходившим мимо военным, читал немецкие стихи - производил дивное впечатление! Надо отдать ему должное - учился Володя всегда хорошо. В один из предвоенных годов Володя жил у нас в Грузинах и учился в школе в Большом Тишинском пер. - кажется, к него это был седьмой класс. Помнится, как он учил при мне уроки - писал аккуратно, читал и рассказывал сам себе вслух, зубрил стихи, - ничего со мной общего. Меня пестовала родительница, и учился я с трудом, но об этом позже.

Единственное, что у Володи хромало - это физическая подготовка. то есть то, что обычно у ребят идёт неплохо. Знаю, что Володя не мог подтянуться, не был выносливым и не любил зарядки, да и по характеру не был он приспособлен к физическим нагрузкам. Он и игры-то не любил. А мне делал одолжение, зная мою любовь к движению. Там, где я бегал бы до колотья в боку, до пота в глазах, текущего с головы - он предпочитал размеренную прогулку, неторопливую беседу, сидячие игры.

А через год была война. Мы жили на Дальнем Востоке и, из писем бабушки /тётка была тоже на войне/, знали, что Володя с училищем не поехал в эвакуацию, в Казань, кажется, - тётя Маша воспротивилась - и, видимо, зря. Если бы Володе суждено было бы доучиться в этом

училище, то, с его фамилией, его не послали бы на фронт. Скорее всего, он служил бы где-нибудь в тыловых частях, обслуживал технику и аэродромы. А по уходе из училища он был мобилизован и, как обычный солдат, отправлен на фронт, где ему «повезло»: он был контужен и заболел, провалялся в госпитале, а по выходе из него был отправлен в Рязанское пехотное училище.

Мы в это время вернулись с Дальнего Востока и Володя часто бывал у нас в увольнении. За пять лет, что я его не видел, он серьёзно возмужал, но озорство и балагурство остались, и, когда собиралась молодёжная родня, играм и шарадам не было конца. Кое-что он мне рассказывал из фронтовых эпизодов. Запомнилось то, как он испугался, увидев атакующие немецкие танки. И, конечно, много рассказывал о теперешней его жизни: о занятиях, марш-бросках, нарядах в караул, в том числе и по городу - патруль с удовольствием вылавливал курсантов-поляков, питая традиционную неприязнь к этому народу /история, видимо, и в душах людских пишется/ и уважительно относясь к чехам, снисходительно к румынам - представители всех этих народов учились в наших военных училищах.

По окончании училища, в звании младшего лейтенанта, он был распределён чуть ли не на Сахалин, который тогда был уже полностью под суверенитетом СССР и там шло гражданское и военное обустройство. Но Володя не поехал. Какое-то время он прослужил в Таманской Гвардейской дивизии, которая стояла в Алабине, под Москвой, и вскоре демобилизовался. Думаю, что он совершил ошибку: впереди был длительный период мирной жизни - войны закончились и на Западе, и на Востоке и это было всем ясно. Жизнь «на гражданке» была полна невзгод: карточки, жилья нет, быт неустроен, а состояние военнослужащих тогда, в первые десять послевоенных лет, было несравнимо лучше: каким-никаким жильём обеспечивали, питание было готовым, денежное довольствие было несравнимо, не менее чем в два-три раза молодой офицер получал больше, чем рабочий, или, тем более, молодой специалист с дипломом. Учитывая, что служба в ДВК была приравнена к нормам Севера, не только по денежному довольствию, но и по выслуге, Володя сумел бы выслужиться очень быстро, а деньги пересылать матери, во имя которой он и остался, и демобилизовался. Конечно, по натуре, он и сам любил упорядоченную жизнь, к переездам и вовсе не был приучен, да и, как я потом убедился, слово матери было для него законом.

Началась его трудная жизнь. Одежды, кроме старенькой шинели и шаровар с сапогами - он ведь и года не прослужил в офицерах - для него не нашлось. Даже ушанку он взял у на, тоже ношеную. На работу он устроился во ВНИИХолодмаш, но чертёжником, т.е. на 80 руб., при существовавшей тогда сдельщине, максимум 100 - 110 руб., и это после 2000 руб. офицерских, с одной маленькой звёздочкой на погоне.

Примечание [A11]: Ант. «Сдельщина» - разговорное от «сдельная оплата труда» - система организации труда, при которой труд работающих расценивается по количеству и качеству проделанной работы.

Вот и вся цена ему - 1000 руб., маленькая звёздочка /в отставке/ и гвардейский значок /полгода службы в Таманской дивизии/ - и всё! Помню, что отец и мать , да и тётка, советовали ему остаться в армии. Но он бубнил одно: хочу учиться! И тут тётя Маша вынимала папиросу изо рта, вперяла свой немигающий взор в него и медленно, с расстановкой, ставила сынка на место: «Где это ты будешь учиться? Чему ты будешь учиться? Кто это тебя кормить-то будет? На что это ты жить-то будешь?» - и так далее. И Володя умолкал. Впрочем, он поступил на подготовительное отделение МЭИ /Московского Энергетического Института/ и стал там заниматься. В это же время и я заканчивал школу, и помню его аккуратные тетради, он мне их приносил для тренировки в решении математических и физических задач. Кажется, ему удалось проучиться какое-то время на первом курсе, но недолго. Он взял отпуск и... больше в институте не появлялся. Пошла жизнь-текучка: на работе сдельщина, а значит и вечерняя работа, драмкружок и общественная работа /вскоре он вступил в партию/, а дома - походы на танцы, что он очень любил, в кино и театр, знакомые девушки. Всё это закончилось его женитьбой, снятием комнаты для семейной жизни и утроенным поиском заработков.

В этот период я уже учился на первых курсах и, по приглашению, зашёл к молодым: пили чай, молодые вспоминали свои вечеринки, кто перепил, кто начудил - внешне эта пара выглядела благополучно. Потом вихрь занятий и своей жизни отнёс меня от этого гнезда и то, что Володя снова женится, я узнал одновременно с известием о его разводе. Нина, его вторая жена, осталась с ним на всю жизнь - брак был счастливым! Вскоре, к Нининому сыну Джану добавилась и общая дочь - Лена, была получена комната в Потаповском переулке в старом доме. Всего одна комната, в которой Володя произвёл перестройку, использовав высоту комнаты, то есть перегородил комнату, сделав потолок для нижней комнаты и пол, тем самым, для верхней. остроумно, правда наверху можно было только спать, что и делали там Джан и Лена. Но, всё же это было своё жильё! Кто нуждался, тот понимает, что это такое. как-то я там побывал, эта пара мне понравилась! Володя поднимался по рабочей и общественной лестнице, в семье стал чувствоваться достаток.

Вскоре, уже в начале 60-х годов, тёща Володи Матрёна, работница фабрики, получила квартиру, где-то на Преображенской, мы туда ездили. А затем и сам Володя получил большую квартира в Орехово-Борисово. К этому времени он уже не один год был профсоюзным главой своей организации, пользовался большим авторитетом, учился в школе ВЦСПС, был основателем летнего детского лагеря в Приазовье и, в то же время, вёл и производственную линию жизни - ходил на испытания холодильных машин в тропики, плавал на морозильных траулерах у беоегов Африки. какое-то время мы встречались, мои дети, Иван и Антон, ездили в его знаменитый лагерь «Бейсужок». Потом уже, после смерти тёти Маши, мы встречались с ним по поводу устройства жизни тёти Шуры, потом у него стали болеть ноги, ходить ему стало трудно, добавились и другие, чисто мужские болезни и мы видеться стали очень редко, хотя и часто говорили по телефону. Он еще пытался работать, связав себя с заводской газетой - костёр потух, остались тлеющие угли! И тут курносая его и подкосила окончательно: в пятницу он пришёл с работы, пожаловался на усталость, лёг и тут его сразил инсульт. Ночь он мучился и мучил окружающих, а к полудню отошёл. Это произошло 3-го февраля 2001 г. Похоронили его на Щербинском кладбище, а со старой работы, где он так много сделал, было всего два сотрудника. Конечно, не будь такого положения в стране, когда громадное большинство предприятий перестало существовать, и коллективы исчезли - такого бы не было - хоронили бы его «по главной улице, с оркестром»

Для меня он много значил, больше, чем кто-либо из родственников остальных. Я помню его сколько себя помню, он тоже поучаствовал в моем созревании, в моём росте. Время было несправедливым к его годам, на эти годы выпало очередное лихолетье, и восполнить потерянные годы удалось далеко не всем. Но Володя сумел найти себя, и он хорошо послужил обществу, сделал для него больше, чем оно для него!

Но линия его продолжается: Володина внучка Ксения создала семью и воспитывает очаровательного сынка Никиту, дочь Лена с увлечением выполняет редакторскую работу, а Нина, вдова, - дачная труженица - цветовод. Тётю Машу в её последние годы я видел мало, но за её могилой я ухаживаю - она похоронена рядом со своей свекровью, моей бабушкой Александрой Ивановной и своей золовкой, моей тётей Шурой, на ваганьковском кладбище.

Теперь о следующем ребёнке в семье Кригеров (моих бабушки и дедушки) о моей матери Екатерине Фёдоровне. Она родилась в Москве на Красносельской в 1895 г. Семья жила наверху, в полуторном этаже, а внизу жил дворник - татарин, который готовил из конины вкусную колбасу. Дом был деревянным, с печным отоплением, печи топил всё тот же татарин. Где-то неподалёку было и училище, где мама научилась читать и писать под руководством первой своей учительницы - Ёжиковой (всю жизнь мама вспоминала её с благодарностью). Училище было двухклассным и многие, его посещавшие, эти своё образование и заканчивали. Мама же поступила в 4-ю общегородскую женскую гимназию на Садово - Кудринской, рядом с Вдовьим домом. Здание этой гимназии стоит и сейчас. Позже там размещалась Академия Общественных

Примечание [A12]: Ант. Всесоюзный Центральный Совет Профсоюза - головная организация профсоюза. Единственного профсоюза всех и вся. В СССР был один профсоюз

наук, мама показывала мне этот дом, когда водила в музыкальную школу. Она закончила гимназию и поступила на сестринские курсы, а тут и война подоспела 1-я, но мировая. И началась её госпитальная работа. Мне известно, что она работала в госпитале, развёрнутом на базе Солдатенковской больницы и, видимо, не только в этом госпитале. Сохранилась её трудовая книжка, заполненная в 1939 г. (их тогда и ввели). Там есть запись, первая по порядку: «документами подтверждается наличие 25-летнего трудового стажа, начиная с 1-го июля 1914 г. Видимо, с этого времени мама и стала медсестрой, выбрав таким образом, свою специальность

После раненных первой мировой войны пошли раненные Гражданской войны и сестринская служба мамы продолжалась. Жертвами войны были не только взрослые, но и дети. Масса детей из западных районов страны хлынула от ужасов войны в центральные районы. Организовывались приюты всех видов. В Обираловке[1], где жили наши родственники Караваевы, тоже был организован приют. Устроителями были купцы-подельники И.П.Караваев и Ф.Блинов. Директрисой в нём стала моя бабка - Александра Ивановна, а в число воспитателей вошли и мама, и тётка Шура. Иван Петрович Караваев, кстати, был и опекуном семьи своего рано умершего шурина, моего деда Фёдора Леонтьевича. Купеческая семья Блиновых, не бывшая родственной ни Кригерам, ни Караваевым, находилась с обеими семьями в большой дружбе. В Обираловке у Блиновых тоже был дом, в Москве же они жили в Таганке и мы часто к ним ездили. Кроме того, был у них дом и в Ильинской, по Казанской железной дороге. Когда мои родители поженились, они стали бывать в Ильинской, но спустя сорок лет, когда я с мамой приехал в Ильинскую, где жила моя жена, мама не смогла показать мне этот дом, а вот на фотографиях пруд, например, Ильинский, угадывается.

Дети в том приюте были беженцы из Галиции и Верховины. Уже много лет спустя и мама, и тётка вспоминали разные случаи из своей воспитательной практики и смешной, непривычный говор детей.

С торжеством новой, Советской власти, у матери и тётки появилась возможность учиться дальше. Обе выбрали медицину: мама поступила на медфак Второго МГУ /бывшие высшие женские курсы/, что на Малой Пироговской улице, тётка же пошла в Третий Медицинский Институт, что на большой Грузинской улице. Я уже писал, что к этому времени сестринская практика у мамы была большая, видимо, это облегчило ей учёбу. Тем не менее, жизнь тогда была нищей и голодной. Надо отдать долг и бабушке, которая, наверное, никогда и не думала учить дочерей, но, поняв, что жизнь круто меняется - семьи создавать трудно, женихов унесли войны, домашний быт, да и весь строй жизни разрушен и теперь придётся ножки протягивать по одёжке. А может быть моя бабушка и решила принять новую власть и новый порядок - в то время масса русских людей была, хотя и пассивно, но втянута в политику и, разуверившись в старой власти, пошла к новой.

Во всяком случае, бабушка пустилась на все тяжкие: она и роды принимала, и консультировала будущих рожениц /я сам видел у неё диплом повивальной бабки 1-го разряда/. Была она и процентщицей, да и аборты делала, даже и в более благополучные времена, несмотря на запреты.

Так или иначе, но обе дочери получили высшее образование. Среди учителей мамы были известные профессора М.И.Певзнер и несчастный Плетнёв. Специализировалась мама в области лечебного питания, работала врачом в трестах ресторанов и столовых, опекала и санатории, в одном из них они и встретились с моим будущим отцом.

Между прочим, учась во втором МГУ, мама слушала лекции по химии в тех же аудиториях, в каких я, спустя двадцать пять лет, слушал лекции на ту же тему. Профессор

[1] Ныне подмосковный город Железнодорожный.

Беркенгейм /во время моей учёбы громадный его портрет висел на кафедре общей химии/, задавал студенткам вопросы такого типа: Что происходит, когда вы обливаете свою соперницу серной кислотой?» или «Какова валентность железа в кочерге?» - он был женоненавистник и с трудом мирился с приливом женских кадров в область своих знаний.

О дальнейшей жизни моей матери расскажу ниже. Теперь же о последнем ребёгке моей бабушки - тётке Шуре, Александре Ивановне Кригер. Она, как и другие дети, родилась на Красносельской ул. в 1897 г. Внешностью она напоминала свою мать в молодости, но по характеру была неизвестно в кого, во всяком случае не в родителей. Трудно представить себе человека вневременного и расхлябанного, чем она. Подозрительность у неё сочеталась с добротой, полуграмотность - с высшим образованием, громадный опыт практического врача - с полным отсутствием каких-либо теоретических представлений. Для неё было характерно состояние «сна мозга»! Она могла заснуть даже и в весёлой компании, даже в обществе молодых людей. По характеру она была полной противоположностью моей мамы и, в целом, производила впечатление малограмотного и недалёкого человека. Речь её изобиловала исковерканными словами и выражениями, особенно доставалось иностранным словам и фамилиям. Вот образцы её лексики: «Горемыка сказал...» - по поводу выступления министра иностранных дел А.А.Громыко, «я сутра еще не жрала» - говорилось вечером, «тролебус, кеди» - вместо троллейбус, кеди «мать кормящего ребёнка», «подумай» - вместо «подумаешь» - в ответ на замечания со стороны.

Примечание [A13]: Вписано рукой Мипачь

Распорядок дня её был абсолютно бессистемным, неупорядоченным, так что выбранная ею работа - врача неотложной помощи - по своему характеру соответствовала стилю её жизни, а проработала она врачом неотложной помощи в Ленинградском районе г.Москвы лет сорок, если не больше, перерыв был сделан только во время войны.

Выглядела она, на первый взгляд, очень уверенным человеком, хотя до элементарного нервного срыва её было и недалеко, нервная система её была малоустойчива. Выписывая медицинские журналы и газеты, она не удосуживалась их читать /мой отец с удовольствием их проглядывал/, но сумела накопить громадный практический опыт, особенно по части диагностики, что, конечно, является краеугольным камнем при неотложной помощи. Уже в шестидесятые годы, находясь на нашей даче в Лианозово, она мгновенно поставила диагноз дочери моего двоюродного брата Б.В.Курнавина - Нателле, определив гнойный перитонит, и тем спасла девчонку, отправив её немедленно на операцию. Мне приходилось слышать как мой отец, бывший сам прекрасным врачом, не раз консультировался с ней по тем или иным особенностям диагностики.

Но жизнь с ней в одной квартире, или какое-нибудь совместное дело были очень сложными. Она могла вывести из терпения даже хорошо владеющего собой человека. Ссоры с ней частенько вспыхивали у нас, особенно страдали мать и отец, мы с Володей относились с юмором и воспитывали терпеливость в себе. Нельзя не отметить её доброту и всегдашнее желание помочь. Кроме случая с Нателлой, она сыграла роль и в болезни моего сына Ивана, когда он лежал в Филатовской больнице, едва в месячном возрасте и нужен был гамма-глобулин. Тётка обзвонила своих знакомых, связала их между собой и на утро следующего дня в аптеке на ул. Б.Хмельницкого[2] я получил желаемое.

В Великую Отечественную Войну тётка сделал свой вклад. Когда в 1941 г. немцев остановили на рубеже реки Днепр, тётка, мобилизованная как врач, прибыла в Смоленск. Форсировав реку севернее и южнее, немцы прорвали фронт и дело пошло к окружению. В хаосе и сумятице отступления тётка вывозит раненных, делает всё возможное, но ужас трагического

[2] прежнее название (в 1954—1990 годах) улицы Маросейка в Москве

исхода и её охватывает. В Москву, в свой родной дом она прибывает в крайне тяжёлом состоянии, как бабушка потом рассказывала - «обезумевшей». Как известно, в этой войне ярко проявилась характерная черта русского человека - допустить до последнего и, на краю гибели, проявить стойкость.

Ни бабушка, ни тётка из Москвы не уезжали, всю осаду были здесь. До конца войны тётка работала в районной врачебной комиссии - РВК - а с окончанием войны вернулась в «неотложку».

Личной жизни она, как и многие женщины того времени, не знала, хотя и вышла перед войной за начальника, или заместителя начальника Московской Телефонной сети, некоего Смирнова Николая Ивановича. Высокий, лысый, в форменной тужурке, молчаливый и вежливый. жил он в Кунцево, часто бывал у нас, а мы с мамой, у них, на первом этаже деревянного дома, неподалёку от станции. Помню чаепитие на большой веранде. Их свадьба была у нас в Грузинах. Конечно, из семейной жизни у тёти Шуры ничего не вышло. И она не была приспособлена для такой жизни, и время помогло - война разрубала и не такие узлы, и этот узелок был разрублен. Смирнов умер где-то в начале войны и краткий миг счастья исчез «как сон, как утренний туман...»[3]

Всю свою жизнь тётя Шура считала себя сердечной больной, и окружающие думали так же. Однако, образование она получила, я уже писал об этом. Институт, который она закончила, размещался около Зоопарка, за забором Новой его территории, прямо над прудом. Примерно, в середине шестидесятых годов, этот институт был переведён в Рязань, а его помещение занял Институт физики Земли им. О.Ю.Шмитдта. Нынешний третий медицинский институт в Москве создан на базе бывшего Стоматологического института.

К концу жизни у тётки развилась болезнь ног - они искривились, и ей стало трудно ходить, хотя в молодости она была «легка на ногу». Так как заставлять себя что-нибудь делать она не умела, да и привыкла дела откладывать в долгий ящик, то, вкупе с природной строптивостью и привычкой рассчитывать только на свои силы, с течением времени, она оторвалась от родни, и даже в доме, приготовленном к сносу, она осталась последним жильцом - ни на одно из предложений, делаемых ей районной жилищной комиссией, она не соглашалась. Не могла выбрать комнату, а квартиру ей не давали - то было шумно, то мала площадь, то еще что-нибудь. И вот мы, трое мужчин, пытались что-то для неё сделать и затратили много времени - дядя Ваня, Володя и я. Дело осложнялось и тем, что она находилась в больнице, то сломав ногу, то - с воспалением лёгких, и нам, занятым своими делами, было трудно согласовать и без того непростое дело получения нового жилья. Была, наконец, и еще одна особенность. Тётка не доверяла нам ключи от квартиры, так что доступа в дом мы и не имели, а техник-смотритель имел. И вот, к моменту переезда оказалось, что большинство вещей, не только тётки, но и общесемейных - пропало. Дом начали сносить, и техник-смотритель сама вытащила все вещи в подсобное помещение. Ясно, что наиболее ценное - пропало!

Завершающий аккорд этого дела оформлял Володя - дядя Ваня умер, я мотался по командировкам, из судебного иска, который по просьбе тётки пытался вести дядя Ваня, ничего не вышло. Прошло время, и из больницы тётка переехала в комнату в новой квартире, в Чертанове, куда ехать она никак не хотела и всё же пришлось...

Дом наш был сломан в середине 70-х годов, но тётка там и перед сносом не жила, а жила сначала у Володи, потом у нас, и еще у одной племянницы и моей сестры - Киры Размыслович /не знаю из каких она Кригеров/, да и у дяди Вани, в Солнцеве, тоже жила и в каждой семье затевала дело на съезд с ней, и все эти дела проваливались. Например, мы нашли очень неплохой вариант съезда с обменом и даже стали затевать судебное дело, но, в последнюю минуту, когда уже выправлены все документы, а мне пришлось не только доказывать родство с тёткой, но и

[3] Ант. Цитата из Пушкинского стихотворения «К Чаадаеву»

исправлять её свидетельство о рождении, так как в разных местах по разному было указано число её рождения, - в последний момент тётка отказалась обмениваться и съезжаться.

Несколько лет мы навещали её в Чертаново, где с ней тоже произошла беда. У неё была привычка курить в постели. И, как-то раз, она, лёжа читала газету, курила и заснула. Загорелась не только газета, но и одеяло. И ноги опять пострадали, но. на этот раз, от огня. Соседка её попалась неплохая, за небольшую мзду она за ней присматривала, когда нам это было невозможно. Но и с соседкой у неё не было контактов, так что, когда в 1979 г., в октябре, она скончалась в одночасье, можно сказать, что отмучилась не только она... И остались в двух семьях, в Володиной и в моей, её подарки внучатым племянникам - пианино. И там, и здесь.

Однако, тётя Шура известное здравомыслие проявила: она загодя отдала ряд «фамильных драгоценностей» тёте Лёле Крутовой /урождённой Караваевой/, которые были и у неё, и у бабушки. Уже после похорон, тётя Лёля пригласила меня и Лилю и передала вещи по списку. Всё переданное мы с Володей разделили, оказалось, что ценность переданного и завещанного была относительной, тем не менее, нам это помогло, конечно, в жизни. Володя как раз ремонтировал, фактически переделывал дачу, у меня сыновья были «на выданье». Да остались еще из старых вещей соусник и блюдо из кузнецовского сервиза. Дело в том, что тётя Шура жила у нас дважды. Первый раз она жила у нас, когда вышла из больницы по поводу ампутации пальца - она наколола его рыбьей костью, стало распространяться заражение крови и палец пришлось отнять. Удалось спасти и кое-какие книги, которые были перевезены к Кире Леонтьевне Кригер, в её квартиру у Петровских ворот во время её первого заезда туда, когда она поссорилась с Володей, и где она второй раз сломала ту же ногу...

Нет, хватит об этом человеке, которого мы, всё-таки, любили и старались сделать для неё всё, что в наших силах. И последнее: тётушка была ярким примером тяжёлого характера в тяжёлые времена - жизнь таких вычёркивает из своих списков беспощадно! Похоронили мы её на Ваганьковском кладбище, в одну ограду с её матерью и невесткой.

Ну, и несколько слов о квартиранте - дяде Сене- в добавление к выше написанному. Он был старше моих родителей лет на десть, если не больше. Незадолго до революции, он снимал у бабушки комнату. По образованию он был электротехник и, в качестве телефониста, принимал участие в войне 1914 - 1917 г.г. В боях он участия не принимал, , объезжая позиции, устанавливал телефонную связь. мне он много рассказывал о военной жизни, в частности, о лошадях, которыми он пользовался, особенно о жеребце Ваське, который узнавал его издалека и приветствовал ржаньем. Воевал он где-то на Южном фронте.

О его любви к маркам и радиоделу я уже писал. всю мирную жизнь он проработал на электроламповом заводе мастером и нормировщиком, был довольно нелюдимым и, лишь под конец жизни, после похорон бабушки он съехался с очень дальней родственницей нашей из Коломны, жил с ней у нас около года и потом с ней же уехал по месту её жительства. К тому времени ему было под восемьдесят лет. Он умер там, в Коломне /точнее - в Голутвине/ на подходе к девяноста годам, уже рамоликом - ходил по улицам, искал «вчерашний день», никого не узнавал и т.д.

Теперь можно перейти к бабушке и её предкам. Моя бабушка по матери - Александра Ивановна Кригер, урожденная Храмцова, родилась в Санкт-Петербурге, в 1870 г., в семье железнодорожного стрелочника, бывшего фельдфебелем Лейб-гвардии семёновского полка. В семье было еще три дочери и один рано погибший сын - Ваня. В игре снежками ледышка попала ему в голову, и он погиб.

Фамилия Храмцовы часто встречается в Архангельской губернии, по рекам Сев. Двина, Пинега, Мезень и т.д. Возможно, он и был из ех краёв. Кроме того, что он служил в гвардии, мне

известно, что жену себе он нашёл в Белоруссии, под г. Мозырем. где он тогда был с полком, который был брошен на подавление восстания поляков 1860-61 г.г.

Мать его избранницы строго - настрого запретила ей общаться с «москалями», но «браки совершаются на небесах», как говорили в старину, и фельдфебель Храмцов, располагая тройкой, умчал свою избранницу в Питер, где они и обвенчались. Видимо, он был старше её, может быть даже значительно старше. Вскорости, он вышел в отставку, стал работать стрелочником и растить детей.

0 моей прабабушке то ли польке, то ли белоруске - мне ничего неизвестно. Единственное фото, где она снята с сыном и старшей дочерью выцвело, и разобрать ее лицо не представляется возможным. На другом фото, ныне утерянном, она была просто - одетая и в платочке, повязанном по-деревенски. Помню, что у неё было продолговатое лицо и, видимо, бабушка в молодости и тетя Шура были похожи на свою прародительницу. Кстати, и имя ее мне неизвестно. И прадед, и прабабка похоронены на Охтинском кладбище, но могила их утеряна.

Как я уже написал, в живых у них было четыре дочери, Анна, Мария, Александра /моя бабка/ и Прасковья. Все они родились в Питере. Теперь о них. Старшая - Анна - специальности, по-видимому, не имела. Вышла замуж за Степана Шарова - он был артельщик и любитель канареечного пения. Разжившись, он приобрел на ул.Литейной писчебумажный магазин, где неплохо вел дело - была у него и хватка и сметка - артельщики от своей работы со строительными рабочими получают хорошую практику. У них была единственная дочь, тоже Анна, моя тетя Нюра, у которой я всегда останавливался, когда ездил в Ленинград, да и Володя делал так же. Квартира Шаровых была расположена очень удачно, на Лиговском проспекте (в Советское время то была ул.Восстания), буквально в пяти минутах ходьбы от Московского Вокзала, да и метро тут же.

Баба Аня /так мы её звали/, старшая сестра, часто перед войной приезжала к нам погостить. Худенькая, маленького роста, строгая, въедливая - она часто делала мне выговоры, читала нотации. Моя бабушка такой "приставучей" не была. А дочь ее - тетя Нюра, была душа - человек. Я ее очень любил, да, по-моему, и все ее любили. Жизнь ее была трудной, спасал ее характер, тихий, скромный, но твердый. Единственная дочь, она выросла в семье среднего достатка, в громадной полутемной, по-настоящему петербургской квартире, а летом, на скромных и северных дачах. Тетя Нюра стала медсестрой, но при относительно безвольном отце и властной матери, семейная жизнь у нее не сложилась. Любовь к замужнему офицеру, раненному в русско-японскую войну - тетя Нюра работала в санитарном поезде, еще очень молодой /она была 1885г. рождения/, ожидание возможных перемен в своей жизни, продолжающееся чувство, новая война /1-я Мировая/, опять санитарные поезда, в перерывах - столичная жизнь, узкий круг знакомых и… апокалипсис революций, голод и «уплотнение» - в квартиру вселили ещё три семьи, оставив бывшим хозяевам бывшую гостиную и маленькую светелку, там умирал Степан Шаров. Моя бабушка Александра со всеми чадами навещала питерскую родню, живала неделями, и мама рассказывала про строгую тетю Аню /мне она была баба Аня/ и про Степана - добряка. Уезжая в театр, Анна Ивановна отдавала распоряжение, чем кормить детей и как их уложить спать. Степан, по уезде родительницы и хозяйки, осуществлял свою программу: супы и каши - по желанию, а чай, мороженое, пирожное - до упора. Дети его боготворили.

И вот все это кончилось. Голодный и холодный Питер, родню и знакомых раскидали вихри революций и войн. Тетя Нюра уехала патронажной сестрой с семьей богача - еврея в Германию, ухаживая за этим самым парализованным богачом. Прошло несколько лет, пациент отошел в лучший мир. Правда, оставался его сын - инвалид, но ностальгия замучила, да и мать писала - звала в Питер, сообщая, что жизнь налаживается, известная свобода перемещения есть и… тетя Нюра возвращается, но это уже конец двадцатых годов, Питер захвачен волнами приезжих из голодающей деревни и разоренных городков, поднимается промышленность,

начинается строительство, нужны кадры, которые "решают все". Теперь уже недостаточно уплотнение, теперь нужно выселять ранее нетрудовой элемент. Кадры на выселение рассматривались местными домкомовскими комиссиями. После долгого разбирательства тетю Нюру выселили, кажется, под Петрозаводск /это называлось Кировским набором/. В леспромхозах нужны были учетчики, и тетя освоила бухгалтерское дело, которое стало для нее занятием и работой на всю жизнь.

Но прошел и этот этап жизни, тетушка вернулась «родные палестины» и стала работать бухгалтером на громадном "ленинградском холодильнике» - Ленинградском Хладокобинате.

Ну, а до войны было и рукой подать! С начала сентября Питер - в осаде, запасы уничтожены, отопления нет - началось медленное умирание жителей, а таковых было почти половина. В собственной постели замерзла истощенная баба Аня, тетя Нюра продолжала работать и поддерживать собственную жизнь. Тягучая болезнь ее - тетя Нюра страдала язвой желудка - приутихла, на фоне страданий более жутких и страшных. Помогло и еще одно обстоятельство: тот спирт, который был запасен тетей, и помогал ей в мирное время, смягчая боли в желудке, пошел в обмен на пайки, которые один из офицеров на комбинате получал по своему аттестату.

Прошла и война, еще раньше закончилась блокада, оставив надолго понятие «блокадник», незаживающую рану в душе у тех, кто перенес ее и тех, кто способен сопереживать. Осталось и Пискаревское кладбище - около восьмисот тысяч погибших от голода и истощения, от нечеловеческих страданий и безысходности. Как-то я пытался туда сходить, но почувствовал, что эта - экскурсия не для меня!

Хорошо было, хоть и по делам, приехать в Ленинград, выйти на Московскую площадь, пересечь Невский, завернуть в подворотню на ул.Восстания дома №2 и подняться, пройдя двором - колодцем, на пятый этаж в кв. № 47. Высокие, старые двери, ручка звонка с поворотом, дощечка белой эмали: "Шаровы" и войти. Слева и справа - комнаты соседей, далее слева, где телефон, дверь б бывшую гостиную - здесь и жила тетя Нюра. Большая комната, полутемная и заставленная вещами, громадный киот в углу с горящей лампадой, пуфики и оттоманки, с горкой альбомов, большим мраморным блюдом с мельхиоровыми голубями /оно теперь у нас, а раньше служило для принесенной корреспонденции/[4], стеклянная этажерка с безделушками и другая с посудой и т.д. А на диване - пугливый кот - Туча. Такой видел я эту комнату в пятидесятые - шестидесятые годы.

Далее, по коридорчику, слева - комната гостей, а при повороте направо - кухня, за которой, еще правее - маленькая светелка, где в лучах Солнца и под трель канареек угасал Степан Шаров. Если из окон комнаты, кроме глубокого и мрачного двора - колодца ничего видеть нельзя, то из окон кухни и светелки, поверх тесноты крыш и кровель, видны далекие шпили знаменитых соборов, замков и крепостей великого города.

О дальнейшей судьбе тёти Нюры напишу ниже.

Второй дочерью в семье стрелочника была Мария. Она родилась в 1867 г., но год её смерти мне неизвестен, равно как и многое в её жизни. Знаю, что она была замужем за полицейским, а в 1917 г. Эмигрировала в г. Ригу. Почему туда? Может быть потому, что её муж был оттуда - не знаю. Охота на полицейских началась сразу после февральских событий 1917 года. В те годы нельзя было даже упоминать, что у тебя есть родственники за границей, о ней никто не вспоминал, а я так даже и не знал ничего о её существовании, а тогда, когда Прибалтика стала советской, было уже поздно говорить, даже и тогда я о ней ничего не слышал и только под конец жизни был информирован, ч то в Риге есть родня. Эта родня - вывезенные Марией /у них не

[4] в дальнейшем досталось И.К.Егорову

было собственных детей/ две девочки, дочери последней сестры семейства Храмцовых - Прасковьи, у которой было пятеро детей.

А тётя Нюра уже после войны восстановила связь с Ригой и впоследствии ездила, еще с одной своей теткой на семейные торжества туда. О них - ниже.

Третьей дочерью в семействе Храмцовых была моя бабушка, которая закончила приходскую школу в Питере, где она и родилась в 1870 г., где прошло ее детство и отрочество и юность. Она была в детстве озорной, живой и за словом в карман не лезла - мне удалось от нее услышать рассказ об известной революционерке С. Перовской, которую вели на казнь. Что она кричала, проезжая через толпу народа, бабушка мне не говорила, но, скорее всего, она и не услышала, да и вряд ли тогда молоденькая девочка (казнь, как известно, проводилась 03.04.1881 г.) могла что-то понять. Скорее её привлекло само явление сидящей на скамейке в тележке молодой женщины со связанными руками и следовавшие за двумя тележками с пятью смертниками другие тележки со священниками и конные жандармы - вся эта процессия, едущая на Семёновский плац, где казнь и совершилась.

И все-таки, исступленность революционеров, их беззаветность не могли не повлиять на бабушку - в душе она всегда была от «народного гнева». Это чувствовалось и в ее любви к русской литературе, и не просто к литературе, а к народно - демократической, особенно к Некрасову, к революционной среде, что было характерно для русского общества начала XX-го века. Хранился у нее и манифест, выпущенный по поводу убийства Распутина. Издание это было неофициальным - большой желтый лист, на котором был текст обращения к народу, своеобразный панегирик убийцам, по характеру, обращение было восторженно - патриотическое. Неофициальность этого выпуска видна хотя бы из того, что царствующий дом, в лице его основных представителей, воспринимал это событие как трагедию и отпечатать такой восторженный опус мог кто-то рисковавший.

Характер у бабушки был деятельный, временами - озорной. Руководить людьми, отвечать за дело, ей порученное, вообще - относиться ответственно к своим обязанностям -было ей не просто свойственно, но и прививалось детям в ее семье. Если дед, Федор Леонтьевич, любил, придя с работы, переодеться в домашнее, лечь на диван, закинув руки за голову /так его изображала тетя Шура/ и затянуть свои любимые: «Липа вековая...", или "Вот мчится тройка удалая…», то, чтобы бабушка пела, я - не слышал. Ее любимое занятие было чтение. Она хорошо знала, прежде всего, русскую литературу, кое-что из западной, газеты читала аккуратно, от корки до корки. Была хлебосольной - когда она устраивала прием, она усаживалась на пол перед буфетом, звала меня и начинала доставать посуду, передавать ее мне, чтобы я ставил ее на обеденный, раздвинутый во всю длину, стол, накрытый накрахмаленной скатертью, и с дорожкой, перекинутой с угла на угол. Далее посуда перетиралась, и начиналось хождение по свежевымытым полам, устланным тряпичными дорожками. Продукты бабушке приносились дочерьми, если не было ссоры, дядей Сеней. Тётя Маня, которая, пожалуй, была главным действующим лицом на кухне - пироги и пирожки были у нее отменными! Бабушка делала винегрет, который был тогда основой закуски, не уступая, конечно, селедке. Салаты тогда не были в моде, огурцов свежих можно было достать разве что летом, а про помидоры мы и не слыхали, ели их крайне редко, да тогда их и не сажали в нашей полосе, так что, капуста, свекла и морковь, ну и картошка, разумеется, были основой кухни. Щи для приема были также обязательными, подавались в громадной суповой миске, а пирожки, которые жарили на трех керосинках, выспались на блюда, в количестве не менее 200, а то и более штук. В нашей семье такого количества гостей не бывало никогда, а у бабушки двадцать, а то и более человек собирались регулярно. Думаю, что складчина имела место, так как времена /тридцатые годы/ были, в продовольственном отношении трудны. Мне больше нравились пасхальные чаепития. Кроме

бабушкиных куличей, были и гостевые. Не знаю, святила ли бабушка куличи, но они были очень вкусны.

Обычными гостями были: Блиновы, Караваевы, Кригера и приближенные по домовладению старушки: Прасковья Михайловна, Анна Валериановна. Иногда приходили и на карточный стол. Преферанс был в большой моде во всех наших семьях. Сильнейшими игроками были отец, П. Блинов, С.А. Найденов и бабушка. Они же и любили эту игру. Мама, тётка Шура, дядя Сеня, тётя Маня и дядя Федя играли слабо, но с удовольствием. Пульку не расписывали, а рассчитывались сразу специальными костяшками разных цветов и форм, которые мы с Володей раздавали игрокам. После игры следовал чай, обычно с вареньем, но иногда с пирожными. Приносил их обычно дядя Серёжа и в неимоверном количестве, бабушка даже вскрикивала, когда их выкладывали на подносы и блюда. К такому чаю полагалось и вино. Водку пили весьма умеренно, пьяных в этой компании я вообще не помню. Разъезжались за полночь. Трамваи ходили до трех часов ночи. Трамвай был основным видом транспорта, автобусы ходили только по главным улицам, троллейбусов еще не было, правда, еще сохранялись извозчики, но я не помню, чтобы на них кто-нибудь из наших ездил. Сеть же трамвайных путей была очень густой и в любую точку города можно было добраться /правда с пересадками/ на трамвае. По нашей Большой Грузинской улице ходило несколько номеров. Состав был из двух или трех вагонов - в каждом был кондуктор и связь между ними осуществлялась дерганьем шнура: первый рывок делал кондуктор последнего вагона, убедившись, что посадка закончена, и таким образом, он ставил в известность кондуктора второго вагона, тот передавал рывок в первый вагон, а кондуктор первого вагона таким же рывком сообщал вожатому, что можно трогаться. Еще на обязанности кондукторов было наблюдение за тем, чтобы не висели на подножках, не висели на «колбасе», то есть на выпуклом торце вагона или между вагонами - между прочим, став взрослым, после войны, я и сам так ездил. Тогда, особенно в конце рабочего дня, сесть в вагон было невозможно из-за большого наплыва пассажиров.

Определить, какой номер трамвая на подходе, можно было, зная цвет фонарей на крыше головного вагона - сочетание красных, зеленых, желтых, синих и белых цветов указывало на номер. Специальных остановок не было, народ просто толпился на тротуарах и при появлении состава сходил на мостовую и начинал посадку, самостоятельно открывая двери, так как автоматического открывания дверей еще не было. Трамвайные пути сплошь и рядом проходили по узким улочкам, а то и по переулкам, а уж повороты в таких местах совершались в такой близости от домов, что было жалко живущих в них. Я знал один такой поворот, так как часто ездил этим маршрутом - это было, когда я был уже студентом и ездил с Тишинской площади на Малую Пироговскую улицу. После Пресни трамвай пробирался в Новинских переулках и у Прямого переулка делал крутой поворот, примерно с Проточного переулка. А обратный же маршрут был просто страшен, так как путь шёл под горку. Но я отвлекся…

В теплые летние вечера бабушка занимала место на подоконнике и наблюдала жизнь околотка. Речь бабушки была правильной, логичной и краткой; очень любила она пословицы и поговорки, знала их множество и терпеть не могла слова «ладно». В воспоминаниях Одоевцевой это отмечается.

Работа у бабушки была сволочной: она была управдомом пяти домов: два по Б.Грузинской ул. /трёх- и двухэтажные/, два - по Ср.Тишинскому переулку /трёх- и двухэтажные/ и один трёхэтажный - во дворе. Наш дом был жилым целиком, а первый по переулку дом имел продуктовую лавку /вход с угла/, потом там сделали склад для мастерской, что была в полуподвале. В трёхэтажном доме по улице была булочная, и фургоны с хлебом въезжали в подворотню нашего дома, чтобы разгрузить хлеб. Продавцы нам были знакомы и мама назидательно указывала на кассиршу, говоря: «Она закончила гимназию с золотой медалью!» В

конце двора была контора того ЖАКТа /так назывались тогда - следы НЭПа - местные жилищные управления/ - жилищный актив кооперативного товарищества, техническим секретарем которого был наш жилец - дядя Сеня. Когда я приходил из школы, то заходил к бабушке за ключом от квартиры, и видел её - то беседующей с жильцами, то ругающейся со слесарями, то, что-то решающей со своим активом. Очень часто я заставал её на дворе за теми же занятиями, причем, разговор с технической обслугой сплошь и рядом шёл на повышенных тонах - распекать нерадивых бабушка умела! Бывали в этой конторе и детские праздники с вручением подарков.

Зимой у бабушки были две основные заботы - тепло и уборка снега. Я уже писал как бабушка просила меня сбегать в котельную и передать истопникам её волю, а вот уборка снега выводила бабушку в утреннюю темноту, где она, ковыляя на своих заметно согнутых ногах и опираясь на металлическую трость, обходила свои владения, начиная утро с выгонки всей семьи дворника на уборку снега и скалывание наледей. И уж подлинным праздником для нас, детей, был установ снеготаялки и раскладывание дров внутри с последующим забросом снега в большой ящик этого устройства, из которого начинал бежать парящий ручей, который мы пытались перегородить снежными заторами, а вокруг этого дымящегося ящика стоял десяток людей из дворницкой семьи и добровольцев. Уборка шла несколько часов и в хорошем темпе. Способ этот вряд ли можно считать экономичным и сейчас он полностью исчез, хотя проблема уборки осталась.

Население нашего двора составлял рабочий люд местного завода, в наше время он назывался «ТИЗприбор» и считался номерным, то есть - секретным. Расположен этот завод был и по нашему переулку и по Электрическому переулку, ниже и напротив клуба им. Серафимовича. Тогда клуб был сосредоточием неплохих кружков для занятия детей, да и взрослых - особенно славился танцевальный коллектив. Шли там и кинофильмы, причем зал был удобней, чем в нашем местном кинотеатре «Смена». Служащих в наших домах было немного. Один из членов бабушкиного актива был высоких мужчина - шофер по специальности и охотник по увлечению. Управлял он невиданной по тем временам машиной, не знаю какой она была марки, но её размеры, громадный салон со стеклянной перегородкой, никелированная деталировка, особенно двигателя, громадные колеса с желтыми спицами и фары с подфарниками - всё это производило неизгладимое впечатление на наши ребячьи души. Иногда он разрешал нам прокатиться до ближайшего поворота, где приходилось вылезать из громадного ящика кузова, где не быоло слышно ни шума улицы, ни шума двигателя. Ясно, что клиентами этого жильца были важные правительственные бонзы.

В работе бабушка была слугой двух господ - жильцов и милиции. Паспортный режим, введенный уже после моего рождения, наличие воровских семей в наших домах и вышеописанные хозяйственные работы занимали и её свободное время. Частенько наведывались к ней и оперуполномоченные - за сведениями о местном криминале - ведь управдому - глаза и уши милиции. Криминал, как мне вспоминается, у нас цвёл пышным цветом. Рядом был знаменитый рынок. Весь наш околоток мог поспорить по обилию воровского элемента с такими известными местами Москвы, как Таганка, Марьина Роща или Благуша.

Покоясь на подоконнике и высунувшись в окно, в летний вечер бабушка обозревала окрестности и комментировала происходящее в случае наличия толпы бегущей от рынка вдогонку за воришкой, которого она тотчас узнавала: «Ну, Алешина им не догнать!» - резюмировала она гонку, когда признанный ею юнец влетал в наш двор, сворачивал в простенок между двумя домами и быстро и ловко по выщербленным кирпичам поднимался на междворовую стенку и спрыгивал на соседний двор. Эту, заключительную стадию, я наблюдал из окна тёткиной комнаты, которая окном как раз и выходила на этот самый «природный» барьер. Мне была со своего места видна спокойно удаляющаяся фигура нарушителя спокойствия, которого от яростной толпы

отделяла глухая стена. С другой стороны я видел толпу, вбежавшую в наш двор и с недоумение оглядывающую незатейливую декорацию подворья, пустого, узкого и тёмного.

Улицы и переулки вокруг нас были мощены булыжником, асфальта не было и в помине, торец был в единственном месте - на подъеме от Зоопарка к Садово - Кудринской площади, тогда она называлась «Площадь Восстания». Переулки были местом игр детей старшего возраста - лапта, салочки, пряталки и запуск змеев и монахов, которые частенько повисали на проводах уличного освещения.

Иногда бабушка посылала меня закрыть кран в том или ином месте её владений, когда она с высоты второго этажа замечала поток воды, несущийся вдоль тротуаров к канализационной решетке - он означал, что какие-то озорники открыли кран и подставленной ладонью направляют струю воды друг на друга, а, заодно, и на окружающих.

Бабушка -смиренно несла свои крест, а впереди была война - бомбежки, карточки, голод, холод, эвакуация близких, дежурства сил самообороны на крышах, тушение зажигалок, противопожарные мероприятия, шефская работа, тревога за судьбы близких и т. д. - все, что несла война. А ведь в 1941г. Ей исполнился 71 год. Но она и всю войну выстояла и ушла на пенсию с окончанием войны.

У нас в доме частенько бывали свары, причин которых мне постичь не удавалось. Думаю, что склочность была в характере и матери, и тетки, так как основным предлогом к ссоре была их неуживчивость. В эти конфликты втягивались и дядя Сеня и дядя Федя, причем, стороны менялись фигурами, наблюдались и переходы с одной стороны на другую, но постоянно было одно мать была против всех, тетка мигрировала в своих привязанностях, мужчины держали сторону бабушки, которая была умело объективна. Сейчас, в конце жизни, когда я вспоминаю сценарии той нашей жизни, моё уважение к бабушке, тем более, что она после мамы была самым близким мне человеком /отец уехал, будучи призванным в армию на ДВК, когда мне было едва три года/, является одной из определяющих вех на моем пути.

Конечно, я любил свою мать, это чувство было естественным, я ничего себе не объяснял - мать есть мать, но о бабушке, как о человеке, я думал - невольно - она убеждала не словами, а собственным примером.

Все три женщины в нашей квартире жили розно, что не делает им чести, тем более, что и семья - то, по существу, была одна, все остальные были одиночками. Дядя Сеня открыто поддерживал бабушку и словом и делом, даже подкармливал ее - из этого я тоже невольно делал выводы - не мелочиться, не ставить каждое лыко в строку. Отец мало проводил времени в нашей квартире до своего отъезда в армию. С бабушкой, насколько я знаю, у него был мир, остальных тогда он не касался - мы часто живали в Лианозово, с ранней весны до глубокой осени - отцу там было привольно, как и всем Егоровым, умевшим не раздувать из мухи слона и хранить семейный завет.

Рано я стая понимать одну простую, житейскую истину: в квартире может быть сколько угодно мужчин, но - женщина только одна. Женщина как хозяйка, конечно. Вообще, на этот счет на Руси много существует пословиц и поговорок, вроде: "0т мужика пахнет ветром, от бабы - дымом", или "Дом - мир женщины, мир - дом мужчины".

И, наконец, о четвертой и последней дочери в семье Храмцовых - Прасковье. Подробности её жизни мне известны начиная со времени её замужества. Она вышла замуж за акцизного чиновника Романа Матковского, сына генерала, который был известен тем, что находясь рядом с наследником престола, будущим Александром - III-м, во время русско - турецкой войны 1877 - 78 г.г. спас его в каком - то бою. Но закончил свою жизнь генерал, упав с лошади на параде. Семья Романа и Прасковьи Матковских снимала квартиру в небольшом

домике на проспекте, если идти - от вокзала мимо бывшего Николаевского кавалерийского училища.

В браке Матковские нажили пятерых детей и, тем не менее, брак распался. Ему помешал классический треугольник - Прасковья Ивановна потребовала развода, и Роман ушел к любовнице.

Старшим их ребенком был сын Георгий, рано умерший, в двадцатые годы. Далее пошли дочери - Александра, Анастасия, Елена и Елизавета. Мне пришлось знать лишь Анастасию и Елизавету, которые бывали у нас в Москве и у которых мы бывали в Ленинграде. Александра и Елена были взяты поспешно уехавшими супругами - Марией Ивановной и ее мужем, бездетными, как известно, а Ригу, и все они оказались отрезанными после окончания Гражданской войны от родины и родственников. Ещё в двадцатые годы велась переписка, но отношения возобновились после присоединения Прибалтики к СССР в 1940г. Они снова прерывались на период оккупации немцами Прибалтики и вновь возобновлялись после 1945г. От одной из увезённых дочерей была дочь, у которой в 1945 г. родился сын, названный Жорой. В период с 1946г. и по 1990г. отношения с рижанами поддерживали тетя Нюра (Анна Степановна Шарова) и тётя Лиза (Елизавета Романовна Мешкова), но уже после смерти моей сестры Гали (Галины Захаровны Бинятовой) найти по телефону Жору или кого - нибудь из его семьи не удалось. На сегодня /2001г./ можно сказать, что связи вновь прерваны.

Кратко опишу жизненный путь известных мне теток - Анастасии и Елизаветы. Революцию семья Прасковьи Ивановны встретила в Питере, на Новопетергофском проспекте, солдаты которого, по рассказам тетки Тоси, захаживали к ним при проведении обысков и обнаженными саблями тыкали по стенам, за мебелью, за картинами и т.д., в поисках чего-либо припрятанного - съестного, контрреволюционных материалов, контрабанды и т.д. Как были прожиты первые годы Советской власти этой семьей - мне неизвестно, равно как судьба Георгия и судьба их отца Романа Матковского. Но, уже примерно в 1923г. тетя Тося вышла замуж за Захария /Захара/ Бинятова, бакинского армянина, осевшего после службы еще в царской, впоследствии Красной, армиях в Питере и ставшего партийно - хозяйственным работником, а, с течением времени, и возглавившего Петроградский Центросоюз. Брак этот был очень счастливым, и в нем появилось двое детей: в 1924 г. - сын Владимир и, в 1925г. - дочь Галина. Эта семья поселилась на Невском проспекте, над рестораном ."Кавказский", в громадной квартире, где соседями была семья Николаевых, дружеские отношения с которой семья тети Тоси сохранила "до последнего дыхания», что называется. Мне приходилось бывать в этой семье, уже после смерти Гали, и я был поражен планировкой квартиры, ее громадностью, высотой потолков и массивными решетчатыми раздвижными дверями, отделявшими прихожую от лестничной клетки. Оказалось, что ранее, еще до революции, в этих помещениях размещались мастерские знаменитой часовой фирмы «П.Буре», а внизу, на первом этаже, был и магазин соответствующеё торговли. Ныне в этой квартире живет сын супругов Николаевых - Андрей, закончивший институт киноинженеров и практикующий на телевидении.

Захар Бинятов был рождён в Шуше, и его, маленьким ребёнком, увезли от бесчинствующих турецких башибузуков и янычар, родители. Было это во времена первого геноцида, то есть в 90-е годы XIX-го века. Рассказы Захария, в пересказе тёти Тоси, я слышал не раз - в глубоком овраге затаились беглецы с семьями и скарбом, родителя зажимали детям рты, чтобы не было крика, так как неподалеку шла резня тех, кто попал под ятаганы.

Захарий часто бывал в Москве, в командировке, и заходил к нам. Иногда и ночевал. Со мной он играл, показывая ружейные приемы и обращение с винтовкой и в обращении был приятен и интересен. Что он работает с тогдашним главой Питера - С.М.Кировым - не говорил, но об этом мы узнали уже много позже.

Мне помниться, что Галя с родителями к нам приезжала, но она это не подтверждала. Тогда получается, что я познакомился с ней летом 1952 г. Во время ее приезда в родной Питер из Воркуты.

Все рухнуло в этой семье после убийства С.М.Кирова. Были резко усилены репрессии, а, с течением времени, начались и повальные аресты. Захарий был также арестован, семья - выселена в старую квартиру, а вскорости была арестована и тётя Тося; она шла по разряду ЧСР /член семьи репрессированного/. Последовала высылка в мордовские лагеря, а затем и ссылка в Воркуту, которая в те времена была в зените освоения - строилась энергетическая база севера. В этих суровых краях тётю Тосю расконвоировали и она стала работать по вольному найму, но без права покидать эти неласковые края. Её мучило состояние неизвестности: что с мужем и как там дети.

О муже она узнала лишь в 1956 г., когда и сама получила реабилитацию. В справке, выданной ей, значилось, что он был расстрелян спустя полгода после ареста. Из писем сестры стало известно, что дети находятся у неё - у Лизы Мешковой, которая, несмотря на трёх мужей, осталась бездетной. Тётя Нюра по мере сил помогала двоюродной сестре. Но крылышки у детей были подрезаны: после восьмого класса оба ушли из школы - Володя - работать, Галя - в физкультурный техникум. И тут началась война. Володя работал на оборонном заводе, путь на фронт ему был также отрезан; по нормам того времени он даже мог угодить за решётку. Сплошь и рядом детей ранее арестованных, по достижению. Ими зрелости, арестовывали и высылали. Вмешалась смерть - Володя простыл, заболел, прошёл санитарную обработку в больнице - холодный душ, горячей воды не было, болезнь обострилась, и пришла смерть. А Галя, еще при отступлении наших войск к Питеру, была послана рыть окопы в сторону Ораниенбаума, откуда студентам техникума пришлось спешно отступать в сторону Питера, так как немцы вели дело к окружению. Здесь Гале и её товарищам повезло - они, идя день и ночь, благополучно добрались домой. В блокаду Галя не столько училась, сколько работала преподавателем в школе и занималась эвакуацией детей по знаменитой «дороге жизни». Кроме того, было и дежурство на крышах при бомбёжках, были и работы на завалах после артобстрелов. Всё было… и всё это в голоде и холоде!

Но всё имеет конец. Закончилась и война. Приезд к матери был разрешён. Тётя Тося работала в Воркуте в ведомственной гостинице, получила комнату. Мать и дочь наконец-то встретились!

Была и еще одна «неприятность»: немецкий снаряд попал в квартиру, где жила Галя (у тёти Лизы - как раз в эту комнату) и ей пришлось переехать жить в школу. Тётя Лиза была в то время на фронте и это её не коснулось.

Галя осталась жить в Воркуте, тётя Лиза тоже не сразу вернулась в Питер. Вместе со своим последним мужем она осталась работать в Советской военной администрации в Австрии, где ей и удалось провести три года, после чего супруги и вернулись в Питер.

Учёбу Галя продолжила - в Воркуте она поступила на заочное отделение Рязанского горного техникума, специализировалась на экономическом отделении и, впоследствии, всю свою жизнь уже работала как экономист.

Тётя Тося и Галя приезжали к родне в отпуск, который у них был длинный - два месяца. Потом они ехали через Москву, на юг, чаще всего в Боржоми, или на море. Всё бы ничего, да тянуло на родину. Вернуться же пришлось уже после смерти Сталина, когда вышла реабилитация, и они получили комнату, сначала - на Международном проспекте, потом отдельную однокомнатную квартиру на Тамбовской улице, где и поселились вдвоём.

Замуж Галя так и не вышла. Она работала в Ленгорстрое, авторитетной организации, и была там на хорошем счету. Жизнь вела скромную, имела много подруг с таким же положением и ездила на побывку к родне, к нам и в Баку.

Настал 1985 г., пришли другие времена, новизна жизни - хорошая и плохая - не столько радовала, сколько ставила в тупик. После известных бакинских событий, когда армяне и русские спешно покидали этот город, её родственники разъехались по всей Ойкумене. Одна из двоюродных сестёр оказалась в США. Галя с ней переписывалась. 1-го ноября 1994 г. Галя шла с Центрального почтамта, перешла крутой мостик через Мойку и здесь была сбита машиной, на углу проспекта вновь названного Вознесенским /ранее проспект Майорова/. Она была отброшена и ударилась о полукруглый цокольный фундамент головой, успела крикнуть и скончалась через несколько минут.

На похороны собралось много народа, хоронили мы её на Волковом кладбище, что неподалёку от их дома на Тамбовской улице. После её неожиданной смерти наша Ленинградская родня прекратила существование. Тётя Тося умерла в глубокой старости, года за три до смерти дочери, а тётя Лиза - года за два до этой трагедии.5

Наша питерская родня - пример стойкости и мужества, но трагического!

Наша петербургская родня покоится на двух кладбищах, на Красненьком и на Волковом. На первом находятся могилы:

1/Матковской П.И. - 1872-1940 г.г. - сестра моей бабушки Александры

2/Мешковой Е.Р. - 1900-1983 г.г. - дочь предыдущей, она же Шлеева.

3/Шлеев А.Ф. - 1897-1972 г.г. - муж предыдущей

4/Шаровой А.С. - 1886-1968г.г. - дочь сестры бабушки Александры - Анны.

К этим могилам можно добраться на метро, до станции «Автово» пойти по проспекту стачек налево, перейти ж/д ветку и войти в ворота кладбища. Далее по центральной дорожке до пересечения со Стрельнинской дорожкой, повернуть направо, перейти мостик и сразу же за ним будет ограда с большим черным гранитным крестом. В этой ограде и есть захоронение.

Второе кладбище, известное как литературное, поэтому попасть на него несложно. Могилы же находятся на противоположном конце от храма и идти к ним нужно по одной из центральных аллей, отходящих прямо от храма, перейти по мостику речку Волковку, выйти к ограде кладбища, за которым проходит Волковский проспект, и идти налево, вдоль ограды, так как захоронение находится прямо у ограды, так что на проспект можно перелезть через ограду. Тут неподалеку есть трамвайная остановка, тоже рядом с оградой, а дальше - изгиб всё той же речки Волковки. Если идти по ограде со стороны проспекта, то легко можно найти, просто увидеть через решётку ограды две могилки:

1/Шарова А.И. - 1866-194 - старшая сестра моей бабушки Александры

2/Бинятова А.Р. - 1901 - дочь Матковской П.И. сестры бабушки Александры

3/Бинятов В.З. -192 -194 - сын Бинятовой А.Р. и брат Бинятовой Г.З.

4/Бинятова Г.З. - 1925 - 1994 г.г. - дочь Бинятовой А.Р. моя троюродная сестра.

---

[5] Мипачь: Мы часто приезжали к Гале и с детьми после наших байдарочных путешествий, и вдвоем (обычно 19-го мая - в день её рождения). Всегда нас ждал здесь радушный прием, вкусная еда, доброе отношение и куча подарков. Последний раз мы были у Гали со старшим внуком Женей, когда ему было 7 лет (в 1989 г.).

Когда она приезжала к нам - ребята (внуки Тима и Тёма, которые жили у нас) буквально повисали на ней. Она умела с ними хорошо играть… Вообще, Галя осталась в нашей памяти как добрая, светлая, незабвенная личность. Мир праху её! И вечная память.

==========

В рукописи отсутствуют страницы с 46-й по 52-ю включительно. Видимо там начинается раздел «Родственники со стороны отца». И, возможно, начинается он с этого письма? (зам. Антона)

==========

Из письма Анны Васильевны

(предположительно - князю В.М.Голицыну.)

Анна Васильевна Егорова

Москва, 11 февраля 1894 г.

«Что-то непонятное для меня самой твориться в моей душе. Явилась безотчетная потребность облегчить мою душу от наплыва чувств, которые оживили меня и воскресили воспоминания обо всем пережитом в хорошую и дурную пору моей жизни.

Простит мне, глубоко и искренне уважаемый Владимир Михайлович за моё желание посвятить Вам эти строки.

Ваша простота, Ваше милое внимание, с которым Вы переступили порог моего укромного угла, я очень дорого ценю. Внутренний голос шепчет мне, что Ваша любезность и ласка не есть только одна видимость и лоск светского человека, а что Вы действительно проникнуты полным ко мне чувством и не чужды знать, какая меня постигла участь после моего погрома.

Мне кажется, что я не ошибусь в моем предположении сказать, что между нами возродились общие симпатии. Не правда ли?

Такие люди как Вы, дорогой и сердечный Владимир Михайлович, редки в наш прозаический век. О том, что Вы снискали себе славу хорошего сердечного человека, отзывчивого ко всем и ..... нужды, я слышала давно, не видала лишь этого сама. Теперь я с гордостью скажу, что идущая молва о Вас - есть достойная Вас.

Всякий другой, не видя меня 20 лет, не зная как протекала за такой большой период времени моя жизнь, не так смело пошёл бы мне навстречу, как Вы! Да, я говорю Вам искренне то, что чувствую и свято сохраню память о дне нашей встречи.

Ведь Вы знаете меня в лучшую пору моей жизни, молодую, цветущую, а теперь встретили совсем отжившую, дряхлую старуху. С каким наслаждением и отрадой на душе я переношусь ко всему огромному. Передо мной ясно встает память о моем достоинстве, более взрослом возрасте и, наконец, к тому времени, о котором мы вспоминаем так дружно. Хотя все прошлое, за давностью лет покрыто непроницаемой завесою, но память о нем живет во мне и умрёт вместе со мной!

О! Как велика сила судьбы, играющая жизнью людей!

Описывать моё рождение и семейное положение я не буду, чтобы не утомить Вас своим повествованием. Кто был мой отец, Вы знаете. Пока он не уехал в Сибирь я была на его глазах, в полном довольстве, не зная ни в чем отказа. В глупую голову 8 л. ребенка засела мысль быть танцовщицей. А знание это пришло вследствие виденного мною балета «Сильфида»6.

Избалованный ребенок, кумир своего отца, не знал себе ни в чем отказа - разве одно только могло заставить задуматься отца, если бы я пожелала снять с неба звездочку, а взять учительницу танцев - это дело было одного слова. Но, исполняя мою детскую фантазию, никто из них не предвидел, что впоследствии моя забава будет роковым шагом для меня.

Уроки танцев шли успешно. Я оказалась очень способная. Я забавлялась, как ребенок, а окружающие меня, любовались этим ребенком. Так прошло два года, за эти два года семейное положение матушки приняло другой оборот. Отец уехал в Сибирь, с его отъездом многое изменилось для нас к худшему. Платить учителям за моё домашнее образование мама не могла, нужно было куда-нибудь отдавать меня. Раз как-то мама мне говорит:

---

[6] «Сильфида» балет созданный выдающимся балетмейстером Ф.Тальони /1777 - 1871/, в котором блистала его дочь - М.Тальони /1804 - 1884/, кстати, оба работали и выступали в России. а отец преподавал в Петербургской театральной школе. В каком исполнении видела этот балет А.В. - неясно, но, по-видимому, без участия знаменитой пары, хотя и в постановке отца, который мог ставить этот балет и на московской сцене.

«Нюта, хочешь я отдам тебя в театральную школу?»7 Радости моей не было границ. Мне было тогда 10½ лет.

В школу меня приняли беспрекословно, я выдержала экзамен по всем предметам блестяще. Лишнее говорить - с каким удовольствием я поступила в школу, не сознавая куда, в какую пропасть, толкнула меня судьба! Да, судьба со мною несколько подшутила. Она мне поднесла полную чашу зла, которую я была осуждена выпить до дна! Пока мой детский разум не перешёл в более зрелое понятие, не стал охватывать более, чем понятие ребенка, мне весело жилось, но с моим возрастом созревало соображение, куда закинула меня судьба. Я только тут осознала, что я попала в омут, полный грязи и интриг, и выйти из него - исхода не было. С каждым днём я всё больше и больше убеждалась, что танцовщица, служа искусству, осуждена служить игрушкой для публики. Я со слезами умоляла маму взять меня из школы, но было уже трудно, «за мои успехи я была принята даже на казённый счёт». Чтобы взять меня из школы, нужно было вносить большую сумму денег, а у мамы их не было.

Моим ушам доступно стало слышать рассуждения старших выпускных воспитанниц о театралах. Я с каждым днём всё более и более убеждалась, что /среди/ театралов «нет правил без исключения», но большая часть из них, молодых и старых, одинаково смотрят на танцовщиц со стороны привлекательной внешности, видя в них желанную добычу. Полуденные[8] жертвы их самолюбия и прихоти, окружались одною лишь роскошью и блеском.

Моё наблюдение показывало мне, что на танцовщицу смотрят как на забаву, и при совместной с нею жизни не заглядывают ей в душу, не справляются с её запросами и интересами к жизни, не думая о её развитии, которое даёт пищу уму и сердцу, освещая жизнь каждого человека.9

---

[7] Московское театральное училище - имеется ввиду училище для подготовки актеров и актрис императорских театров и на казённый счёт, то есть на счёт двора, поскольку еще и в начале XIX века театры и общедоступные содержались императорским двором в обеих столицах. Так как основным репертуаром этих театров были оперы и балеты, водевили занимали меньшую часть, а драма только начинала пробивать себе дорогу, то и подготовка актерского состава предусматривала, в основном, хореографию, танцы и знакомство, в границах начального образования, с основами древней истории и, конечно, вокал и музыкально - инструментальное образование. Училища эти, открывшиеся в Петербурге, а впоследствии и в Москве 1822 г. сыграли громадную роль в жизни русского театра и не только в столицах, но и в провинции. в Москве это училище сначала размещалось в доме Балашова, на Поварской улице /воспоминания А.И.Шуберт/, а в последствии на Большой Дмитровке, 8, затем, с 1863 г. - на ул. Неглинная, 6 /Б.С.Земенков, «Памятные места Москвы», 1959 г./ По-видимому, местом пребывания училища, когда в то время, когда А.В. в нём училась, была ул. Дмитровка. Здание это много раз перестраивалось и, в последнее время, в нём размещалась театральная библиотека.
Разумеется у читателя не должно сложиться впечатление, что театры, как таковые, возникли на основе этих училищ /иногда в литературе можно встретить и название «театральная школа»/. Нет! Русскому характеру чрезвычайно было свойственно лицедейство вообще. С незапамятных времен на Руси пышным цветом цвело скоморошество и балаган и не только в дни празднеств, ярмарок и т.д. а первые театральные трупы действовали уже при первых Романовых, а, возможно, и ранее. Здесь необходимо отметить и пропаганду этого вида искусства иностранцами, практикующими в России. А с Петра Великого театр делается одним из любимых развлечений и занятий в верхах. Редкий Рюрикович, или богатей - аристократ не держал домашнюю труппу из крепостных. И, что интересно, вслед за религиозными мистериями последовал балет, успех которого в России на века сделал её «балетной державой». Интерес представляет и то, что разница в происхождении или в занимаемом месте на социальной лестнице не имела большого значения уже и в начале существования этих училищ, хотя дворянские дети, на первых порах, и были редкостью в них, но, по мере распада сословного бытия России, и школы становились всё более и более демократическими по составу и воспитанию.

[8] Ант: Полученные? Ошибка?

[9] О нравах, царящих в театральных школах существует достаточное количество материалов в литературе - во многих мемуарах более четко и определенно описано то, о чём прабабка лишь вскользь упоминает, и в этом смысле эта «подготовка» не проходила даром для будущих актеров и актрис. Стоит ли удивляться бытующим и до сей поры около сцены и эстрады моральной невзыскательности, а чаще всего пошлости в отношениях или примитивному разврату и

Когда один старец начал меня преследовать и искать моего внимания, я хотела уйти из школы, заявив предварительно о моем намерении директору школы Л.Н.Оберу10, который, конечно, всеми силами старался меня уговорить не делать скандала. И так, получая с каждым шагом всё более и более отвращения к избранному мною поприщу, я, волей - неволей, должна была жить в школе, в ожидании моего выпуска.

Между моими товарками была большая часть особ с дурными наклонностями и разными выходками, кладущими пятно на воспитанниц. Я протестовала против того, если к нам в карету, во время нашего возвращения из театра, бросали записки, конфеты и прочие предметы. Если что отпускалось по моему адресу, тотчас летело вон из кареты обратно. Товарки недружелюбно относились ко мне за мои с ними протесты, но зато всё начальство, с мала до велика смотрело на меня иными глазами, чем на других воспитанниц моего выпуска.

Вы усумнитесь, говорю ли я Вам правду, если Вам скажу, что человека, избранника моего сердца в описываемое время я ненавидела всеми фибрами души, а между тем это факт. Вот в этом случае и видна неотразимая сила судьбы, играющая жизнью людей.

Примечание [AY14]: Так в тексте

В последний сезон перед нашим выпуском, Л.И.Похвиснев ухаживал за моей подругой, которая очень им интересовалась и кокетство её можно сказать переходило границы. Удержать её от компрометирующих её и нас, в то же время, выходок не было возможности. Раза два за сезон, в силу моей дружбы с Богатовой, Л.И. пытался через Обера быть мне представленным, а я от этого удовольствия оба раза уклонилась.

Потом, тотчас по окончании сезона, Л.И. уехал за границу. Богатова недолго об нём тосковала. К ней присватался жених - режиссёр М.Т. Пономарёв11 и на Красной горке была их свадьба.

По выходе моём из школы я жила в своей семье. Конечно, такое мизерное жалованье, как 240 руб. в год, 20 руб. в месс., не могли дать мне возможности избежать недостатков. Тогда мама дала адрес моего отца и я писала ему в Томск. описала ему все свои нужды и своё положение. Он очень сердечно отнёсся ко мне и неожиданно выслал мне 1200 рублей. Такие деньги, конечно, были помощью на всю семью и затем уже с моим жалованьем вкупе. Мы жили хорошо. Знакомства большого я сторонилась, но нельзя мне было и, совсем как кроту, зарыться в нору. В то время моей симпатией, «только симпатией», пользовался П.С. Киселев12. Однажды, он предложил мне с мамой поехать в Сад Эрмитаж13. Мы не

разгулу низменных страстей. И всё это при наличии у деятелей сцены откровенной религиозности и напускного благочестия. Здесь нет никакого противоречия, ибо лицедейство - тоже вид ханжества!

[10] Л.Н.Обер - инспектор училища. Семья Оберов в Москве конца XVIII и до середины XIX в.в. была известна рядом представителей. Купец второй гильдии Николай Обер приобретает обширное домовладение в Глинищевском переулке, ныне ул. Немировича - Данченко, 6. Этот дом сохранился до нашего времени в том же виде, в каком был приобретён. Верхний этаж купец переделал под гостиницу - в ней частенько останавливался А.С. Пушкин - а в нижнем этаже жена купца, известная всей Москве Мари-Роз Обер Шальме, устраивает модный магазин женского платья и предметов роскоши. Н.Обер в 1803 г. становится участником полёта на воздушном шаре. Вместе с известным аэронавтом Жаком Гарнереном, он поднялся на монгольфьере с поля у Крутицких казарм и опустился недалеко от подмосковной усадьбы князя Вяземского. Подвиги его жены, Мари-Роз шли еще дальше. Её магазин сделался сборным местом московского высшего общества. Героиня Л.Н.Толстого - Наташа Ростова - покупала себе здесь наряды, а хозяйку, за ловкость в торговле и изворотливость прозвали “обер-шельмой”. Историки считают её исполнительницей тайных поручений Наполеона - оказавшись в Москве, он вызывал её в Кремль, где долго беседовал с ней “о настроении умов в России” и, видимо, недаром она, бросив семью, бежала с отступающими французскими войсками из Москвы, но далеко не ушла - погибла в ожесточённом сражении при переправе через реку Березина. Упоминаемый дом сохранился в пожар Москвы, был впоследствии занят обер-полицмейстером, но, вскоре, возвращен наследникам. Владельцем его стал один из её сыновей - Лаврентий Обер, знакомый своих постояльцев, в том числе А.С.Пушкина /как я уже упоминал в доме были гостиницы “Север” и “Англия”/. Этот-то Л.Н.Обер и был инспектором Училища. Кстати, его брат Ф.Н.Обер был инструктором петербургского театрального училища, что и отражено в театральных мемуарах. Сын Л.Н.Обера - Артемий Обер, стал известным скульптором /1843-190?/

[11] М.Т.Пономарёв - режиссер Малого театра.

[12] Киселёв Павел Сергеевич - граф, племянник известного государственного деятеля Киселёва П.Д. /1788 - 1872/

отказались, поехали. Почти весь вечер мы пробыли с ним неразлучно. При выходе из сада, мы встретили только что приехавшего из-за границы Л.И., который подошёл к Пав. Сер. и, конечно, застав меня врасплох, был представлен и также и моей матушке. Мама моя знала о семье Лук. Ив. через отца. Она что-то спросила про его сестру, его это очень заинтересовало, разговор затянулся у них и кончился позволением Лук. Ив. приезжать к нам.

Недолго он заставил себя ждать. На другой же день, кажется, прискакал: начались толки, разговоры. Жаловался маме, что я очень гордая, смотрю на всех свысока, что он давно искал случая быть мне представленным, но судьба его не баловала. «Но зато через год после нашего знакомства она уже слишком ему улыбнулась…»

Л.И. начал бывать у нас довольно часто, говоря, что ему большое удовольствие доставляет воспоминание о его детстве /он был старше меня на … лет/14, о дружеских отношениях его отца с моим.15 Антипатия моя к нему начала проходить, присутствие его у нас я переносила хладнокровно, но слишком далека была от мысли отвечать ему на его склонность петь всем одну и ту же песню. Напомнила ему о его любви к Богатовой, на что он всегда, конечно, отвечал, что там была пустая шутка, а тут нечто серьёзное. Эта тема давала мне возможность проводить мои взгляды на отношения к нам театралов. У нас возрастали споры чуть не каждый день.

В ноябре месяце в подмосковном имении Л.И. была назначена охота. Он предложил поехать и мне с мамой. Я неохотно принимала предложение ехать в Константиново16, а

---

[13] Сад Эрмитаж - упоминаемый здесь сад, где состоялось "историческое" знакомство прабабки с Л.И.Похвисневым, не соответствует современному, который был заложен в 1894 г. антрепренёром Я.В.Щукиным, на месте бывших садов княгини Д.Меншиковой и последовавших мещанских владений. Местонахождение того сада установить не удалось.

[14] Старшинство Л.И. по отношению к прабабке обозначено знаком непонятным, напоминающем цифру 7, но по величине цифра не соответствует тексту, а по смыслу всех событий не соответствует числу 7. Думается, что здесь мыслится число значительно большее и вот почему:

- при описании своей учёбы в Театральном училище, А.В. упоминает Л.И. в числе тех старцев, которые «досаждали» молодым фигуранткам своими записками и подарками. Только что закончившая училище А.В., ей 17-19 лет, не может быть моложе Л.И. на 7 лет /то есть ему - 25!/ В этом возрасте, по признанию В.М.Голицына /см. выше/ Л.И. был гусаром;
- буквально в течение года после знакомства, Л.И. заболел серьёзно, с ним случился удар, то есть, говоря современным языком - инсульт, с последующим параличом. Такое невозможно предположить у молодого человека 25 лет, а скорее возможно у человека лет 60 - 70;
- в записках упоминается смерть матери Л.И., которая произошла перед самой его болезнью, инсультом Л.И. В случае 25-летнего возраста нашего героя, матери его не должно было быть более 40 - 50 лет, что сомнительно. Больше похоже на правду, если матери было 70 или более лет, тогда Л.И. должен быть значительно старше, лет на 30 - 40.
- в начале и середине XIX в. в России было широко известно творчество поэтессы Е.П.Ростопчиной и одно из самых известных её стихотворений «Слова для музыки» посвящено «Княгине Марии Ивановне Голицыной, рождённой Похвисневой, в Тифлис» /Е.П.Ростопчина, Сборник «Талисман», Изд-во «Московский рабочий», 1987 г. стр. 144/. Быть может, эта М.И.Похвиснева и есть та самая сестра Л.И., которая упоминается в записках и которая звала его к больной матери в Ниццу. В том же сборнике, в примечаниях, сказано: «Мария Ивановна Голицына /1819-1881/ - знакомая Ростопчиной». Если предположить, что Л.И. не мог быть значительно моложе своей сестры, а мог бы быть 1810 или 1825 года рождения и тогда разница в 30 лет представляется правдоподобной.
- наконец, написание этой самой злополучной семерки, больше напоминает перевернутую римскую цифру L, которая, как известно, значит цифру 50 в римской нумерации. Закрадывается мысль - уж не перепутала ли прабабка написание этой литеры, почему-то перевернув её. Быть может постеснялась признаться в такой разнице лет?
- известно, что с конца 70-х годов XIX в. усадьба Похвисневых в Константиново стала принадлежать В.М.Пржевальскому, известному московскому юристу и брату знаменитого путешественника Н.М.Пржевальского. Усадьба эта могла быть продана только с наступлением болезни или даже смерти одряхлевшего Л.И., как об этом пишет В.М.Голицын в вышеприведенных театральных заметках: «в глубокой старости, психически больным», т.е. глубокая старость наступила у Л.И. примерно в начале 80-х годов Из всех вышеприведенных рассуждений следует, что Л.И. был старше прабабки намного и принять превышение его возраста в 50 лет, над возрастом нашей прародительницы мне представляется правильным!

[15] Это очень интересное признание - дружба отцов двух будущих участников романа. на какой основе могли подружиться один из богатых купцов Мазуриных и помещик средней руки И.Ф.Похвиснев - неизвестно, тем более, что сословные рогатки России тех времен были еще крепки. В то же время известно, что И.Ф.Похвиснев любил охоту и был держателем стай и свор ловчих собак. Все Мазурины были известны как благотворители. Так или иначе, но факт взаимных симпатий - налицо.

[16] Имение Похвисневых в Константиново - о нём смотри выше.

мама с удовольствием, у ней была цель поездки. Ей нужно было отыскать тот портрет моего отца17, «тот самый»18, который я вам показывала. Решено было ехать туда на два дня. Собираясь ехать к нему в имение, я слишком далека была от мысли, что эта поездка со временем решит мою судьбу.

На другой день моего пребывания в Константиново, я осталась на террасе одна, и вся отдалась миросозерцанию. Действительно, перед моими глазами открылась дивная картина природы. Ко мне подошёл в тот момент Л.И. и на его вопрос, о чём я задумалась - я ответила, что любуюсь природой. «Что же вам нравится здешняя местность?» «Очень!» «Хотите, чтобы это всё было Ваше?» «Как так?»»Очень просто - выходите за меня замуж и что есть пред Вашими глазами - всё будет Ваше. Вы будете обладательница всего, что я имею!»

На это я ему ответила, что ему сначала надо подумать хорошенько о том, что он говорит, а что я ему на подобное предложение в данную минуту ответа никакого не дам, не нахожу нужным.

Он хотел объясниться с матушкой, но я от этого порыва его удержала. Предложила ему прежде проверить себя и дать мне подумать, что ему ответить.

По возвращении с охоты, он нашёл письмо от своей сестры /Масе е/19, которая вызывала его к больной их матушке. Живо собрался и уехал в Ниццу. Время шло и делало своё. Отсутствие его начинало быть для меня заметным. Прежняя моя к нему антипатия пропала. Я не хотела верить сама себе, что мои к нему чувства перерождаются. Моя ненависть к нему сменилась на более теплое чувство. И, признаюсь чистосердечно, мне было больно думать: неужели я долго с ним не увижусь? Меня уже охватило какое-то чувство нетерпеливого ожидания его приезда.

Можете ли вы представить себе, что со мною произошло, когда явился к нам Л.И. Умея владеть собой, я моей радости ему не выказала настолько, насколько она клокотала в груди моей.

В один прекрасный день он говорит мне, что мать его настолько больна, что он не нашёл возможности объявить ей о его намерении на мне жениться, но клятвенно подтверждает, что желание сделать меня его женой живёт вместе с ним и что он вернулся в Россию, т.е. в Москву только ради меня повидаться со мной. Одним словом, в огонь подливалось масло и заронившаяся искра раздувалась сильнее. недели через две после приезда в Москву, он телеграммой был вызван опять в Ниццу, куда помчался на другой же день. Вскоре по приезду его в Ниццу, матушка его скончалась. Я получила от него письмо, где он описывал своё горе, и, между прочим, писал, что вернется из-за границы не ранее Великого Поста. На первой неделе поста он вернулся и опять выразил сомнение, что он теперь вполне свободен, мог бы беспрепятственно исполнить своё намерение, если бы не было траура, но в силу этих условий, раньше как через ½ года он не женится.

Прошёл Пост, Святая, после Святой он уехал опять в Баден-Баден к сестре. В конце лета вернулся. Из-за границы он мне писал два, три письма, но я ему на них не отвечала. В сентябре он заболел, его хватил удар. У него отнялся язык и была парализована вся левая сторона. он не владел ни рукой, ни ногой. К нам приехал от него доктор с поручением от больного просить нас приехать, навестить его. Мама охотно согласилась на его просьбу.

---

[17] Еще одно свидетельство взаиморасположения родителей.
[18] Эти слова, взятые в кавычки, очевидно, означают напоминание ранее состоявшейся
[19] Сестра Л.И. - возможно вышеупоминаемая в примечаниях Мария Ивановна Похвиснева, в замужестве Голицына.

Мы с ней поехали к нему. Он тогда жил в гостинице «Шевалье»20, в отдельном флигеле, во дворе. Трудно передать, что я ощутила, увидя его в таком положении и, к тому же, почти одинокого. так как при нём был один только камердинер. вся его радость видеть нас выражалась пантомимами и каким-то невнятным мычанием. Он был жалок и подолгу оставаться у него было тяжело и вместе с тем и грустно было оставлять его одного в таком положении. Мы с мамой ездили к нему два раза в неделю. Остальные дни, когда я его не видала, я грустила, скучала и в это время, анализируя свои чувства, я отдать себе отчёт не могла, что тянет меня к нему. Чувство сострадания или более святое чувство - «любовь».

Как-то на репетиции я получила от него записку, в которой он слёзно умолял меня придти к нему одной без мамы. Как быть? Что делать? и хочется повидать его и страх берёт за дурной поступок. Долго и сильно боролись во мне эти чувства, но первое уступило второму, т.е. я решилась идти. Придя к его квартире, мною овладело сознание, что подобный поступок не достоин порядочной девушки. Я ушла назад. Главную роль в данную минуту играла моя матушка, мне стыдно и жаль было обмануть её. Я знала насколько она меня берегла, и что я составляла для неё всю отраду в её жизни.

На другой день я получила от него вторую записку. Тут он писал прямо, что просит навестить его как жениха моего, что маму он тревожить не смеет, так чтобы отпустила меня с провожатой девушкой. Я должна была показать это письмо маме. Возникли, конечно, трения, но в конце концов, она позволила мне поехать с её племянником, молодым человеком лет 17. На всякого мудреца. говорят, довольно бывает простоты, так и тут.

ДорОгой говорит мне братишка, что он со мной не пойдет к Лук. Ив., что он пойдёт в театр, а из театра зайдёт за мной. На предложение его я не возражала. Он поехал в театр, а я вошла к Лук. Ив.

Его восторгу, радости видеть меня у себя одну не было границ. Трудно, конечно, сказать какими в то время он руководствовался чувствами. Его любезность, внимание, отчасти и его ласки, принимались мною снисходительно, и теплота его чувств передалась мне незаметно для меня самой, так как в душу мою вкралось что-то непонятное. С болью на сердце и с грустью на душе я уходила от него, оставляя его одного. Видеть его явилось для меня потребностью, дома без него я скучала, и мне не страшно было идти к нему одной. И всегда, когда удавалось вечером урвать минутку из театра сбегать к нему, я бежала с сердечным трепетом от радости видеть его.

Как ребёнку, начинающему ходить, трудно сделать первый шаг, так и мне трудно было решиться идти первый раз, а потом я уже ничего не боялась. Он начал поправляться, с костылём в руках двигался по комнатам. Свиданья наши повторялись очень часто. У меня не хватило ни силы воли, ни твердости характера бороться с искушением. Рассудок мой уступил влечению сердца. приходится повторять еще раз фразу: «Как велика сила судьбы, играющая жизнью людей». От ненависти к любви, говорят, один шаг и шаг этот мной был сделан. Человек, которого я прежде ненавидела, овладел мною с полным пылом первой страсти юных дней моих. Я полюбила его! Безотчетно отдалась ему, слепо повинуясь его воле. мне казалось, что счастью моему не будет конца. Я свято верила ему во всем, без веры нет любви!

---

[20] Гостиница «Шевалье» - Камергерский пер., л. 4, здание перестроено, ныне это проезд Художественного театра. В 1830 - 40-х годах Ипполит Шевалье открыл в этом доме гостиницу. В ней постоянно живали во время своих наездов в Москву Л.Н.Толстой, Н.А.Некрасов, провёл свои последние дни П.Я.Чаадаев. Гостями бывали здесь весь литературный мир тогдашней России. Гостиницу «Шевалье» Л.Н.Толстой описал во второй главе «Декабристов». В ней же развёртываются события первой главы «Казаков».

Как не велика была моя любовь к матушке, но любовь к нему оказалась сильнее. Тяжело очень было сознаться перед мамой в моем поступке, но надо было - я не хотела обманывать её. К тому же, и отношения наши с ним требовали некоторых изменений в жизни. моим признанием я её очень огорчила! Отказываюсь описывать подробности, возникшие споры между нами. Я, как провинившаяся дочь, молчала больше, и она чуть не выгнала меня вон из своего дома, но затихла и совсем со мной не говорила. В один прекрасный день я долго была на службе, приезжаю домой и к ужасу своему, вижу пустую квартиру. Моя комната не тронута, в ней оставлено всё как было. Сестёр моих увезла с собой. Я осталась одна с девушкой, которую она оставила для меня. Узнавши, куда она переехала, я бросилась к ней, она меня не приняла. Поехал к ней Л.И. и его не приняла. И так, волей-неволей, мне пришлось жить одной и совершенно новой жизнью. Вот при каких условиях началась моя совместная жизнь с избранником моего сердца. Жизнь моя тянулась с ним 12 лет, текла она в такой роскоши и блестящей обстановке. Всю эту внешность я отодвигаю на второй план, я видела около себя человека, из-за любви к которому потеряла доброе имя и семью свою. (окончил на стр. 57)

Проживши два года одна, я начала чувствовать нехватку своей семьи. Я умолила маму смириться с моим поступком. Я знала, что маме жить с тремя дочерьми, без посторонней помощи, трудно. Сёстры начали подрастать, надо было хоть одну из старших куда-нибудь пристроить. Я дала маме честное слово, что я замою вину перед ней, озабочусь о моих сёстрах «Что я и исполнила свято». Я всех их поставила на ноги. Старшую из трёх я отдала в пансион, остальные две подрастали. потом, при известном возрасте, остальные две были в Театральной школе. Когда мама переезжала жить ко мне с детьми, моему счастью не было границ. прошло еще несколько лет моей жизни, как мне казалось по привязанности ко мне Похв., в полном счастии. Я думала, что я настолько сильно держу своё счастье в моих руках, что его никто у меня не в силах вырвать, а между прочим над моей головой уже собирались тучки и в один прекрасный день разразились грозой. Я увидела себя обманутой, оскорблённой, и, что живя в своём счастливом неведении, я не подозревала способности в человеке так низко поступать и где же? В своём доме, в своей семье! Два года перед нашим разрывом, я жила в каком-то чаду, не понимая, что вокруг меня твориться. Когда же я узнаю истину причины, в силу чего я переживала разные нападки на себя и на сестру Лизу, тогда я без слёз, без упрёков за искалеченную им мою жизнь, предложила ему полную свободу. мне трудно было бороться с моими чувствами к нему, и я бы не прочь, в силу моей к нему привязанности, всё ему простить, но раз я узнала, что в своё оправдание он старался выставить меня виноватой, тогда чаша моего терпения переполнилась. и я окончательно объявила ему, что при таких условиях, я не вижу возможности продолжать нашу совместную жизнь.21 Тогда он лучше ничего не нашёл, как предложить поехать в Константиново обвенчаться. Я поблагодарила его за его желание выполнить данный им обет, но отказалась наотрез принять его предложение, находя неудобным при таких обострившихся отношениях сделаться его женой. «Вы это должны сделать для детей», а «вы обязаны были сделать это раньше, как честный человек, а теперь уже поздно поправлять свои ошибки перед детьми. Ответственность за них я беру на себя, а будут ли они носить Вашу фамилию, или мою, для них будет безразлично.» Отказ мой озлобил его против меня еще больше. Трудно вам передать, что я пережила, что передумала в момент

[21] Суть разразившегося скандала не совсем ясна. Ясно лишь, что в нём была замешана сестра Лиза, старшая из трёх оставшихся сестёр, надо полагать, именно та, которая была отдана в пансион. Известно из семейных пересудов, что одна из сестёр была в близких отношениях с графом Талызиным, а имение Талызиных - Денежково - буквально граничило с имением Похвисневых в Константиново /см. схему/.

нашего разрыва. Разбитая душой, утратившая веру в людей, почти без всяких средств, со всей своей семьёй, мама, три сестры и двое своих детей, я осталась с ними одна...

И.И.Маслов22 и В.А.Воейков23 принимали в моём положении живое участие и настоятельно потребовали от него для детей средств на воспитание их. Он обещал давать мне 200 руб. в месяц, с правом, как отец, наблюдать за их воспитанием. Я этого права его не лишила. К тому же мне самой трудно было сразу заглушить в себе своё чувство, как бы оно ни было оскорблено, не скоро умирает, с ним живут до могилы.

Визиты навестить детей Л.И. повторялись очень часто, и каждый раз его посещение оставляло во мне дурное впечатление. Он преследовал меня за мой отказ выйти за него замуж. но мысли-то не было идти мне с ним под венец. когда я чувствовала, что я солгу перед Богом, если скажу, что выхожу за него замуж по согласию, а главное, я сознавала уже в себе к нему более холодность, чем тёплое чувство и не могла ручаться за то, что буду ему верной женой, а это было бы против моих убеждений. Визиты его ко мне меня тяготили. Надо было искать исхода из такого положения. Я положительно начала его бояться. Если он бывало не застанет меня дома, то где-нибудь да уж отыщет меня и скажет какой-нибудь вздор, который опять возмутит меня с ног до головы. Когда после моего дебюта мне Медведев24 предложил ехать к нему служить, я охотно приняла его предложение.

Мне хотелось поскорее набросить занавес на все прошлое. Этими строками кончается мой первый роман25, который в полном смысле слова возвёл меня в степень женщины и герой моего романа не дал пищи ни уму, ни сердцу, не осветил мою жизнь ничем, кроме того, что только окружил меня роскошью, которую я не желала и не видела в ней своего счастья! Я искала спокойной жизни, тихой, спокойной и он не только не создал мне домашнего очага, а еще и к довершению своего поступка, отнял у меня угол в родной семье. заставив меня покинуть престарелую мать и ехать метаться с детьми его по свету, почти без всяких средств, так как с моим отъездом из Москвы, я лишилась его помощи. Всё что тогда у меня было. это 2 т. от проданных вещей моей обстановки и предстоящее жалованье в Казани. прощанье, расставанье с матушкой и сёстрами были очень тяжёлыми. В момент моего отъезда заболела мама. Мысль, что я оставляю больную на руках сестёр несовершеннолетних, у меня на душе лежала тяжёлым камнем.

Я уехала из Москвы 15 сентября и через два месяца, 24 ноября я получила телеграмму о смерти мамы. Известие о её смерти меня совсем повергло в отчаянье!

горе за горем меня преследовало и всё, что назначено было мне судьбою испытать, я безропотно переносила.

Приехав в Казань, через два дня, я уже выступила на сцену. Новый город, новые люди, новая для меня обстановка, и, главное, новое для меня дело, не давали мне часто оглядываться назад и между тем и неизвестность, что ожидает меня впереди, очень часто омрачали мою жизнь. Началась служба, начались со службой и представления местных властей, а равно и выдающихся личностей, посещающих постоянно театр. Новое дело

---

[22] И.И.Маслов - начальник удельной конторы в Москве. Удельные конторы - местные отделения департаментов Уделов, в ведении которого находилось всё имущество царского двора, в том числе, императорские театры. И.И.Маслов был старинный приятель И.С.Тургенева, который многократно останавливался в его квартире при своих наездах в Москву. Здание уездной конторы, в котором Маслов имел казённую квартиру, находилось на Пречистенском бульваре /ныне дом № 10/. Прабабка, по-видимому, и там бывала.

[23] В.А.Воейков - очевидно, один из чиновников театрального ведомства. Род Воейковых включает большое число известных деятелей. Данное лицо в соответствующей литературе мне не попадалось.

[24] П.М.Медведев /1837 - 1906/ - известный актер, режиссер и антрепренер. В данных записках прабабки упоминается его антреприза в Казани, в 1871-72 г.г., с её участием. На известной фотографии всей труппы этой антрепризы прабабка снята вместе с М.Г.Старостиной, П.М.Медведевым и В.Н.Давыдовым /журнал «Театр и искусство», 1903, № 43 и «Горести и скитания», М.Г.Савина, 1961 г./ Он учился в том же театральном училище, что и прабабка, двумя или тремя годами ранее, о чем он и упоминает в своих «Воспоминаниях».

[25] Замечание по поводу окончания первого романа свидетельствует о существовании и последующих романов. Такова жизнь!

заняло у меня почти весь день то на репетиции, то на спектакли. Домой приедешь не на отдых. Нужно и роль подучить и туалет приготовить.

Детишки мои видели меня очень мало. Не будь у них такой хорошей няни, как женщина, уехавшая со мной из Москвы, я просто бы за них болела душой. Эта женщина была няня моей старшей дочери, и все дети, со дня рождения поступали к ней на руки. Она очень была привязана ко мне и к моим детям, чем я, конечно, очень дорожила. Для неё не была тайной история, заставившая меня уехать из Москвы. Всей её жизни у меня в доме было 30 лет. Два года тому назад я устроила её в богадельню.26

Имея около себя такого преданного человека, я была спокойна за детей. Да и самой иногда, в часы свободы, приятно было побеседовать с ней. Ведь я совершенно была одна, а бывали минуты, когда являлась потребность облегчить свою душу. Дети были еще очень малы. Дочери было 5 лет, а сыну - 2 года.27

Служба в провинции не так легка, как в Москве при Императ. Театре. Первое время, пока я не привыкла, не осмотрелась, мне было очень трудно.

Вскоре, по приезде моём в Казань, появился в Казани Пятов28, который, почему-то не знаю, распустил слух, что я женщина богатая, что у меня состояние 100 тыс. Слух этот мне нисколько не повредил, а, напротив, принёс пользу. Считая меня за богатую женщину, никто не стал заявлять своих претензий на мою благосклонность, а все, доступ имеющие за кулисы, с особенным уважением заискивали моего знакомства. Что касается до меня самой, то настолько раны были еще свежи, что ни кокетство, ни что подобное и в голову не шло. У благодушных артисток29 находилось и время и желание принимать участие в пикниках, в ужинах. Я же, от всех подобных удовольствий отказывалась и, между прочим, сознавала, что с волками жить - по волчьи выть. Тогда я объявила почтенным местным личностям: «Если кому угодно у меня быть, то прошу к себе всех в субботу, раз в неделю.» Предложение моё было принято. Охотно все собирались у меня по субботам. В тот сезон бывали и выдающиеся силы из артистического круга. Тогда были здесь звёзды первой величины: Савина, Стрепетова, Варламов, Давыдов и сам Медведев.30

Примечание [AY15]: Антон: Удивительное отношение! Написать так много хорошего о няне своих детей и ни разу не назвать её имени! Что это - отголоски крепостничества, когда господа не утруждали себя запоминанием имен слуг, или просто выпадение памяти? Склоняюсь к первому, т.к. далее следует «как какой-то плотник или кучер» - пренебрежительное отношение к слугам.

Примечание [A16]: Медведев П. М. Воспоминания. Под ред. и с предисл. А. Р. Кугеля. Л., "Academia", 1929. 359 с; 1 л. портр. (Театр, мемуары. Судьбы театра и театр, быт в освещении деятелей сцены. Серия книг под общ. ред.П. И. Новицкого и Е. Кузнецова. 7). Указ. имен: с. 351-358.
Др. публ. - Б-каТИ, 1904, кн. 23, 24; 1905, кн. 1-11/12, 15/15-19/20, 23/24 (под загл.: 60 лет на сценических подмостках).
Медведев Петр Михайлович (1837-1906), антрепренер, актер, режиссер, театральный и общественный деятель.
1840-е гг.- 1863. Детство. Обучение в Московском театральном училище. Служба в театрах Тулы, Вышнего Волочка, Костромы, Твери, Динабурга, Саратова, Астрахани, Воронежа, Курска, Камышина, Пензы (1853- 1863). Положение провинциальных театров, их репертуар, быт и нравы актеров. Провинциальные антрепренеры: Н. И. Иванов, Ф. К. Смольков, Е. Н. Аверкович. Актерская биржа в Москве (50-60-е гг.). Н. К. Милославский. Организация автором Пензенского актерского товарищества (1862). Отдельные случаи из жизни провинциальных актеров.
6647. Медведев П. М. Мое счастье.-ТИ, 1903, № 43, с. 789-790. Об авторе см. № 6646.
1874-1875. Театральный сезон в Астрахани. Взаимоотношения провинциальных антрепренеров и актеров.

---

[26] Фамилия, имя и отчество этой женщины - няни детей прабабки - мне неизвестны, в разговорах родных её не упоминали, но, поскольку записки относятся к 1894 г., а в богадельню она была устроена в 1892 г., то годом начала её службы при детях прабабки можно считать 1862 г., что совпадает примерно с годом рождения дочери - «старшей дочери», как пишет прабабка - Евгении Лукиничны Егоровой /Похвиснёвой, по отцу и Найдёновой по мужу/. Женя Егорова умерла вскоре после выхода замуж, похоронена она в Мелекессе, где, по-видимому, она и жила в замужестве, войдя в купеческую семью, которая, как говорили родственники, была родственна купеческой семье Алексеевых, один из которых, был знаменитый К.С.Станиславский. Интересно, что и сам Найдёнов обессмертил своё имя, став автором известной постановки МХАТ «Дети Ванюшина». Интересно также отметить, что прабабка употребляет понятие «всех детей», что, вкупе с возможными в дальнейшей её жизни романами, позволяет считать, что детей было больше, чем известные нам Женя и Костя - Константин Лукич Егоров /Похвиснев по отцу - мой дед по отцу/

[27] Судя по нижеприводимым документам, сыну, К.Л.Егорову, было в 1871 г. несколько месяцев, то есть на службу в Казань прабабка уезжала, имея на руках двухнедельного младенца - сына и дочь, старше его, в лучшем случае, года на три. Однако, в тексте записок есть упоминание возраста детей, дочери 5 лет, сыну - 2 года и относится это сообщение скорее всего к 1872 г., а если судить строго по тексту, то и к 1871 г., что уж и совсем не лезет ни в какие ворота! Или прабабка перепутала или документ был выправлен по неправильным срокам. Тем не менее, будем верить документам! Более подробно о моём деде смотри ниже

[28] Пятов - чиновник театрального управления.

[29] «Благодушные артистки» - Т.Б.Борисова и А.И.Тулубина, прежде всего. В.Н.Давыдов пишет о них так: «На домашних пирушках отличались опереточные премьерши Борисова и Тулубина... Красивые и весёлые женщины, любившие мужскую компанию, они были душою вечеринок, и около них толпился рой воздыхателей...» А А.И.Шуберт пишет о них так: «Борисова и Тулубина прекрасно говорили по-французски, франтам это нравилось. Они устраивали пикники, танцы...» М.Г.Савина, в своих «Горестях и скитаниях» посвятила отношениям с Т.Б.Борисовой несколько страниц.

[30] Все названные артисты - выдающиеся деятели провинциальной и столичной сцены. Однако, К.А.Варламов в этот сезон в составе труппы не был.

Время шло при благоприятных условиях. Я пользовалась общей симпатией как публики, так и между товарищами.

Я имела отличный бенефис. При таких условиях закончился первый зимний сезон. На лето все артисты разъезжались по разным городам служить. тот же Медведев предложил ехать с ним на лето в Саратов, но я отказалась, мне хотелось поехать в Москву и лето прожить с сёстрами. С первыми пароходами я уехала в Москву.

Приехавши в Москву, остановилась в гостинице, затем в Петровском парке наняла дачу, куда и пригласила жить к себе моих сестёр. В конце августа я опять с детишками и той же няней уехала на зимний сезон в Казань, где на мою службу был подписан мною контракт, не с Медведевым уже, а с новой дирекцией. второй сезон моей службы ничего нового мне не дал, так же много играла. Публика встретила меня очень приветливо, ко всем моим прошлогодним знакомым казанским жителям, прибавился мой московский знакомый и родственник Похвиснева - К.Н.Хитрово31, поступивший здесь на должность вице - губернатора. Крайне был удивлён увидеть меня здесь, в Казани, и, узнав причину, закинувшую меня в Казань с детьми и при таких условиях, очень сочувственно ко мне отнёсся и нередко бывал у меня.

Домашняя моя жизнь текла отлично, тихо, спокойно, но дела по службе шли неладно. Дирекция тетров водворилась из трёх лиц: лебедь, рак и щука. Личность, взявшая на себя репертуарную часть по этому делу, не принимала во внимание того, что он неправильно раздавал роли. Все артисты были им недовольны и, в силу того, что им надо было дотянуть сезон, подчинялись его назначению. а я протестовала. Раз как-то на моё заявление, что он предложил мне роль не моего амплуа, он мне ответил: «Не ваше дело меня учить!» Я ужасно напугалась. «Я - враг грубости». Я хотела ему привести доказательства его несправедливости, а он повернулся ко мне спиной со словами: «Я знать ничего не хочу. Вы должны делать то, что вам приказывают». Идти дальше на объяснение можно было еще чего-нибудь услыхать, а я не хотела. Уехала домой, собрала все роли и отправила, с заявлением, что служить больше не буду. Сей достопочтенный муж прикатил ко мне с вопросом: «Правда ли. что я не хочу служить?» «Да, правда!» «Отчего?» «оттого, что не вижу подобных себе людей, стоящих во главе управления делами театра!» «Как так?» «Очень просто! Вы смотрите на артистов как на слуг и, не имея понятия о воспитании, Вы позволяете себе говорить с артистами не как с людьми равными Вам, а как с последними плотниками и кучерами, а я к этому не привыкла, и во избежание новых с ним столкновений я нарушаю свой контракт». Вот таков был финал моей службы на казанской сцене.

Москва, 15-е февраля.

Нарушивши контракт с Дирекцией, в половине ноября, мне приходилось бОльшую часть сезона оставить и жить в Казани безо всяких дел. Положение незавидное и ехать в Москву не было возможности32. Зимой, с детьми, я не решилась ехать, да и что меня ожидало в Москве? Ехавши в Казань на вторую зиму, я в Московскую дирекцию подала прошение об отставке и имела известие, что бумаги об отставке Московской Конторой получены. Надо было до поры до времени сидеть в Казани, тогда я всецело отдалась детишкам.. Дочери в декабре минуло уже 7 лет33, я начала заниматься с ней, понемногу

---

[31] К.Н.Хитрово - вице - губернатор Казани в означенное время. Ссылок на него в соответствующей литературе я не нашёл, но гораздо интереснее, что этот представитель древнего и славного рода российского дворянства, был в родстве с нашим предком. Неясно только каким образом!

[32] Железнодорожного сообщения с Казанью не было. Из Москвы ехали на поезде до Нижнего Новгорода, далее - на пароходе.

[33] Дочери - Евгении Лукиничне - в декабре 1872 г. минуло семь лет, т.е. она родилась в декабре 1865 г. С моими расчетами это не совпадает, см. п 21 замечаний. Я считал, что знакомство и совместная жизнь начались в 1858 г.. Мог ли

подготавливая её к поступлению в какое-нибудь учебное заведение. Имея свободный доступ в театр, я почти каждый вечер была в театре, но такая жизнь веяла на меня пустотой. Наброшенный занавес на всё прошлое начал подниматься. Очень сильно развилось воображение, что Л.И. действительно меня любит, что, по гордости своей, уж очень строго с ним поступила. Когда у меня было дело, мне некогда было сидеть в раздумье, и от нечего делать какой-то сумбур голову наполнял.

Надобно было найти себе какое-нибудь занятие, чтобы выбить из головы всякий вздор. Так как я начала заниматься с дочерью, то вздумала повторить некоторые предметы и сама. В школе я не успела пройти историю литературы. Я прошла её, то, что мне некогда было учить в 16 - 17 лет, я изучила в 30.

Каждый день бывать в театре надоело, я решила ездить в театр смотреть только новые пьесы. Оставаясь дома я всегда читала, читала много, а иногда что-нибудь работала для детишек. Средства мои истощились без жалованья, которая я получала при службе, пришлось проживать последние. Пенсию мне дали очень мизерную, 20 руб. в месяц, и 20 руб. в месяц мне были не лишние. Гордость моя не допускала меня к намерению взять маленькую квартиру. Ведь я слыла за очень богатую. Из самолюбия я должна была поддерживать славу богатой барыни. К тому же, хотя я уже и не служила, но меня изредка навещали здешние власти. Мне очень симпатизировал Н.Я.Скарятин34, бывший в то время губернатор г.Казани, да и вообще я завоевала общее уважение и симпатию.

Однажды, оставаясь вечер дома одна, я набросала стихи. Озаглавила их «Бред больной души». Я решилась их показать одному из Казанских профессоров, Н.А.Осокину35. Стихи были написаны очень удачно. Он их взял домой, поправил некоторые орфографические ошибки и передал цензору, А.П.Осипову36 от моего имени. Сказал, что я прошу их напечатать в «Волжском вестнике»37. Когда мои стихи были напечатаны, я получила номер газеты «Волжского вестника» и верить не хотела, что моё произведение попало в печать.

Между тем, мне очень нравилась моя попытка, тогда я написала статью о театре: «Заметки проезжего», которые тоже напечатались, только не в местной газете, а в Симбирске.38

Поощрение людей ученых меня очень ободрило. Видя в этом занятии не вред, а свою пользу, я охотно всё свободное время отдавала этому делу. По совету добрых людей, я начала писать фельетон «Размышление о жизни человека». Находясь всё еще под тем впечатлением, под которым покинула Москву, у меня, конечно, был душевный материал, который незаметно для меня самой выливался на бумагу. Одиночество моё стало для меня незаметным, при этом день я жила и сердцем и душой, я не видела, как проходило у меня время.

быть таким большим промежутком срок бездетной совместной жизни, а именно в шесть лет? Может быть и мог - ведь её было всего каких-то 18 - 19 лет, а он был, по сути дела, старик, ему шло под семьдесят!

[34] Скарятин Н.Я. - губернатор Казани в 1867 - 1880 г.г. Большой театрал, всегда идущий навстречу желаниям актеров и режиссёров. Во всех мемуарах о нём хорошие отзывы, кроме шаляпинских, который осудил губернатора за административное рвение.

[35] Осокин Н.А. /1839 - 1895/, историк, воспитанник СПб и Казанского Университетов, профессор всеобщей истории Казанского Университета. Автор многих научных трудов, магистр. Его отец - предводитель дворянства губернии, существенно помогший театру после пожара.

[36] Осипов А.М. /1842 - ????/ - декан юридического факультета Казанского Университета и ординарный профессор гражданского права /до 1896 г./ Был цензором в Казани.

[37] "Волжский вестник" - газетное издание в Казани. По официальным сведениям начала выходить в 1883 г. По-видимому, стихи прабабки печатались еще в несистематически выходящем издании газеты.

[38] В Симбирске также были издания периодики под названием "Волжские вестники", но издававшиеся позднее времени. указанного прабабкой. Возможно, что печатание её статьи произошло в другом издании.

Кончился сезон. Наступил Пост. В Казань приехали Никитин39 и Форкатти40 дать несколько спектаклей. Артисты в то время почти все разъехались, осталось немного. Мужской персонал был по мне, но женский - плох, актрисы на роль grand-dame не было. Являясь по обязанности приезжих к Н.Я.Скарятину, они выразили своё горе, что приехали в Казань напрасно, что спектакли у них не состоятся за неимением актрисы. Тогда Скарятин указал им на меня. Являются ко мне незнакомые два господина, во фраках, так официально. не зная причину их посещения, была очень удивлена их визиту. «С кем имею честь говорить?», «Такие-то», «Что Вам угодно?». «Не будете ли столь любезны, принять участие в нашем Товариществе, сыграть несколько спектаклей?» Я, конечно, согласилась. Они мне положили по 100 руб. за спектакль, затрат мне на туалеты не нужно было делать. Я сыграла 10 спектаклей и получила 1000 руб.

Форкати предложил мне на будущий сезон ехать к нему служить в Харьков. Давал мне хороший оклад и я решила на лето остаться в Казани, а осенью перебраться в Харьков. Как ни тяжело было скитаться по белому свету, а что не сделаешь - надо кушать самой и детей кормить.

На лето я уехала с детьми в деревню, где предполагала прожить до августа, а в августе покинуть Казань и переселиться в Харьков. Но не суждено было осуществиться моему намерению. Август месяц стоял очень сырой и холодный. У меня простудились дети, а у мальчика даже было воспаление мозговой оболочки. Бросить на произвол судьбы больных детей и уехать в Харьков одной было немыслимо. Дочь от своей болезни поправилась скоро, а сынишка хворал очень долго.

Я страшилась мысли о смерти сына, а еще более ужасно было слышать предсказание, если он не умрёт, то останется на всю жизнь идиотом. Был перелом болезни, он как будто начал поправляться, а между тем у него образовалось воспаление лёгкого. На это явление, мне сказали доктора, что это один из лучших исходов, что теперь они смело говорят, что жизнь ребёнка спасена. И правда, он перенес воспаление, начал поправляться, хотя болезнь его, до полного выздоровления, тянулась 2 ½ месяца.

Возня с больными детьми меня ужасно утомила, и лечение сына мне стоило больших денег. Карман мой истощился, а впереди предстояла жизнь, я начала фантазировать, вздумала написать комедию. Очень усердно принялась излагать свою фантазию. Работа мне явилась отдыхом. Было написано уже два действия.

В труппе казанского театра заболела актриса. Директор, из-за которого я нарушила контракт, приехал ко мне с предложением принять участие в их деле, хотя на один месяц, пока не выздоровеет Немирова41. За месяц службы он предложил мне 300 руб. Сообразив, что 300 руб. на полу не подымешь, я согласилась и играла довольно удачно.

Продолжать свою работу опять...

На этом, к сожалению, обрываются записки, точнее, письмо, направленное Владимиру Михайловичу, хорошо ей известному лицу. Думаю, что адресат никто иной, как известный театровед В.М.Голицын, собиравший материалы, относящиеся к театральной жизни Москвы, прежде всего, и опубликовавший их, как «Мои театральные воспоминания», правда, много позднее, эти материалы относились к 50 - 70 годам XIX в. Там упоминается и наш предок - Л.И.Похвиснев - мой прадед, так что интересам В.М.Голицына вполне могли служить воспоминания близкого Л.И.Похвисневу человека - Анны Васильевны Егоровой.

---

[39] Никитин П.А. /1836 - 1880/ - актер и чтец, попутно и антрепренер, держал антрепризу в Саратове. Пропагандировал Н.А.Некрасова.
[40] Форкатти В.Л. /???? - 1906 г./ - актер на амплуа простака, любовника и фата, режиссёр, антрепренер.
[41] Немирова - Ральф А.А. /? - 1928/ - провинциальная драматическая актриса. С 1900 года - в Александринском театре.

Поэтому комментарии к запискам моей прабабки я начну с отзыва В.М.Голицына о моём прадеде Л.И.Похвисневе, взятом из сборника «Московская старина», изд. «Правда», 1989 г., стр. 90 и далее:

Таким же постоянным балетоманом был хорошо известный Москве Лука Похвиснев, тоже бывший когда-то гусаром, но давно уже пребывающий в отставке. Благодаря своему продолжительному роману с одной из балерин, он в балете и его труппе был своим человеком, и его подруга часто содействовала знакомству молодых людей с их сценическими «интересами». Этот Похвиснев более всего отличался своими рассказами, в которых правда почти всегда отсутствовала, и стоило сказать, что такую-то новость сообщил Похвиснев, чтобы никто этому не поверил... Так, между прочим, он рассказывал, что однажды, проезжая в санях по Газетному переулку, он обронил свои карманные часы. Через месяц, на том же месте, в лицо ему попал большой ком снега и в нем очутились его часы, и, «вообразите,— добавлял он,— идут». И этот субъект, в свою очередь, кончил жизнь в глубокой старости психически больным.

Сборным местом для всех этих балетоманов были: днем — кондитерская Трамбле на Кузнецком мосту, а вечером — ресторан гостиницы Шевриэ, бывшая Шевалье, в Газетном переулке. В первой было два больших окна, из которых удобно было наблюдать за балеринами, любившими после репетиции в театре прогуляться по Кузнецкому. В ресторане собирались вечером люди более или менее состоятельные и там передавались балетные новости, впечатления, надежды.

продолжение заметок я опускаю, хотя они сами по себе и интересны тем, кто интересуется историей культуры в Москве. Теперь о личности прабабки. Происхождение её целиком неясно. «Мы все от Мазуриных» - так она говорила своим современникам, имея ввиду себя и своих сестёр. И мой отец, и его сёстры слышали это от неё не раз. Обладая сильным характером, способная на резкие поступки, она, безотносительно того, как сложилась её дальнейшая жизнь, видимо, усложнила жизнь своих детей, лишившихся и обеспечения, и наследства, в том числе имения и принадлежности к привилегированному сословью. В известной степени это обездолило её детей, хотя, если учесть их зрелое будущее в стране, в которой произошла революция, в их жизни / я говорю прежде всего о своем деде, так как старший ребёнок, дочь Евгения, умерла рано/ не было тех сложностей, которые пришлось пережить представителям «чуждой среды» после 1917 г. Кто знает, чем обернулось бы владение имением в том же Константиново для моего отца, например, а тем самым и для меня.

Дальнейшая, после Казанских гастролей, жизнь моей прабабки мне неизвестна. Могу сказать, что с течением времени она вернулась в Москву, прожив в Казани, примерно, лет пятнадцать. Последние годы своей жизни она проживала в семье своего сына, моего деда, Константина Лукича, в Лианозово и, видимо, там и умерла, возможно, даже и похоронена на кладбище церкви над прудом, у Алтуфьевского шоссе. Наша семейная фото летопись включает фото, где она снята уже в старческом возрасте за рукоделием, а последнее фото относится к 1913 г. На этом фото она сидит в кресле, на котором её возили, сидит, окруженная внуками, в числе которых есть и мой отец. Кажется, этот год и можно считать годом её смерти. а вот год её рождения определить можно только с известной степенью вероятности. Отправными точками в данном случае могут быть воспоминания антрепренера П.Медведева и первый год её гастролей в Казани, который можно определить точно по театроведческой литературе и по ряду косвенных признаков, известных из литературных источников, и, прежде всего, вышеприведённое жизнеописание. Свой отсчёт я строю так:

1871 г. - участие в гастролях труппы П.М.Медведева в г.Казани, куда А.В. попала после разрыва с Л.И.Похвисневым. Эта дата зафиксирована в литературе. Следовательно, разрыв

Примечание [A17]: От Антона: Этого пруда, насколько я знаю. больше не существует. Он был засыпан во время застройки Лианозова типовыми домами в 70-е годы XX века. Церковь осталась.

Примечание [A18]: Медведев П. М. Воспоминания. Под ред. и с предисл. А. Р. Кугеля. Л., "Academia", 1929. 359 с; 1 л. портр. (Театр, мемуары. Судьбы театра и театр, быт в освещении деятелей сцены. Серия книг под общ. ред.П. И. Новицкого и Е. Кузнецова. 7). Указ. имен: с. 351-358.
Др. публ. - Б-каТИ, 1904, кн. 23, 24; 1905, кн. 1-11/12, 15/15-19/20, 23/24 (под загл.: 60 лет на сценических подмостках).
Медведев Петр Михайлович (1837-1906), антрепренер, актер, режиссер, театральный и общественный деятель.
1840-е гг.- 1863. Детство. Обучение в Московском театральном училище. Служба в театрах Тулы, Вышнего Волочка, Костромы, Твери, Динабурга, Саратова, Астрахани, Воронежа, Курска, Камышина, Пензы (1853- 1863). Положение провинциальных театров, их репертуар, быт и нравы актеров. Провинциальные антрепренеры: Н. И. Иванов, Ф. К. Смольков, Е. Н. Аверкович. Актерская биржа в Москве (50-60-е гг.). Н. К. Милославский. Организация автором Пензенского актерского товарищества (1862). Отдельные случаи из жизни провинциальных актеров.
6647. Медведев П. М. Мое счастье.-ТИ, 1903, № 43, с. 789-790. Об авторе см. № 6646.
1874-1875. Театральный сезон в Астрахани. Взаимоотношения провинциальных антрепренеров и актеров.

состоялся, предположительно, в 1870 г., а т.к. срок их совместного проживания был 12 лет /так в воспоминаниях/, началом совместной жизни можно считать 1858 г.

1857 г. А.В. знакомится с Л.И.Похвисневым - их знакомит П.С.Киселев в саду «Эрмитаж», после чего пошёл год.

1856 г. - год окончания театрального училища и начало работы в столичном театре. С этим связана просьба к отцу о присылке денег. Примерный возраст окончивших училище 17 - 19 лет, и тогда:

1838 г. - год рождения А.В.Егоровой. Конечно, вышеприведенные рассуждения включают погрешность, но не более года. Скажем, годом рождения мог бы быть 1837 г. Косвенным указанием может служить дата рождения упоминаемого в воспоминаниях П.М.Медведева. Но он сам в своих мемуарах пишет, что во время его пребывания в Театральном училище, там учились впоследствии известные актеры и, в том числе, А.В.Егорова. Год же рождения П.М.Медведева известен = 1837. Более точного способа определить возраст моей прабабки - нет! Во всяком случае - пока!

Комментарии к воспоминаниям А.В. Егоровой.

А.В. лишний раз не упоминает настоящего отца, хотя в последующей жизни и не скрывала, что и она, и её сёстры - от Мазуриных. Выше я пишу о причинах приобретения фамилии Егорова, под которой она и училась в школе, и выступала на сцене. Сестра её - Мария Васильевна и, возможно, остальные сёстры шли в девичестве под фамилией Мазурины. Немного об этой фамилии. Мазурины - купцы, первостатейные и очень известные примерно, до конца XIX века, далее эта фамилия не встречается. Эти купцы были известны не только своей состоятельностью, но и благотворительной деятельностью, что было вообще характерно для купечества. Известны их следующие благодеяния:

1868 - при материальной поддержке К.С.Мазурина в детском доме при приюте - училище, основанном братьями Набилковыми, были открыты типографские классы. В этом доме воспитывались дети - сироты из беднейших семей

1871 - коммерции советник Митрофан Сергеевич Мазурин, владелец Реутовской мануфактуры, основал приют для временного пребывания выздоравливающих женщин, не имеющих средств к существованию и лечившихся во 2-й Градской больнице /ныне Шаболовка/

1887 на средства петербургского купца Николая Алексеевича Мазурина, по его завещанию, была открыта богадельня на Котельнической набережной, где призревалось 100 человек обоего пола поровну. Мазуриным было пожертвовано 500 тысяч, из которых 200 тысяч ушло на постройку дома, а 300 тысяч составило неприкосновенный фонд, на проценты с которого учреждение содержалось. В советское время в этом здании размещался Главснаб СССР /ныне - Котельническая набережная, 17/

1903 - Н.А.Мазурин скончался, завещав Московскому купеческому обществу на устройство благотворительного заведения большую часть своего состояния. В 1905 г. архитектором С.У.Соловьевым начаты были работы по перестройке здания. Получился огромный жилой блок со стоимостью строительных работ около 500 тысяч. В домах были созданы образцовые квартиры, жилой комплекс был рассчитан на 370 человек. Содержание было обеспечено процентами, по завещанию Н.А.Мазурина. Это благотворительное заведение называлось «Бесплатные квартиры имени Николая и Алексея Алексеевичей Мазуриных». Была и

общеобразовательная школа на 90 мест. В советское время здесь размещался ВНИИБиосинтеза /Б.Коммунистическая, 27/

1895 - на Девичьем поле открылся приют городского подчинения, основанный по завещанию француженки М.Шарбонно. Она была гражданской женой Н.С.Мазурина - одного из братьев Мазуриных. Значительную часть жизни этот Мазурин провёл за границей, но на склоне лет купил дом на Тверской, рядом с домом вице-губернатора и осел в Москве. Его подруга М.Шербонно умерла в Париже в 1890 году, завещав 200 тысяч рублей и 60 акций Купеческого банка, стоимостью 80 тысяч на устройство приюта имени своего покойного благодетеля - Н.С.Мазурина. Городская управа устроила приют для 100 воспитанников, в возрасте от 5 до 9 лет, всех сословий и вероисповеданий, а по достижению школьного возраста они переходили в ближайшие городские училища, оставаясь в приюте до 12 лет. Этот приют располагался в здании, выстроенному по проекту архитектора И.А.Иванова-Шиц /ныне в нём размещается Вьетнамское посольство, Б.Пироговская, 13/

1897 - на Собачьей площадке был построен дом в псевдоготическом стиле /по проекту В.Н.Карнеева/, принадлежащий купцу К.М.Мазурину /в конце XIXвека старик Мазурин был видным коллекционером древнерусских рукописей/. Стены этого особняка помнили, вероятно, всех советских композиторов, так как здесь длительное время размещалось правление Союза советских композиторов и Музфонд. В энциклопедии БЕ (2/д т., стр. 121) о хозяине этого дома приводится такая справка: «Мазурин Константин Митрофанович - русский писатель по музыкальным вопросам. (род в 1866 г.) Главные его труды: «К вопросу о способе элементарного преподавания музыки», « К истории и библиографии пения», «Методология пения». С 1962 г. началась прокладка Нового Арбата и домА Собачьей площадки, равно как и все дома вокруг, вместе со старой планировкой, исчезли под самым широким проспектом столицы.

Более раннее упоминание об этой семье, семье Мазуриных, относится к 1850 г., когда ряд владений в начале Мясницкой улицы уже был в руках этой семьи и, в частности, обширное владение с садами, домами и надворными постройками принадлежали почетной гражданке из купцов - Мазуриной. Дом этот не сохранился /Бол. Златоустьинский, 4/ и поделом. В 1866 г. в нём произошло убийство - один из Мазуриных убил и ограбил своего приятеля, ювелира Калмыкова, которого заманили в один из выходивших на улицу магазинов. Сделал это один из сыновей весьма набожной купчихи. Несмотря на загадочность многих обстоятельств, убийца был осуждён к 15 годам каторги, но уже через 9 лет московские газеты сообщали, что видели его за границей. Хозяйка же дома приобрела популярность, отстроив заново церкви и трапезную ближайшего Ивановского монастыря.

К концу XIX века вся эта усадьба перешла в собственность купеческой семьи Бахрушиных и подверглась основательной перестройке. Высокая литература сохранила память об этом месте и этих событиях. Ф.М.Достоевский в романе «Идиот» точно воспроизводит обстановку этого преступления, вплоть до точного топографического описания дома Мазуриных, а в устах Настасьи Филлиповны мрачно звучит даже и описание оружия убийцы - бритвы, перевязанной шёлковой ниткой.

Теперь, по поводу хозяйки дома Мазуриных - купчихи Мазуриной и реставрированного с её помощью Ивановского монастыря. Этот монастырь, называемый также Иоанно - Предтеченским был женским и располагался близ Солянки. Основан он был матерью Ивана IV-го Грозного - Еленой Глинской и был разрушен уже в советское время. Портрет этой купчихи находится в музее крепостных художников им. Тропинина, что находится в Замоскворечье. Смею предположить, что это богомольная старуха может быть в числе моих предков - если моя прабабка Анна Васильевна её внучка, то она мне приходится пра-пра-пра-бабкой.

При чтении записок прабабки Анны Васильевны мне бросилось в глаза, что она не упоминает своего отца, но отмечает, что он был вынужден внезапно уехать в Сибирь - эти обстоятельства по смыслу совпадали с вышеописанным преступлением, но по годам то и другое не совпадает: преступление было совершено в 1866 г., а в этом году прабабушка, уже закончив театральную школу, работала в театре и была занята своей семьей и личной жизнью с Л.И.Похвисневым, а отъезд её отца в Сибирь произошёл, когда ей было около десяти лет, то есть, примерно, в 1847-48 г.г.

Записки прабабушки не просто фактография, хотя и этим они интересны. Это и характеристика времени, примеры поступков и поведения, а для нас, её потомков, осознание себя в едином потоке цивилизованной жизни России. перечисляемые события ярко подчёркивают её личностные свойства. Художественные способности к танцам, драматическому искусству и литературе видны невооруженным глазом, но всё это на фоне способности увлекаться, смиряя самолюбие, зачастую чрезмерное, развитое ещё в ребячестве, когда она была любимой дочерью отца. Видимо, играла роль и неофициальность брачных отношений матери, «гражданский» характер семейного состояния - с течением времени это сказывается, по мере созревания ума, памяти, наблюдательности. Вс это способствовало развитию чувств и обострению взгляда на окружающую жизнь и, может быть, и помогла её стать актрисой.

О её дальнейшей судьбе нам известно крайне мало. могли бы помочь утерянные концовки вышеприведенного послания, но они пока не найдены.

Выдав дочь замуж /об этом смотри выше/ - она, с взрослеющим сыном, прибыла в Москву и остаток жизни провела в белокаменной, снимая на лето дачу в подмосковной деревне Давыдково, что на реке Сетунь. Это было модное дачное место для профессорско-актерского слоя Москвы.

Примечание [A19]: Ныне это район Москвы - Давыдково.

Какими средствами для жизни она располагала - неясно, но они были. Выше я уже предполагал, что у неё было второе, официальное замужество и даже дети - это не кажется мне несуразным - от многих родственников я слышал, и они же показывали фото сестёр деда, Константина Лукича, приезжавших со своими семьями, например, в Лианозово, где остаток своей жизни Анна Васильевна и провела. Полагаю, что жизнь её закончилась в 1913 г. или на год позже - об этом говорят её последние фото, где она сидит в кресле у террасы нашей лианозовской дачи, окружённая внуками. Возможно, что и похоронена она была на кладбище при нашей же церкви у пруда в Лианозове.

Первые шаги моего деда, обстоятельства его жизни, ясны из записок прабабки. Далее - учёба в Казани, о чём свидетельствует документ, попавший мне в руки после смерти Бориса Константиновича Егорова /третьего сына моего деда Константина Лукича/ в январе 1986 г.

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Предъявитель сего, бывший ученик 4-го класса Казанского реального Училища Егоров Константин, как видно из документов, происходит из мещан, вероисповедания православного, родился 2-го сентября 1871 г., обучался в Казанском реальном училище, поступив в 1-й класс с 16 августа 1881 г., по 5-ое августа 1885 г., во время нахождения в училище был поведения отличного и в преподаваемых предметах оказал следующие успехи

в законе божием	достаточные	/3/
в русском языке	хорошие	/4/
в алгебре	хорошие	/4/
в геометрии	достаточные	/3/

в истории	хорошие	/4/
в географии	достаточные	/3/
во французском языке	достаточные	/3/
в немецком языке	достаточные	/3/
в геометрическом черчении	достаточные	/3/
в рисовании	хорошие	/4/

В 4-ом классе пробыл с 16 августа 1884 г. по 5-ое августа 1885 г. и, не сдавая экзаменов, по болезни, выбыл из училища, вследствие прошения родителей.

Посему он, Егоров, на основании примечания к § 33 устава реальных училищ, и согласно 3 п. 56 ст. Устава воинской повинности, изд. 1876 г. пользуется правами, предоставленными лицам, окончившим курс учения в уездных, или других им соответствующих училищах. В удостоверение всего изложенного и дано это свидетельство Егорову за надлежащей подписью и приложением печати училища.

Выдано Августа 5-го дня 1885 г.

Директор Казанского реального училища ОРЛОВ

Действительный статский советник

Печать

Письмоводитель неразборчиво

Обсудим сей документ. Отметки, весьма средние, не так уж и интересны, как интересна дата рождения деда. В своих записках прабабка пишет, что она покинула Москву, после разрыва с Л.И.Похвисневым 15 сентября, то есть неся на руках двухнедельного младенца, но в записках об этом ни слова! В то же время, упоминаемый театральный сезон действительно начался в 1871 г., театральная литература о том свидетельствует. В другом месте записок она пишет : «Визиты навестить детей Л.И. повторялись очень часто». Другими словами, получается, что оба ребёнка существовали ещё задолго до отъезда. то ли прабабка спутала очередность событий, то ли дед действительно старше. Но будем верить документам!

И вот, наконец, дед в 14-ти летнем возрасте был взят из реального училища «родителями», хотя прабабка была единственной родительницей. Можно предположить, что Анна Васильевна вновь вышла замуж. Выше я уже приводил доводы в пользу такого исхода - второго замужества - вот и еще один довод.

Что такое тогдашние реальные училища? В справочном разделе «Всеобщего календаря на 1894 г.» сказано: «Реальные училища доставляют общее образование, приспособленное к практическим потребностям, имеют от двух до семи классов... По отбытии воинской повинности, лица, окончившие 4 класса, пользуются правами окончивших учебные заведения III разряда... Приёмный возраст в 1-й класс - от 10 до 12 лет... Плата за приходящего ученика полагается от 10 до 60 руб., смотря по местности.»

Видимо, переезд семьи и был причиной перевода деда из реального училища непосредственно в Академию Коммерческих наук, о чём свидетельствует нижеприводимое свидетельство, также полученное из собрания Б.К.Егорова:

СВИДЕТЕЛЬСТВО

на звание личного почётного гражданина

По указу Его Императорского Величества, Правительствующий Сенат, рассмотрев представление от бывшего воспитанника Московской Практической Академии Коммерческих Наук Константина Лукича Егорова доказательства на личное почётное гражданство и найдя оные сообразными с правилами, начертанными во Всемилостивейшем Манифесте, последовавшем в 10 день апреля 1832 г., определением своим, состоявшимся 15 апреля 1893 г., заключил:

ному, бывшему воспитаннику Московской Практической Академии Коммерческих Наук Константину Лукичу Егорову, присвоить лично все права и преимущества почётного гражданина, Всемилостивейшим Манифестом тому сословию дарованные. Почему и дано ему сие свидетельство за подписанием Правительствующего Сената, с приложением печати, в санкт - Петербурге, мая 13-го дня 1893 г.

Подписан этот документ четырьмя сенаторами и кавалерами и номер его 1156.

Получение этого документа было связано с тем, что в 1870 г. по всей Российской Империи отменялась, просуществовавшая почти столетие, приказная система губернского правления. Вместо неё вводилось всесословное городское общественное самоуправление. В состав городского общества входило пять сословных групп:

Потомственные дворяне

Личные дворяне, личные почётные граждане

Почётные граждане

Мещане

Цеховые ремесленники

Ясно, что получивший образование, а, фактически, и специальность, дед домогался звания почетного гражданина, что и давало ему положение и права.

Из того же календаря: «Московская Академия Коммерческих Наук принимает детей почётных граждан, купцов, мещан и иностранцев купеческого сословия в возрасте от 9 до 11 лет /в приготовительный класс/ ... В Академии 8 классов: 6 общеобразовательных и 2 специальных... Окончившие с отличным успехом полный курс награждаются званием личного почётного гражданина...»

Можно предположить, что дед с 14 лет учился уже в Москве и, возможно, опять-таки в реальном училище, а, окончив его, скажем в 1888 г., то есть 17 лет от роду, поступал в Коммерческую Академию. Но, возможно, что по приезде из Казани, дед поступал сразу в Академию и уже там образовывался. Так или иначе, но в 1892 г. он уже своё образование закончил.

Живя в Москве, лето они, Егоровы, проводили на даче в Давыдково. Петровский парк по каким-то причинам их уже не удовлетворял - из записок прабабки мы знаем, что летний отпуск она всегда проводила, снимая дачу в Петровском парке. Сохранилась крупная фотография той дачи, которую она снимала там. Это весьма внушительное сооружение, хотя возможен съём и части этого дома.

Тем не менее, в начале 90-х годов дед летом жил в Давыдково, ловил рыбу в реке Сетунь, гулял по Воробьевским горам и отсюда же уходил на воинские сборы /есть фотография/. Рискую допустить, что эти сборы проходили при Московской гренадёрской дивизии, так как на пряжке его мундира ясно виден знак этой дивизии - горящая артиллерийская граната.

Несколько слов о состоянии военного дела в России того времени. Оно диктовалось Указом Правительствующем Сенату, при котором был обнародован общий Устав о воинской повинности 1-го января 1874 г.

Суть этого указа состояла в том, что отменялась избранность определенных, а именно крестьянских и мещанских сословий, для несения воинской службы.

“Защита престола и Отечества - гласила первая статья нового Устава - есть священная обязанность каждого русского подданного. Мужское население, без различия состояний, подлежит воинской повинности…”

при этом устанавливается возраст призыва - 20 лет, на 1-е января того года, когда призыв производится. Воспитанникам учебных заведений давалась отсрочка до 22 лет /для средних учебных заведений/, учащимся высших учебных заведений - до 28 лет.

Кроме означенной воинской службы, на основании новых законов от 14 июня 1888 г. и от 15 апреля 1891 г., назначалось государственное ополчение, состоящее из ратников 1-го и 2-го разрядов. Это были лица “не достигшие офицерских чинов”.

На этом отношения моего деда с армией и закончились. Сохранилась копия паспорта, выданная для предоставления в учебное заведение, возможно, для кого-то из детей К.Л.Егорова /копия взята из архива Б.К.Егорова/

Справка гласит:

По Указу его Величества Государя Императора Александра Александровича, самодержца всероссийского и проч.
На основании ст. 76, пункт 2, ст. 14 Уст. о пасп./изд. 1890 г. и свидетельства Правительствующего Сената от 13 мая 1893 г. за № 1156, выдан сей паспорт из Московской Городской Управы не состоящему в гильдии Личному Почётному гражданину Константину Лукину Егорову - женат - смотри на стр. 2-ой, для свободного жительства в разных городах и селениях Российской Империи, с тем, что в случае вступления его в гильдию, согласно ст. 78, том 14 Устава о паспортах, паспорт этот был у него отобран и представлен в Московскую Городскую Управу. Родился он 2-го сентября 1871 г. Вероисповедания православного, Константин Егоров в призыв 1892 г. зачислен в ратники ополчения второго разряда. Причитающийся гербовый сбор уплачен. Апреля 5-го дня 1894 г.

Член Управы: подпись
Делопроизводитель: подпись
Печать

Примечание [A20]: ЛукИН - возможно так и было в документе, поскольку это повторяется ниже еще раз.

Далее эта копия продолжается, но совсем по другому поводу:

“Означенный в сём паспорте Константин Егоров 16 апреля 1895 г., повенчан первым браком с дочерью статского советника девицею Екатериной Ефремовной Шато, евангелическо - реформатского исповедания в Московской, Никитского Сорока, Николаевской, что в Гнездниках церкви. Венчавшие их:
священник - Иоанн Соколов
Диакон - Иоанн Лебедев

Печать, 1895 года, апреля 17 дня

Церковь Николы в Гнездниках близ Тверской, в Москве. 1881 год

Личный почётный гражданин Константин Лукин Егоров.

В семействе К.Л.Егорова находятся дети его: сыновья - Константин, рожденный 24 сентября 1897 г. и Николай, рожденный 18 ноября 1899 г. и дочь Евгения, рождённая 10 декабря 1895 г., что записано в сей документ, согласно представленных мне метрических выписей. 4 февраля 1910 г.
Пристав 2-го стола Московского Уезда: Подпись, печать.

Ниже, на этом же листке, заверения нотариуса:

«Я, нижеподписавшийся, удостоверяю своею подписью с приложением нотариальной печати, что копия эта, слово в слово верна с представленным мне подлинником - оплаченным гербовым сбором, как видно из надписи. Москва, апреля 1-го дня 1910 года.

№ 1592. Биржевой нотариус: подпись
Печать, Московский Биржевой нотариус П.Миндер»

В том же самом календаре за 1894 г. означен этот нотариус, как биржевой маклер Павел Филиппович Миндер /Домниковская ул., дом Тургенева/.

Примечание [A21]: Так в тексте рукописи. Возможно так же и в документе?

Дед мой работал в различных финансовых системах: банках, конторах - был маклером, казначеем, бухгалтером и т.д. П.Ф.Миндер - его крестный отец в этих делах, в его конторе дед стажировался. Дружили они и домами, несмотря на разницу лет. Сохранилась фотография, где тот и другой в домашнем спектакле играют Счастливцева и Несчастливцева, причем дед, в крылатке и шляпе сидит на стуле, а П.Ф.Миндер сидит на полу, на газете. Это персонажи пьесы «Лес» А.Н.Островского.

Конец 80-х и начало 90-х годов XIX в. дед, еще неженатый, квартировал в Москве, а лето - на даче в Давыдкове. Я уже писал, что эта была деревня в пойме реки Сетунь, очень модное место для летнего отдыха московской интеллигенции. В 80-е годы XIX в. и пойма Сетуни, и заливные луга в Лужниках /на этом месте сейчас Центральный стадион/ были охотничьими угодьями.

Таковыми были и овраги Воробьевских гор. Все ранние фото семьи деда сделаны в этих местах, столь приятных для гуляний. А река Сетунь посещалась дедом, ввиду его рыболовной страсти, все-таки он вырос на Волге! Кстати, его будущий тесть, вышеупомянутый в справке Шато, тоже проводил летние дни в Давыдкове. Нет ничего удивительного, что дед и жену обрёл в Давыдкове - она была одной из дочерей того самого статского советника Шато.

Упоминаемая выше церковь, в которой повенчались дед с бабушкой, стояла между Леонтьевским и Малым Гнездниковским переулками и выходила в Большой Гнездниковский переулок. Называлась она именем Николая Чудотворца, что в Гнездниках и была построена в 1627 г. на месте деревянной. Перестраивалась в 1724 г. Приделы - 1750 г. Существовала церковь до конца 30-х годов и была снесена перед самой войной. Фото Советской площади с памятником Свободы и с двухэтажным зданием Моссовета показывает верхушки крестов этой церкви, торчащими над крышей жилых зданий на ул. Горького. Уже после войны очередной памятник занял всё то же место, на этот раз - Ю.Долгорукому, это был уже третий памятник на этом месте: первым был генералу М.Д.Скобелеву. Теперь эта площадь выглядит совсем по - другому, тем более, что здание бывшего генерал - губернаторства, потом Моссовета, потом Мэрии было надстроено еще на два этажа.

На месте снесённой церкви Николая - Чудотворца было построено здание школы, которая стала носить номер сначала 25, потом - 135. В это время я и учился в ней в 8 - 10 классах, февраль 1946 - июнь 1948 г.г. Вот такая преемственность поколений!

В 60-е годы эта школа стала носить номер 635, получила биологический уклон, а потом и вовсе закрылась и с 70-х годов в ней располагаются сторонние организации. После окончания школы, каждый год однокашники собирались в первую субботу февраля в свой класс, чтобы начать вечер окончивших, но, в связи с утратой нашей школой своего назначения, мы в неё больше не ходим. Наш класс, кстати, располагался на последнем этаже и окнами выходил в Леонтьевский переулок.

Годы революции и гражданской войны, а затем годы НЭП, дед продолжал свой труд в финансовых сферах. Из архива Б.К.Егорова я извлёк справку, которую привожу ниже:

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Дано сие Правлением Российского Коммерческого Банка Егорову Константину Лукичу, в том, что он состоит на службе в банке и получает оклад содержания 100 рублей в золотом исчислении в месяц.
Выдано для предоставления в школу 2-ой ступени.

Российский Коммерческий Банк. Правление.
Две печати: банковская гербовая и Московского Губотдела Всепрофсоюза.
Виза - секретаря месткома и подписи правленцев.
Адрес банка: Москва, Петровка, 3 и адрес отделения: Петроград, пр-кт 25-го Октября /бывш. Невский/, 23

У кого-то из родственников мне пришлось видеть еще одну фотографию, говорящую о работе деда и его стремлении не оставлять старых увлечений. На этой фотографии, а это был групповой портрет правления какого-то АО /Акционерного Общества/ с фото уклоном, дед снят вместе с почётным членом этого же общества, известным тогда А.В.Луначарским - культуртрегером большевистской власти.

Следует сказать, что как рыбная ловля в дни молодости деда была его увлечением, так, с течением времени, фотография стала его страстью и именно ему мы обязаны большим фотоархивом, который сохраняли и приумножали мой отец и я. Фотография, с момента своего появления и на протяжении полутораста лет, оставалась искусством, которое было доступно практически каждому и в полном техническом объеме - съемка, проявление, печатание. Дальнейшее развитие и удорожание фотопроцесса серьёзно упростили первую фазу и сделали невозможными занятия остальными фазами процесса. В целом, для массового любителя, получение памятного отпечатка стало проще, качественней, но дороже.

У нас сохранился «Краткий справочник по фотографии», изданный Русским Фотографическим обществом в Москве в 1914 г. Кроме справочных сведений и Устава общества, приводится и список членов общества, с указанием адреса их места жительства. Адрес деда таков: Сокольники, Охотничья улица, д. Крюгера, 1909. Последняя цифра, видимо, год вступления в общество.

Адрес деда удивления не вызывает, по этому адресу дед жил со своей второй семьёй. Но об этом - потом.

Итак, каникулярное время, проводимое в Давыдкове, для деда закончилось сватовством, свадьбой и устройством жизни собственной семьи, которая начала расти очень быстро, о чём свидетельствуют вышеприведённые справки и вид на жительство. Молодая чета лето продолжала проводить в Давыдково, а вот их московский адрес мне известен лишь один, со слов отца, где он и родился. Это доходный дом на Малой Дмитровке, между бывшим купеческим клубом /ныне это театр им. Лен. комсомола/ и церковью успения Пресвятой Богородицы в Путинках. Впрочем, из разговоров родственников известно, что они квартировали также и на Сивцевом Вражке /там жили Шато/ и на Кузнецком мосту, где, в доме Джамгаровых, внизу размещалось ателье Луизы Мейлан - это моя прабабушка, мать Екатерины Шато, ставшей женой деда.

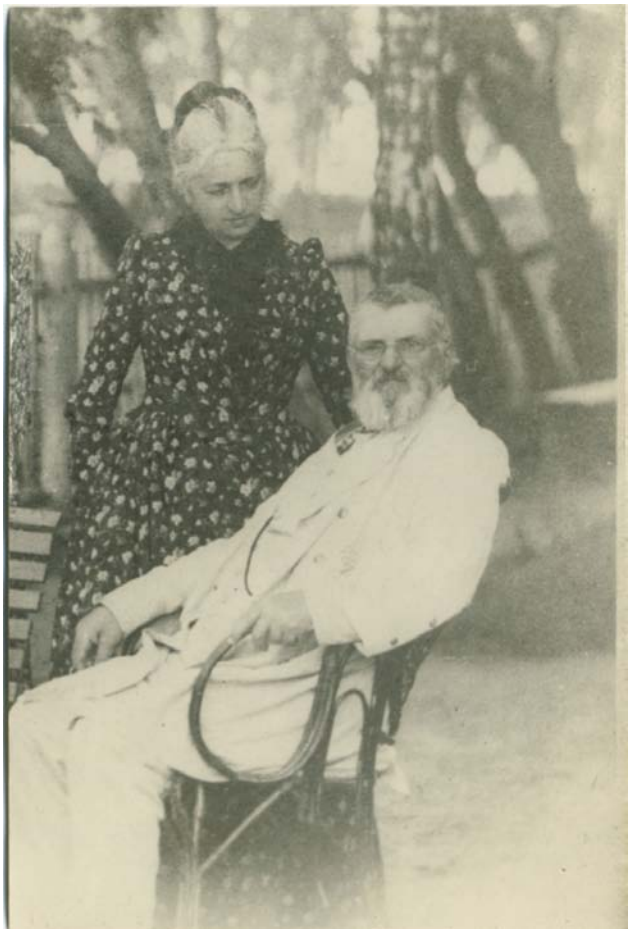
Но семья деда множилась, дед испытывал толстовский мотив в личной жизни, поэтому, когда землевладелец, некий г-н Марк, объявил распродажу части своих обширных владений в Ростокинской волости, у деревни Алтуфьево, 4-го стана Московского уезда, дед приобрёл несколько участков, предварительно поучаствовав в создании так называемого Общества освоения дачного посёлка Лианозово, в котором дед, с течением времени, стал играть ведущую роль, заботясь о благоустройстве, коммуникациях, садоводстве и пр. Он даже издавал газету «Лианозовский Вестник». И если сейчас жители этого окраинного района столицы, пользуются парком, станцией ж.д., прудом и т.д., то вклад деда несомненен.

К весне 1904 г. /купчая относится к 1903 г./дом просторный, долгожданный, на еловом срубе был готов. Фото, сделанное дедом в день приезда семьи и родни на новоселье, хорошо передает взволнованные, несколько «обалделые» лица приехавших. Через несколько лет дом был достроен, объем жилых помещений стал еще больше, возросло количество наружных дверей, появились надворные постройки и, конечно, разрастался сад, приведён был в порядок пруд, построена баня, а на большом пруду, у поместья, появилась и собственная купальня. О дальнейшей судьбе деда имеет смысл рассказывать после рассказа о его жене, моей бабушке Екатерине Ефремовне, урождённой Шато.

ШАТО

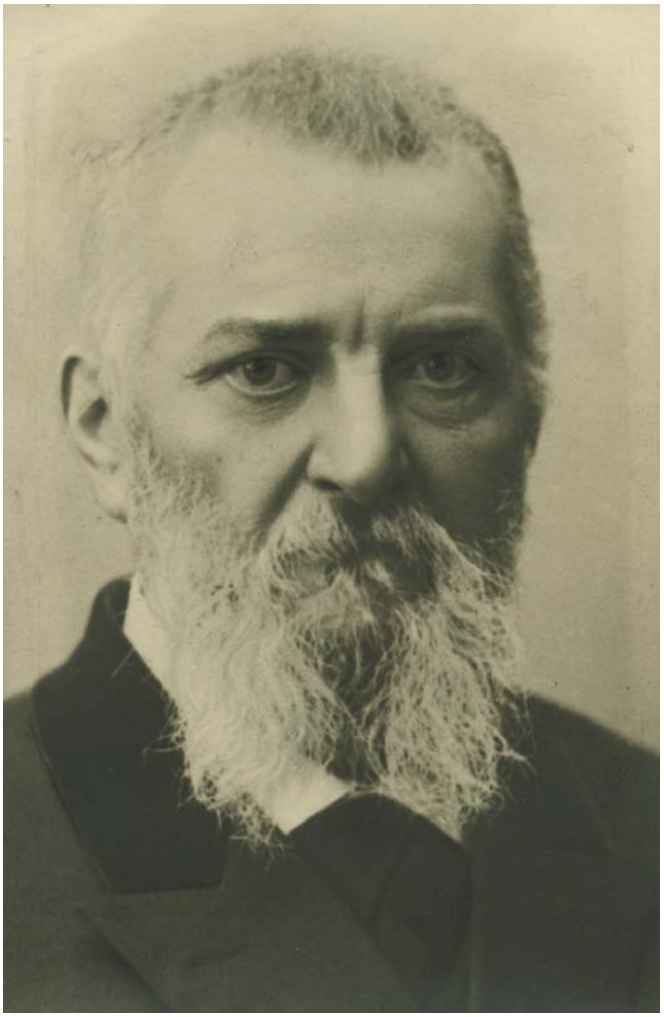
Примечание [A22]: Антон: Не совсем понятный пассаж... Фотохимикаты и бумага НИКОГДА не были «запретительно» дорогими. Другое дело, что их, в советское время, как и почти все остальное, нужно было «доставать»! Отнесём это к старческому брюзжанию Кохи! ☺

Примечание [A23]:
Энциклопедия «Москва»
Русское фотографическое общество (РФО)
в Москве, первое в России творческое объединение фотографов-профессионалов и любителей. Основано в 1894. Общество должно было решать проблемы художественного мастерства, «содействовать успехам фотографии, разработке и распространению художественных, научных и технических познаний, относящихся к фотографии и отраслей её». Среди учредителей — учёные В.И. Срезневский, А.М. Лавров, профессиональные фотографы Д.М. Асикритов, П.П. Павлов, К.А. Фишер, фотографы-любители Н.В. Баснин, В.А. Бахрушин, П.Д. Боткин, **А.С. Мазурин**, И.Г. Ностиц и другие (всего 165 членов). В 1914 насчитывало 1547 членов, в 1916—1179 (в том числе 29 женщин). Общество имело действительных, пожизненных и почётных членов. Существовало на членские взносы и пожертвования. Ежегодные и чрезвычайные заседания проходили в Большом зале Политехнического музея и в Историческом музее (88 заседаний — в 1894—1904). В 1894—96 РФО размещалось в Калашном переулке, в помещении Общества распространения технических знаний, с 1896 — на Кузнецком мосту (д. 12, так называемый пассаж братьев Джамгаровых), с 1919 — в фотографии «Паола» (Кузнецкий мост, д. 5). К 1914 РФО имело копировальню (оборудована на пожертвования А.С. Мазурина), два помещения для фоторабот, лабораторию, павильон, зал для заседаний, библиотеку (свыше 1000 томов специальной и периодической литературы). В 1894—1917 РФО организовало 8 художественно-фотографических выставок-конкурсов. Первый (1909) и второй (1910) художественно-фотографические конкурсы были посвящены специальным темам: «Архитектура», «Жанр», «Интерьер». В 1914 состоялась выставка-конкурс «Ушедшая и уходящая Москва» (1914).
Благодаря усилиям РФО в Москве в 1896 прошёл первый съезд русских деятелей по фотографии. Общество участвовало в российских и международных выставках, в том числе в Стокгольме (1897; серебряная медаль коллективной витрины), на Всемирной выставке в Париже (1900) и др. При РФО был создан музей, издавался журнал «Повестки РФО» (с 1905, с 1908 — «Вестник фотографии»). Несмотря на постановление (декабрь 1919) о национализации имущества, РФО продолжало действовать; в 1922 ...



Такова была фамилия моей бабушки до замужества. Как явствует из брачного свидетельства вышеприведенного, она была дочерью Статского советника, делавшего свою карьеру по министерству просвещения, Шато Ефрема Дезидеровича. Прадед Ефрем, равно как и его жена, натурализовались в России в поисках лучшей доли, несомненно. В этом они ничем не отличались от сотен тысяч иностранцев, переезжавших в Россию и не только «на поиск счастья и чинов», как возвестил поэт. Приезжали те, кто понимал, что своё профессиональное умение даст им возможность достойно провести свою жизнь. Большинство обзаводилось семьями и, во втором или третьем поколении настолько «обрусевали», что лишь фамилия могла говорить об иноземном происхождении. К концу XIX века целые диаспоры иностранцев складывались в столицах и в крупных городах.

Примечание [A24]: Антон: У Лермонтова, в стихотворении «На смерьть поэта» на самом деле так: «...на лолю счастья и чинов заброшен к нам по воле рока...» - о Дантесе, застрелившем Пушкина на дуэли. Помню всё наизусть.



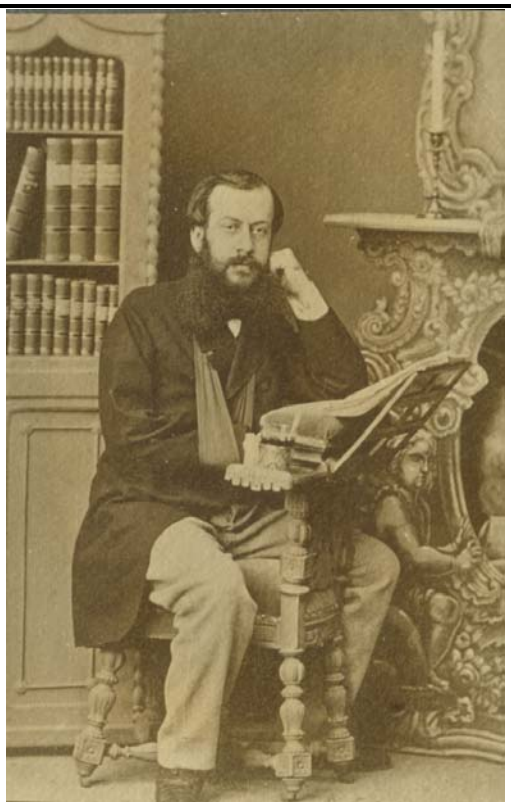
Ефрем Дезидерович Шато

Однако, пути, которыми Ефрем и его жена Луиза Мейлан попали в Россию, были существенно различны. Если Луиза приехала в Россию, располагая мастерством кроя и пошива платья, то её будущий муж прибыл в Россию не своей волей. Немного истории.

К середине XIX в. Россия потеряла все завоевания, политические и экономические, прежде всего, приобретенные ранее, в ходе наполеоновских войн. Ориентация на Священный союз и нерешительная политика в Восточном вопросе привели к противостоянию с Европой. В антирусской коалиции приняли деятельное участие Англия, Франция, Турция, Сардиния с поддержкой Австрии, Пруссии и Швеции. Военные действия велись на Балканах, на Кавказе и в Крыму. Прочие места противостояния, как то Балтика, Камчатка и Белое море значения не имели и, хотя на Дунае и в Закавказье боевая обстановка складывалась благоприятно, поражение, понесённое в Крыму, гибель флота и падение Севастополя решило исход этой, почти трёхлетней, войны. В Крыму действовала десантированная армия французов, англичан и турок. Унтер -

офицер дивизии зуавов Ефрем Шато и был участником осады Севастополя, был ранен, попал в плен и, вылечившись, остался в России. Из рассказов отца и его старшей сестры Е.К.Унковской /урождённой Егоровой/ мне о прадеде Ефреме известно следующее.

Шато - жители Лотарингии. Скорее всего - крестьяне, впрочем, не бедные. В семье было несколько сыновей, может быть и дочери. По французскому праву наследования старший сын получил земельную собственность - виноградники - прочие должны были искать точку приложения сил на стороне. Дед и его брат попали в армию, в колониальные войска, возможно, что братья получили и какое-то низшее военное образование, так как на войну с русскими попали унтер - офицерами. Французы широко формировали туземные части, те же зуавы были одним из арабских алжирских племён. Солдаты - арабы, офицеры - французы. Но к моменту вторжения в Крым французский элемент уже преобладал в этих войсках.



Ефрем Шато (?)

Итоги войны известны. Прадед же, в одном из штурмов был ранен, брат его - убит. Раненного подобрали русские, отправили в тыл, в плен, в Россию. Во время одной из ночёвок в русской деревне прадед вышел на улицу, упал и не смог сам вернуться. Крестьянин - хозяин затащил его в избу, предотвратив замерзание. Эту партию разместили в г. Орле и, пока шла война, потом переговоры, потом был заключён мир, прадед стал «срастаться» с Россией. Ничем иным нельзя объяснить то, что через несколько лет он уже числился на русской службе по министерству просвещения - он стал преподавать в гимназии г.Орла французский язык, гимнастику и фехтование. У нашей родни, Мерчанских, сохранились фото, где он, окружённый гимназистами,

снят у здания гимназии. В 80-х годах XX века это место я и сфотографировал. В этом здании и сейчас школа.

Орёл прадеду пришлось покинуть - была какая-то история, закончившаяся чуть ли не дуэлью - прадед перебрался в Москву, здесь нашёл работу, обрёл семью и поселился, в конце концов, на Сивцевом Вражке.

Прадед стал преподавать свой язык в 5-й классической гимназии, что была на Молчановке. Здание это мой отец мне показывал, так как и сам в нём учился. Теперь это здание полностью увидеть нельзя: тот угол, где был вход, снесён при прокладке Нового Арбата, но, до этой перестройки, это крыльцо было входом в аптеку. Преподавал дед и в Усачёвско - Чернявском училище, в котором в последствии учились и его дочери.

Наверное, прадед был неплохим преподавателем, пользовался авторитетом. В 5-ой гимназии распевали такую побасенку: «Шато - Марго[42], Шато - Икем[43], но лучше всех Шато - Ефрем...» Соревнование с такими известными марками вин прадед, как видим, выигрывал. Дат его жизни у меня нет. Если считать, что под Севастополь он явился не моложе 25 лет /всё-таки унтер - офицер/, то годом его рождения может быть, скажем 1830-й г. /+- 2 года/. Есть снимки, сделанные в Лианозово, где он снят с женой Луизой - это, примерно, 1905 - 7-е года. Такими могут быть годы его жизни. Луиза его пережила, а может быть, она была и чуть моложе. Теперь о ней.

Луиза Мейлан

[42] Шато Марго (фр. Château Margaux) — французское винодельческое хозяйство, расположенное в коммуне Марго (Margaux), округа Медок (Medoc), региона Бордо (Bordeaux) (прим. ред.)

[43] Шато д'Икем (фр. Château d'Yquem) - французское бордосское винодельческое хозяйство, расположенное в коммуне Сотерн. (прим. ред.)

Она ехала в далёкую холодную страну своей волей, знала, что искусство французских модельеров высоко ценят в России. В конце концов, обосновалась на Кузнецком мосту. Где ж ещё? Прав был А.С.Грибоедов: «...А всё Кузнецкий мост и вечные французы...»

В доме Джамгаровых, примерно там, где сейчас модные салоны и Дом моделей у неё была мастерская или ателье, шедшее под её именем. Отец мне рассказывал, что мальчишкой они живали там, то есть внуки у бабушки - видимо, там было и жилое помещение, а может то были впечатления гостевого типа. Во всяком случае он хорошо помнил, как они, дети, выбежали посмотреть на приехавшую за заказом генеральшу Стессель. Фамилия эта была у всех на слуху, Россия только что проиграла войну с Японией, комендант - бездарь Стессель, сдавший Порт-Артур, был под судом, а его жёнушка прибыла за нарядами!

Так как моя бабушка Екатерина была первым ребёнком, а она родилась в 1876 г., то, видимо, брак заключался в 1874 - 1875 годах, то есть Ефрему было около 45 лет, но Луизе должно было быть лет на пятнадцать поменьше - так мне кажется, то есть годом её рождения может быть, скажем 1845 г. - дат её жизни не сохранилось, но в семейной фото летописи она «переживёт» лет на десять или более того своего мужа Ефрема.

Итак, у них было трое дочерей - Екатерина, Жанна и Луиза. Жанну я не мог видеть - она умерла задолго до моего рождения, а Луизу и свою бабушку Катю я помню отлично. Рост ниже среднего, худощавость, в лице - смешение черт родителей, характер живой, подвижный, неспособный усложнять жизнь, и очень расположенный к окружающим. Моя мама, которая была очень разборчива в знакомствах, очень была расположена к бабе Кате, своей свекрови, и её жизнь приводила в пример женской и материнской верности.

Семья Шато: Жанна, Луиза (мл.), Ефрем, Луиза (ст.), Екатерина.

Была у бабы Кати какая-то наследственная слабость костей. Уже в среднем возрасте у неё стал расти горб и к, моменту нашей жизни в Лианозово, он существенно портил её фигуру, но

подвижности не мешал - она его как бы и не замечала, трудясь, не покладая рук в саду и огороде. Глаза у сестёр были запоминающимися - очень тёмными, глубокими, живыми, можно сказать «лучистыми».

Две тетрадки дневника моей бабушки Кати могут дать представление о мире, окружавшем семью Шато, их знакомых, увлечениях и т.д. После комментариев и замечаний можно будет рассказать и о дальнейшей судьбе сестёр.

Дневник Екатерины Ефремовны Шато.

Лето 1890-го года.

Екатерина Ефремовна Шато

Июль, 10 - ое. Сегодня приходил к нам Гуревич, они пригласили нас на завтра. Мы обещались быть в 5 час.

11 июля. Сегодня, когда мы пошли одеваться, чтобы идти к Гуревич, к нам в сад вошёл какой-то молодой человек. Никитюк вышла к нему навстречу и попросила его войти на балкон. Я видела как он подал ей какие-то книги и сказал: «Вот то, что Вы просили». Мы уже оделись и сошли вниз, минут десять спустя она, извиняясь, сказала ему, что должна нас отвести. Мы вышли все вместе и он проводил нас к Гуревич. Когда мы вышли в сад все уже были там. Митя сидел с Марусей. Хотя мы порядочно танцевали, но было довольно скучно. В 11 час. за нами пришли.

13 июля. Сегодня бал на кругу. Утром приходила к нам Оля Дилекторская и попросила нас помочь им делать бантики и ордена для котильона и пригласила остаться у них завтракать, так как Сергей - именинник. Нас отпустили. Бантиков разных мы наделали очень много, потом мы завтракали, а после завтрака мы отправились в рощу посмотреть

на круг. Там всё уже было готово, Егоров бегал, Абрамов тоже всё суетился, он, кажется, будет распорядителем.

Когда мы пришли домой, то пошли купаться, дорогой Никитюк мне сказала, что хочет познакомить нас с тем молодым человеком, который был тогда у нас. Не желая ни с кем знакомиться, я попросила её не знакомить меня с ним.

В 8 часов мы пошли одеваться и в 9 были уже на кругу. Он, увидев нас, пошёл к нам. Я. в то время зная, что сейчас она нас с ним познакомит, отодвинулась от Никитюк и начала разговаривать с Маней. Когда он подошёл, она сказала: «Семён Владимирович, позвольте познакомить Вас с моими ученицами», я как будто не слыхала и продолжала говорить с Маней. Никитюк взяла меня за руку и сказала: «Вот старшая - Катя». Он подал мне руку, потом она позвала других и тоже назвала их, тоже по имени. Я видела, что она сердится на меня за то, что я не послушалась и не подошла, когда она позвала меня.. 1-ю кадриль она танцевала с ним, а я - с Митей. Во время польки он два раза танцевал со мной и пригласил меня на вторую кадриль. Вальса, к сожалению, он не танцует, так как у него кружится голова. Я с ним совсем не стеснялась и всё время разговаривала с ним как со старым знакомым, он мне очень понравился. Бал кончился в три часа. Жанна и Люля ушли раньше, а Маня и я - остались. 4-ю кадриль я с ним танцевала, а Никитюк - с Абрамовым. Они проводили нас до калитки. Когда я легла, то Никитюк спросила меня: «Ну, как тебе понравился твой новый знакомый?»

Я, не желая, чтобы она надо мной смеялась, сказала: «Не очень!». минут через пять я сказала ей: «Вы не заметили чем от него пахнет?» «Нет. Чем?» «Кипарисом» «Глупости ты говоришь, я непременно скажу ему завтра, что он тебе очень понравился!» Я ничего ей не ответила.

14 июля. сегодня, не успела сойти вниз после уроков, как пришёл Сем. Влад. Он вчера познакомился с нашими. Он остался недолго. Вечером Никитюк гуляла с нами, он тоже пришёл к нам, в 10 час. она послала нас спать, но мы остались, потому что мне и Мане позволили гулять до 11 час., она хотела, чтобы мы пошли с нею. но я сказала ей, что мы пройдёмся одне.

Не прощаясь с ними, мы пошли домой. Когда она пришла, то я еще не спала, она легла не зажигая свечи. В следующие дни он бывал у нас каждый день. он пил с нами чай, потом они шли в рощу.

Первое время он больше сидел с Никитюк, но теперь он часто бывает у нас, когда ея нет и сидит со мной.

26 июля. Сегодня приходил к нам Егоров, он хочет устроить ещё вечер. Мы взяли 8 билетов.

27 июля. Сегодня у меня была Аня. Она всё время говорила про Митю. Я сказала ей: «Ты могла интересоваться им, когда тебе было 12 лет, но не теперь». Она находит. что Митя всегда останется для неё тем же. Она ушла около 11 час.

28 июля. Сегодня Сем. Влад. был у нас и пригласил меня на первую кадриль, а Никитюк - на вторую. Он пил у нас чай.

29 июля. Сегодня Коган пришёл к нам часов в шесть, так как он завтра будет распорядителем, то и попросил нас привесть завтра из Москвы лент для котильона, так как мамаша едет, то обещалась посмотреть у нас.

30 июля. Сегодня бал, Коган был у нас днём. Лент ему не привезли, потому что мамаша не ездила в Москву, так как больна. Около 4 часов была у нас Лида, она тоже пойдёт на бал. Никитюк танцует первую кадриль с Чириковым, 2-ю - с Коганом. а 3-ю - с Грессером. Когда в 9 часов мы пришли на круг, то Сем. Влад. дал мне хорошенькую

бутоньерку, с Никитюк он танцевал мало, она всё время была с Чирковым и Грессер. 2-ю кадриль я танцевала с Рулевым. Я познакомилась с ним только сегодня, ему всего лет 16-17. но он очень весёлый. Я танцевала с ним тоже 4-ю. Он преподнёс мне бутоньерку и, вообще, всё время за мной ухаживал. После 2- кадрили, я познакомила его с M-elle Прованде. которая приехала к нам сегодня. Третью я танцевала с Митей. Он спросил меня за что сердится на него Аня. Я сказала, что не знаю. Он попросил помирить их. Когда я кончила танцевать с ним, то пошла отыскивать Аню, которая только что танцевала с Коганом. Я предложила ей погулять и как только остались одни я начала про Митю. Она очень желала помириться с ним и просила сообщить это ему.

Я передала ему и, когда начали играть польку, он сейчас же подошёл и пригласил ея. Она не отказала и, уже после этой польки, они до самого вечера не расставались. Он даже предложил её бутоньерку, но она отказала. В 3 часа всё кончилось. Коган и Чирков проводили нас.

31 июля. Сегодня мы ходили в Волынское, он тоже был с нами. Никитюк была с ним очень любезна, но, всё-таки, она не обращается с ним так как раньше. Я уверена, что между ними что-то было.

1 августа. Сегодня наши уехали в Москву. Маня и я сидели внизу. в маленькой комнате, и вышивали. Сем. Влад. пришёл к нам, но с Никитюк не остался, а пошёл наверх, проходя мимо нас, он зашёл и сел с нами. У него разорвался картуз, так что я, попросив его, зашила. В 4 часа приехал папаша. Он вошёл к нам в комнату и сказал мне: «Катя. это совсем не твоё место». Когда он вышел, Сем. Влад. попрощался с нами и ушёл. Когда он проходил мимо нашего окна, то сказал мне: «Это Никитюк сделала». Всё остальное время я с Никитюк не разговаривала, она спросила у меня что-то, я не ответила ей, она рассердилась и попросила меня уйти наверх, я ушла и весь вечер не приходила уже вниз.

2 августа. Сегодня он не приходил к нам, вечером мы были у Шютт

3 августа. Наши уехали в Москву, я думала, что он зайдёт, но он даже ни разу не прошёл мимо нас. Его пригласили, но он пришёл поздно. Митя всё время не отходил от Ани, он даже несколько раз целовал ей руку в саду.. Когда он пришёл, мы танцевали польку, он пригласил меня, я сказала ему, что "мне стыдно". "Как, Катя, Вам стыдно танцевать со мной? Это очень мило с Вашей стороны". Мы, всё-таки, танцевали с ним. В 11 часов мы хотели идти домой, но пошёл такой сильный дождь, что мы принуждены были переждать. Мы просидели ещё полчаса, а так как дождь всё шёл, мы решили идти. Сем. Влад. принёс зонтики, и мы пошли. Он шёл с Никитюк под одним зонтиком, Маня и я - под другим. Сегодня, 3-го августа, он был у нас, когда наших никого не было, и принёс с собой две фотограф. карточки, чтобы показать их Никитюк. Одна из них - его "первая любовь", а другая - "вторая любовь". Он начал хвастаться и его тётя, которая тоже была у нас, начала бранить его.

Сегодня, 6-го авг., он тоже не был у нас. Завтра мы едем на Воробьёвы горы, я думала, что его пригласят, но он не проходил мимо нас.

7 августа. Сегодня, в 9 час., мы отправились. Папа, М.Барьер, М.Гасье, Емиль, Бетси и я пошли пешком. все остальные поехали на линейке и на пролётках. Когда мы пришли туда, они уже были там. Сем. Влад. с ними не было, мамаша хотела его взять, но не видала, он, наверное, спал ещё. Мы там завтракали, а после пошли гулять. Часа в 3 мы поехали на паровой конке в Нескучный сад и так же вернулись. Идти в Давыдково пешком я не могла, так как очень устала, Бетси тоже поехала. Когда мы садились ужинать, то Сем. Влад. проходил мимо нашего сада. мамаша попросила его войти, он согласился и остался с нами

ужинать. Мы сказали, что хотели предложить ему ехать с нами, но не нашли его нигде. После ужина он ушёл.

8 августа. Сегодня он принёс какие-то книги и читал из них вслух. Никитюк послала нас в сад и сказала, что это - не для нас. Я спряталась в передней у окна и всё слышала, это были какие-то водевили. Он прочёл всего два. Хотя это меня совсем не интересовало, но я прослушала, потому что она сказала перед тем, что эти книги - не для меня. Она сидела ко мне спиной, Анна Исидоровна около нея, а сам Сем. Влад. против них, так что когда останавливался, то смотрел иногда на меня и это меня ужасно радовало. Он её ничего не сказал, а она была в полной уверенности, что я - в саду.

9 августа. Сегодня мы все ходили ловить рыбу. Никитюк была всё время с Чириковым и Келбером. Сем.Влад. сидел с Маней и со мной. После часу они все пошли к нам. Чириков пел какие-то куплеты. Они пили у нас чай и ушли. 10, 11 и 12 августа. Все эти дни он бывает у нас очень часто, и, к моему удовольствию, он мало бывает с Никитюк, а всё больше сидит с нами.

13. Сегодня Юрьев сказал, что хочет устроить на кругу вечер, так как Лиза Попова уезжает 16-го, то он постарается устроить всё к 15-му.

14 августа. Сегодня Коган был у нас, я липну к нему как муха. Когда наши приехали из Москвы, то мы с ним сели в пролётку и поехали кататься на ту деревню. Вечером все собрались у Коган на лавочке. Сем. Влад., Маня и я незаметно ушли и сели на скамейки у Биск. Я так довольно, что он остался с нами, а не с Никитюк. Когда она заметила, что нас нет около них, то велела Жанне отыскать нас. Мы встали и пошли к ним и Никитюк ничего не сказала, дала мне около себя место. Сем. Влад. сел около меня, мне было очень жарко и я сняла свой жакет, Сем. Влад помог мне. Минут через пять мне стало свежо и он помог мне опять надеть его. Никитюк увидела это и сказала: «Оставьте её, он только балуется». Он сказал, что я не балуюсь, а что раньше мне было жарко, а потом, когда я сняла свой жакет, стало холодно. Когда мы пошли домой было около 11 часов.

15 августа. Сегодня бал. Нас не пускают, потому что очень холодно. Днём мы были у М.В.Русской. Асс и Климантович тоже были. Мы танцевали у них, студент Клим. играл на скрипке. Часов в шесть мы пошли домой. Сем. Влад. приходил просить, чтобы нас отпустили на бал, но наши не хотят. В 7 часов пришла к нам Анна Исидор. и попросила за нас. Мамаша позволила идти, только с тем условием, чтобы мы танцевали в пальто и не позже 12 час.

Мы согласились и побежали одеваться. так как все танцевали в пальто, то нам было не так неловко. Первую кадриль я танцевала с Сем. Влад. , вторую - с Митей, а третью - с Суворовым. Вообще было скучно, но мне не хотелось уходить, только потому, что мне было досадно на то, что Никитюк останется, а мы уйдём. Асс ушли с нами, а Адя Шютт осталась. Когда мы пришли домой, было уже 12 с½ час. Как только я осталась одна, то начала плакать, а от чего не знаю сама, но когда Никит пришла, сейчас же после нас, я успокоилась. Нкит., наверное, слыхала, что я плачу, потому что окликнула меня, но я сделала вид, что сплю.

16 августа. Сегодня к нам приехали все Десперанс, из Москвы. Коган ездил в Москву утром и приехал назад в 5 часов. М. Едмонд тоже приехал с 5 час. поездом. всё остальное время он был у нас. Никит. ему сказала, что я плакала вчера, он пришёл ко мне и начал меня дразнить. Я обиделась на него и весь вечер с ним не говорила. Он сегодня больше остается с Никитюк, теперь они, как будто бы, помирились.

17 августа. Он был у нас и сказал мне: «Катя, неужели Вы сердитесь на меня?» Я сказала, что нет, он пожал мне руку и ушёл. к Поповым. Завтра он уезжает совсем в Москву, мамаша пригласила его к нам в Москву, он обещался быть у нас.

18. Он пришёл к нам утром, пил с нами чай. Мы ему сделали букет из свежих цветов. он попросил нас проводить его на станцию, Никитюк позволила и мы пошли. Он обещался быть 26 августа.

19. Сегодня была у нас Анна Исидоровна. Никитюк потом пошла к ней. Вечером мы гуляли по улице.

20 авг. Сегодня было очень скучно. Весь день мы были дома.

21 авг. Сегодня я ездила в Москву.

22. Мы все ездили в Волынское.

24, пятница. Сегодня я была у Шютт. Адя уедет 25 в Москву, так как 26 - именины Наталии Дамер. Когда я пришла от них, было уже 11 часов.

25, суббота. Мамаша уехала в Москву. К ея приезду мы окончили свои подарки. Завтра у нас будут все Десперанс.

26, воскресенье. Коган приехал сегодня с 4-х часовым поездом. На вокзале в Москве он встретил М. Едмонд и всё время ехал сюда вместе с ним. Коган почти всё время был с Никитюк. Я, конечно, целый вечер дулась. Он уедет в Москву только завтра. Мы пили чай около 11 часов, а потом мы танцевали немного. Около часа все ушли.

27 августа. Сегодня он пришёл в 10 часов, пил с нами чай. Мы ему опять сделали букет. Он обещал непременно быть у нас в Москве.

28. Сегодня переехали в Москву Коган. Никитюк обещала ей побывать у нея.

29. Сегодня мы уложили всё, так как завтра хотим ехать.

30. Сегодня мы переехали в Москву. Никитюк останется у нас на несколько дней, пока не найдёт себе занятий.

Сегодня 4 сентября моё рождение. мне еще только 14 лет. Часов в шесть мы проходили с мамашей по Тверскому бульвару, когда мы возвращались, то встретили Сем. Влад. Я так обрадовалась, что чуть не подбежала к нему. Он подошёл к нам и пошёл рядом с мамашей, я шла впереди, когда мы дошли до конца бульвара, мамаша пригласила его идти к нам. «Посидите у нас, сегодня - день рождения Кати» Он меня поздравил и мы пошли домой. Когда он осмотрел нашу квартиру, то сказал, что ему очень нравится у нас, и, что он желал бы найти что-нибудь в этом роде для себя. Он у нас обедал и просидел у нас до 10 ½ часов. Он обещал придти в первое свободное воскресенье. Никитюк теперь классная дама в Мещанском училище, но она хочет уехать в Моршанск. Я думала, что он придёт к нам сегодня в воскресенье, 9 сентября, но он, наверное, нашёл, что неловко приходить так часто.

Все эти дни мне очень скучно. Я целый день занята и всё-таки, это мне не мешает скучать. Так как Никитюк уезжает в тот вторник, то мы и хотим пригласить всех к нам на воскресенье. Я, конечно, просила сказать Сем. Влад., но Никитюк сказала, что он придёт, так как не был в то воскресенье.

Сегодня суббота. Я ездила к Десперанс, они обещали придти вечером, а девочки - часа в три.

Сегодня, когда мы сели обедать. он пришёл. Он, конечно, всё время сидел с Никитюк, послезавтра он приедет на вокзал проводить её. Я не знаю сама почему, но очень рада тому, что она уезжает. Она сказала, что как только приедет в Моршанск, сейчас же напишет ему и просит его отвечать ей. Он поехал провожать её.

Вот скоро две недели как я не видела его. Сегодня воскресенье, я думаю, что он придёт. Я пригласила Десперанс и Гуревич. Он пришёл в 7 с½ часов, обедал с нами, пот ом мы немного танцевали. В 9 часов мы пили чай. Он сидел рядом со мной. Весь вечер я не отходила

от него, потому что только через две недели увижу его. Он остался ужинать и ушёл в 11 часов, обещавшись придти в будущее воскресенье.

Сегодня, в понедельник, я была у Десперанс, на Цветном бульваре.

Сегодня вторник, я была у Биск. Они едут в театр в воскресенье и сказали, чтобы я спросилась и тоже ехала с ними. В тот же день я спросилась, и мне позволили.

Воскресенье, 7 октября. Сегодня я была с Биск в театре Корша. Давали «Бедность не порок». Я думала увидеть его там, но ошиблась, его там не было. Вечером мы были одни. Он не пришёл.

Суббота, 13 октября. Сегодня вечером мы были у Гуревич.

14 окт., воскресенье. Сегодня он придёт. У нас опять все Десперанс будут вечером. Он очень жалел о том, что не знал, что я ездила в театр прошлое воскресенье. Он тоже получил письмо от Никитюк. Я сказала ему, что очень желала бы посмотреть это письмо. Так как его с ним не было. он рассказал мне всё подробно. Мы немного танцевали до чая, а после всё время играли в записки. Он ушёл с Десперанс в 11 часов.

15, понедельник. Сегодня, думая, что встречу его, я ездила в пассаж, прошла все галереи, но его нигде не было.

19, пятница. Сегодня я ездила к доктору Кни, прождала его около часа, а когда он приехал, не мог меня принять, потому что был нездоров и просил меня приехать завтра в 2 часа на Ордынку, в клиники.

20, суббота. Сегодня мне нельзя было поехать и я буду ждать до следующей недели.

21, воскресенье. Сегодня он не придёт и потому мы в 3 часа поехали к Десперанс на Цветной бульвар. Все они были здесь. Как и всегда было очень скучно. Мы обедали в восьмом часу, когда кончили, то пошли играть в карты. В 10 часом мы ушли.

22 октября. Сегодня я написала Никитюк письмо. Если она ответит, то я буду писать, а если нет, то не напишу. Как-то недавно я узнала, что Кни умер, мне, наверное, не суждено лечиться.

28 октября, воскресенье. Сегодня он должно быть придёт. Утром я брала урок музыки. В 7 часов он пришёл к нам, обедал с нами, потом мы с ним играли, он ушёл после ужина. все эти дня я очень скучаю по нём. Я старалась его где-нибудь встретить, но куда бы я не пошла, его там никогда нет. Сегодня я была у Биск, они едут в театр в воскресенье и возьмут меня.

Суббота, 3 ноября. Сегодня мы были у Гуревич.

Воскресенье, 4. Утром я поехала с Биск в театр. Давали «Гувернёр». Так как нас было очень много, то было очень весело. Из театра мы пошли пешком. Вечером мы были одни дома. Сегодня он не придёт. Только через неделю я его увижу. Я не знаю почему, но ужасно скучаю без него, а когда он к нам приходит, я так довольно, что не отхожу от него ни на шаг.

11 ноября, воскресенье. Сегодня он пришёл. Как и всегда, у нас были Десперанс и Гуревич. В 8 часов мы начали танцевать. Меня иногда удивляет, что он не скучает у нас, а между тем его никогда не приглашают, а он не пропускает своего воскресенья. Его пригласили к нам на 24 ноября. Но мамаша сказала ему: «Если Вам предстоит что-нибудь лучше, то, пожалуйста, не стесняйтесь». Он сказал, что для ничего

не может быть веселей и приятней, как быть у нас и, что он придёт непременно. Хотя до 24 остается две недели, но я уверена, что оне мне покажутся целою вечностью.

13 вторник. Сегодня вечером были у нас Ваконь. Они обещались придти на мои именины.

Сегодня 15. Я ездила в Чернявское. Все пристают ко мне и так надоели, что я вскоре уехала.

Сегодня 23 ноября, часов в шесть я ходила на Арбат. Целый день сегодня у меня болит голова и я юоюсь, что не пройдёт до завтра. Вечером я была у Гуревич, они сказали. что придут.

24 днём ездила к Бальи. Верочка мне подарила альбом. Часов в шесть я оделась. Надела своё платье, которое мне сегодня подарили. Хотя оно хорошенькое /мне подарили часы, платье и кольцо/, я всё-таки боюсь, что оно ему не понравится. Он пришёл в 7 часов, принёс мне красную, очень хорошенькую коробочку. В 8 часов мы начали танцевать. Я много танцевала, и всё время почти - с ним. Во время чая Маня, он, Ваня Ваконь и я сидели за отдельным столиком. Они скоро ушли, а мы с ним остались. Он сказал мне, что я сегодня очень миленькая и что понравилась ему еще больше, чем всегда. А он сегодня был такой милый, он мне так понравился, что я хотела ему сказать, что люблю его, но, конечно, ничего не сказала. Часов в 10 он попросил меня сплясать «русскую», но я стеснялась и не захотела, он обиделся, но я всё-таки. не танце-

2-я тетрадь

вала. За ужином мы сидели рядом, скоро помирились, и всё у нас пошло по-прежнему. В 2 часа все разошлись. Он обещался придти в то воскресенье, а если нельзя, то в будущее непременно.

Сегодня 25, воскресенье. Я встала не в духе, всё время на всех ворчу. Перед завтраком пришёл М.Е. моп е ре ап е. он завтракал с нами, потом мы пошли прогуляться.

2 декабря, воскресенье. Я ездила в театр с Горевой, давали «Лес» остр. мне очень понравилось, хотя не так, как «Гувернер». Все Биск ходяи с нами и Эрнестина Соласпиновна. Назад мы шли через Тверскую. Я думала, что увижу его там, но, как назло, его не было. Я теперь ничего не записываю, потому что каждый день одно и то же. Скучно ужасно.

Сегодня, когда я начала готовить уроки, после обеда, я, ни стого ни с сего, вдруг расплакалась. Я хотела идти, чтобы найти его, но вспомнила, что меня будут искать, вернулась и легла. Теперь до Рождества осталось всего несколько дней, на праздниках я его буду часто видеть.

Вчера была его мамаша у нас. Ей надо было отдать какие-то платья. Я в это время была в гостинной, когда она увидала меня, то сказала мне по-французски: «Скажите вашей маме, что пришла мадам Коган». Тут я всмотрелась в неё и нашла с ним большое сходство. Платья ея не взяли, обещали росле Рождества. Они разговаривали про Сем. Влад. Она сказала, что Сеня так привык к нам, что он чувствует здесь себя как дома, и что он нас так всех любит. Наши его тоже хвалили и сказали, что он очень славный, но совсем еще ребёнок. Они называют его « ап веве».

Сегодня, 25 декабря, утром, он приехал с визитом. Он так замёрз, что наши не знали, как согреть его, он выпил наливки и просидел у нас с полчаса. Когда он прощался, то сказал, что сегодня ему будет ужасно скучно, так как ему некуда ехать. мама сказала ему, что если он хочет, то может приходить с нам, но что у нас никого не будет, кроме Десперанс. Он очень обрадовался и сказал « .....». Он спросил, что мы намерены делать во время праздников и очень удивился, что мы не пойдём ни на бал, ни на ёлку в Благородное Собрание. Вечером он пришёл весёлый как всегда. Мы немного танцевали. Нельзя сказать, что было очень весело, но для меня было прелестно - он был тут и мне ничего более не надо. Я была так счастлива, мне только хотелось одного, чтобы эти вечера повторялись как можно чаще. В час все разошлись. на второй день мы ездили к Десперанс /на Цветной/. У них

Примечание [A25]: Так значит наш “возлюленный” был сыном м-м Коган? А она, мать его, была портной? Или его мать, портная пришла вместе с м-м Коган? Надо еще раз перечитать всё…

Примечание [A26]: Здесь, как и в нескольких предыдущих местах, Коха оставил кавычки и внутри пробел. Видимо там должен был быть французский текст, который он собирался потом вписать от руки, поскольку на машинке - только русский...

всегда бывет очень скучно, а сегодня мы провели день очень весело. М.Е. оп нарядил нас и мы танцевали под сухую. Завтра мы все пойдём к Ваконь. Десперанс тоже будут.

27 декабря. Сегодня иы были у Ваконь, обедали там, а после танцевали.

28 мы были на ёлке у Бальи.

29 декабря. Сегодня утром мы ездили в Малый Театр, на «Зимнюю сказку». Мне очень понравилась Ермолова, я видела её первый раз. Я всё время смотрела в партер, думая, что увижу его, но его здесь не было.

Сегодня 30 декабря он приходил вечером, после обеда. Он сказал, что ему очень хотелось быть вчера, но что он не мог, так как ездил в Коломну. Он всё собирается сходить к Десперанс, да говорит, что ему некогда. Он ничего не делает, а всё не имеет времени.

31 декабря. Сегодня мы встретили новый год дома, Десперанс были у нас.

Сегодня, 1 января. он приходил с визитом.

2 января. Я ездила в Чернявское на бал. Танцевать кончили рано, но было очень весело, я очень устала, так как ни минуты не сидела. Мне очень жаль, что его не было с нами. Как-то до Рождества, ему обещали дать билет на этот вечер, но потом не достали.

Сегодня 5 января опять вечер в Черн. Мы ездили все три, в мужских костюмах. Все остальные дни мы никуда не ходили.

13 января, воскресенье, я опять ездила в театр с Биск. Вечером он пишёл, принёс мне белую камелию. Он соскучился у нас сегодня, потому что Десперанс не было, и мы не танцевали. Жанна и Люля легли сейчас же как ушли Гуревич, а я осталась ужинать. Я так рада, что мне позволяют оставаться с ним, а не гонят спать в 10 час. Сегодня он учился у нас делать салат. Записал, но я уверена, что ничего не сделает. Когда он уходил, то дал мне три палочки шоколада.

14 января, сегодня мне почему-то очень скучно, я ездила гулять, но его не видела. Всю эту неделю я никуда не выходила, воскресенья я думаю пойти к Гастье, так как он, наверное, не придёт.

Воскресенье, 20 января. Сегодня вечером мы были у Гастье. Володя попов тоже пришёл туда, он всё время ухаживал за Бетси, которая была очень мила. В 10 часов за нами прислали горничную, которая советовала мне идти скорее домой, так как у нас гости и Сем. тоже пришёл. Я сейчас же поехала, но он уже ушёл, ¼ часа тому назад, заезжал за ни Келбер, и они отправились вместе.

Всю неделю я думала только об одном: приедет ли он в воскресенье, или нет. Мне кажется. что ему неловко будет придти второе воскресенье подряд. Если он не придёт, то его не пригласят на понедельник, папашины именины. В воскресенье он пришёл, остался недолго и обещал придти завтра поздравить папу, но что не останется, так как они завтра все поедут в театр.

28 января, понедельник. Он сдержал своё слово и пришёл поздравить папу в ¾с часов и остался до 7 часов. Ое сказал, что очень жалеет, что не может остаться. Я его так просила остаться, но он сказал, что не может не ехать, так как это папа их взял ложу.

Никитюк прислала письмо, в котором пишет, что ей сделал предложение какой-то молодой человек, но, что она ничего не сказала ему, так как хочет знать мнение наших. Я показала письмо Сем. Влад., он сказалб «Отлично, мы с вами повеселимся на свадьбе».

Я сегодня сильно порезала себе палец, чему была очень рада, так как к нам приехал один офицер, который всё просил меня сыграть ему что-нибудь, а. так как я играть не могла, то и свалила всё на больной палец. За ужином я с ним сидела, он всё время говорил про Варшаву, где живёт постоянно. Он там очень скучает. все они ушли в 1 час.

Во вторник приходил к нам М.Е оп Де ре ап е с женою. на этой неделе он уезжает в Париж и пришёл проститься. Сегодня была моя учительница, урок ей я знала, но была очень невнимательна, всё время я отвечала ей не на то, что она спрашивала. Всему виноват, конечно, Сеня, я хочу как можно меньше думать о нём, но не могу. Как я ни боялась полюбить его, но это оказалось выше моих сил. Странно то, что я не боюсь его, но, когда он ко мне подходит и начинает говорить со мной, то я ничего не могу ответить. Я помню как-то летом, он спросил что-то у меня , а я боялась посмотреть на него и ничего ему не ответила. Адя Ш. была тут и потом сказала мне, что если я буду молчать, то он Бог знает что про меня подумает.

30 января. Сегодня приходили его сёстры. Я сними познакомилась, младшая очень недурненькая, а старшая некрасива.

31 января. Сегодня была у нас Лида. она пригласила нас на своё рождение 2 февраля.

1 февраля. Сегодня я ездила в пассаж. Мне купили летние платья, я всё старалась выбирать его любимые цвета.

2 февраля. Сегодня мы были у Асс. Десперанс /дети/ тоже были у них. Павел Сергеевич устроил «живые картины». Было довольно весело. Как-то на днях папаша был у Эмбо, и они ему предложили взять ложу на любительский спектакль французов 16 февраля, в театре Корша. папа согласился и взял ложу. Если он придёт, то я попрошу его поехать с нами.

16 февраля. Сегодня мы ездили в театр. Давали: «...». Лучше всех играл Эмбо. После водевиля пела какая-то певица из «...» Нора Доррес. Она поёт недурно, но ужасно кривлялась, потом какая-то барышня пела и еще молодой человек играл. Его не было, а я была, почему-то, уверена, что встречу его здесь.

17 февраля, воскресенье. Сегодня он не пришёл к нам. Днём были девочки Десперанс. маня сказала мне, что он ещё не был у них, и просила меня, если увижу его, напомнить ему его обещание.

Понедельник 18 февраля. Я ездила в пассаж, думала, что встречу его, но его там не было. мне положительно везёт: все те, которые бывают в пассаже, встречают его, а я - никогда. Я думаю, что он придёт в это воскресенье, так как вот скоро месяц, как они не видались с нами. Все эти дни я только и живу надеждами увидеть его в воскресенье.

Сегодня 24 февраля, воскресенье. Утром я брала урок музыки, но занималась очень плохо. Клара Алекс. сначала сердилась на меня, но потом ничего не говорила и я играла всякую чушь. Я не ошиблась - вечером он пришёл. Когда он узнал, что мы были в театре, он рассердился на меня за то, что я не написала ему. Он просил меня написать ему, когда приедет Никитюк: «Всё будет предлог придти к вам лишний раз».

28, четверг. Сегодня у нас было довольно весело, жаль только, что он не пришёл.

1-щу марта. Мы были у Бальи.

Суббота, 2-е марта. Мы все были у Ваконь. М МА е пе уехала в Петербург. Десперанс был тоже там. Мы вернулись домой в 1-ом часу ночи. Днём мы катались на Девичьем поле.

Сегодня воскресенье, 3 марта. Мы хотели ехать в цирк, но не нашли билетов. Днём мы опять катались. Вечером наши уехали к Десперанс. У нас были Гуревич.

На первой неделе Великого поста приехала Никитюк. В пятницу я написала ему, что она приехала. В воскресенье он пришёл. У нас были все Десперанс и Гуревич. Мы немного танцевали весь почти вечер, он разговаривал с нею, это очень понятно, так как они давно не виделись, а я бог знает что подумала. Я очень рада, что жених ея скоро приедет. Так как она остановилась у нас, то он будет бывать очень часто.

Примечание [AY27]: Видимо, после Коха собирался дописать по французски имя. Пока - непонятно что это.

Примечание [AY28]: Тоже непонятно

Понедельник. Сегодня ея жених приезжал. Они были у нас к обеду. Он очень недурен собой. Очень высокого роста, блондин и в очках. как-то за обедом я о чём-то задумалась и не заметила, что уставилась на него. Она это увидела и сказала мне: «Катя, я вижу, что мой жених очень нравится тебе» Если бы она знала, как мне мало дела до её жениха, то не сказала бы этого. После обеда они уехали в театр Корша, на итальянскую оперу. Ночевать она приехала к нам.

Во вторник они тоже ездили в театр и приезжали к нам ужинать.

Среда. Сегодня Сем. Влад. приходил спрашивать, если надо брать билеты. Они были в театре и обещали приехать ужинать. Он остался их ждать, так как хотел видеть ея жениха. после ужина в 12 с ½ часов, он уехал с ея женихом. она осталась дома.

Четверг. Я посылала к нему с письмом, в котором просила его взять билеты на «Лакме». Утром я с ник. ездила в пассаж.

Пятница. Сегодня я ездила в театр на «Кармен», А.Борт и Фигнер. Он приходил, приносил нам билеты, проводил до извозчика.

Воскресенье. Мы были у Гуревич. Вечером к нам пришёл Борисов, он мне очень не понравился. Сегодня к нам приходил Владим. Михайл. Немчинов.

понедельник. Сегодня я ездила в пассаж и заезжала за билетами на завтра, но не достала. Так как в четверг пойдёт та же самая опера, то я попрошу его взять билеты. Когда я вернулась домой, то сейчас же написала ему.

Среда. Сегодня он приходил и принёс два билета на завтра. Е а тоже был у нас. Сем. Влад. просидел до 11 часов, поужинал и ушёл. Теперь я его, наверное, долго не увижу.

Четверг. Сегодня я была в театре /Фигнер, Ванзант/. М.Е оп и М тоже были там. Он обещался придти в будущее воскресенье, так как в последнее время он бывает и так довольно часто.

Сегодня /пятница/, я ездила в пассаж.

Суббота. Мы были у Гуревич.

Воскресенье. Сегодня я брала урок музыки. после мы ходили гулять. Вечером приходили Гуревич.

Четверг. Я ездила в Чернявское.

Пятница. Сегодня я ездила в Межевой клуб, на любительский спектакль. Во время антрактов и по окончании были танцы. Я не осталась, потому что мне не позволили приезжать после 12-го часа.

Суббота. Сегодня я была в пассаже, его там не было. Завтра он должен придти.

Воскресенье. Сегодня он пришёл к нам в 7 часов. Он очень жалел о том, что не знал, что я ездила в пятницу в Межевой клуб, а то бы он постарался взять билеты. Он принёс нам книги и взял у нас франц. роман «...», сочинение учителя его сестры. Он будет шафером у Никитюк на свадьбе. Венчать их будут в Москве, на Красной горке. Он ушёл около 11 часов. Когда он уходил, то сказал мне, что идёт на свидание к Филиппову, а так как опоздал, то его будут бранить. Я сказала, что это может быть очень приятно для него, но что меня не касается.

Среда. Мне сегодня было очень скучно. Я ничего не могла делать, хожу из угла в угол. Все меня дразнят Коганом.

Пятница. Сегодня ездила в пассаж, его не видала. Вечером приходили Десперанс, я за ними заезжала. Гуревич пришли в 8 часов. Они ушли в 10 часов.

Суббота. Мы были у Гуревич.

Воскресенье. Сегодня с Люлей ездила кататься на Садовую и думала его встретить, так как они живут на Долгоруковской.

Вторник. ----------

Среда. Сегодня я ездила в пассаж и видела там Лизу Попову.

Четверг. Сегодня мы с Гуревич ходили гулять. Я с Люлей зашла к «Христу Спасителю».

Пятница. Сегодня я хотела ехать в католическую церковь, в 3-4 часа там очень хорошая служба. Я как-то была и мне очень понравилось. Так как никто не хотел ехать, я должна была остаться.

Суббота. Сегодня мы выкрасили яйца. Вечером мы хотели идти в Кремль, но, так как никто не остался дома, то мы не пошли.

Воскресенье. Сегодня он пришёл с визитом, хотел христосоваться, но я не согласилась. Он обещал мне придти вечером.

Часов в три пришли Десперанс и мы пошли с ними на Пречистенский бульвар. Там мы поссорились с Соней и остались гулять с Сашей, он нас проводил до дома. Когда мы уходили гулять, я заметила, что М.Е , очень не в духе, а когда мы пришли, то мне показалось, что он с кем-то поссорился. Перед тем, как садиться обедать, нас позвали в залу, большие уже сидели за столом, когда М.Е бросил свою салфетку на стол, отодвинул свой стул, надел пальто и, сильно хлопнув дверью, вышел. Прежде наши молчали, но потом отец Десперанс сказал что-то. Весь вечер потом они все дулись. Нам всем очень хочется знать, то, что у них вышло, но так как нас не было дома, когда это произошло, то узнать будет трудно.

Вечером, около 8 час., он пришёл. Я старалась как можно меньше находиться с ним, но меня всё время тянуло что-то к нему. Он ушёл и обещался зайти в среду или четверг, чтобы узнать насчёт свадьбы.

Сегодня /понедельник/, мы ездили к Десперанс, пришли довольно рано и весь день сидели в саду.

Вторник. Сегодня он заходил узнать насчет свадьбы, но, так как Никитюк еще не приехала, то он ничего не узнал и обещал зайти в четверг. Он сказал, что если их будут венчать в манеже, то он отказывается быть шафером, так как не очень приятно бежать с невестой через весь зал...

+++

На этом обрываются записки моей бабушки - Екатерины Ефремовны Егоровой, урожденной Шато, всего две тоненькие тетрадки, на первый взгляд малоинтересные, но это только на первый взгляд и для стороннего читателя, но не для нас, её потомков. Несколько замечаний.

Любые дневники - характеристика эпохи. Дух той жизни проглядывает в них, хотя внешних сведений и мало, это понятно, бабушке всего четырнадцать лет, гусеница превращается в эфемериду, минуя стадию куколки - и это чувствуется. Обилие знакомых иностранцев легко объяснимо: и сами Шато - мигранты, не побоявшиеся «чужой страны язык и нравы» и отдавшие ей своё умение, свой труд, свою культуру, как бы малы они не были. Роль иностранцев в развитии России можно понять, читая дневник и не ведая общей истории.

Мне известно, что всю свою жизнь бабушка прожила в трёх местах - в Москве, на Сивцевом Вражке, в Давыдково, в детстве и в первые годы замужества, в Лианозово, загородном собственном доме, остаток жизни. Выезды на короткое время она делала - так, у меня хранится открытка, писанная из Сухуми, в которой она интересуется учебными делами моего отца, своего старшего сына. В Сухуми, тогдашний Сухум, дед, Константин Лукич, ездил не раз, даже хотел купить там дом: всё это он делал с благословения К.В.Рукавишникова, тамошнего домовладельца и городского головы Москвы. Близость нашей семьи Рукавишниковым объясняется просто: Ефрем Шато, мой прадед и отец бабушки Кати, пригласил жить в Россию свою знакомую, по

имени Саломея, которая и пленила старика Рукавишникова и стала его женой. На память о ней у нас храниться её фото в русском костюме.

Саломея (?)

Должен заметить, что ничего гальского на этом фото в чертах Саломеи, на мой взгляд, нет - русская, можно сказать, билибинская, красавица. Кстати, за ней последовала и её сестра, о судьбе которой мне ничего неизвестно, разве что на фото видно, что судьба не наделила её столь приятной внешностью. В доме Рукавишниковых в Сухуми живала и не раз старшая дочь Егоровых, Евгения Константиновна Унковская, урождённая Егорова, моя тётя Женя. Она проходила там какой-то курс лечения и, кажется, безрезультатно.

Пользуясь случаем. напишу немного о Рукавишниковых - известные деятели той. дореволюционной России - право, они того заслуживают!

О Рукавишниковых

Они относились к купеческому сословию и в Москве появились как дети богатого сибирского промышленника, владельца золотых рудников и металлургических заводов Василия Рукавишникова - Николай, Константин и Иван.

Николай сделал себе известность как директор приюта для малолетних правонарушителей и внезапно умер в 1875 году. Приют стал носить его имя. Братья подхватили его дело и способствовали его развитию. Константин в конце XIX в. стал городским главой Москвы. Жил он на большой Никитской, в собственном доме, а свои гражданские обязанности отправлял в Городской Думе, на Воскресенской площади /в советское время - музей им. Ленина на пл. Свердлова/.

Руквавишников (?)

Прадед Ефрем Шато тут-то и привёз К.В.Руковишникову из очередной поездки в Париж, может быть из родных ему мест под Нанси, с благословения мадам Берши, к которой он, собственно, и ездил, эту самую красотку Саломею.

Далее. Упоминаемое в дневнике Чернявское училище - правильное его название Усачёвско-Чернявское, основано в 1833 г. на капитал купца Чернявского и поначалу находилось в доме Усачёва на Покровке, в связи с чем и получило своё название. Учебная программа училища первое время была на уровне элементарной школы с уклоном в сторону приобретения профессиональных рукодельных навыков. В последующем программа неоднократно менялась в сторону усложнения, пока не достигла уровня средних учебных заведений. В 1859 г. училище было переведено в здание Маросейской богадельни /ул. Б.Хмельницкого, 11/. При этом программа обучения была расширена за счет включения истории, географии, французского и немецкого языков. Здесь училище пробыло недолго. В 1866 г. его перевели в собственный дом на Девичьем поле /Зубовская ул., 14/

Этот дом был построен в середине XVIII - го века. За своё существование он сменил много хозяев. В начале XIX в. его владельцем был Голицын, затем дом перешёл к Мещерским. В 1814 г. дом оказался в собственности С.А.Мальцова, женившегося на сестре предыдущего владельца А.С.Мещерской. Старший сын С.А.Мальцова, Иван Сергеевич, получивший дом в наследство, в Москве бывал наездами, а в его доме на Девичьем поле, жили родственники, в частности друг А.С.Пушкина С.А.Соболевский. Этот дом сохранился в сильно перестроенном виде. После переезда в него училища число воспитанниц в нём увеличилось до 500. Рядом с училищем располагалась элементарная школа, носившая имя Сергиевской - в честь великого князя Сергея Александровича. Здесь воспитанницы училища, на последнем выпускном классе, проходили педагогическую практику.

Училище было респектабельным учебным заведением, располагавшим хорошими педагогическими традициями. Им руководили в разное время такие люди как журналист, поэт и переводчик С.Е.Раич, известный юрист и педагог М.И.Капустин, основатель Высших женских курсов В.И.Герье.

В дневнике упоминается интересная деталь - суетится организатор праздников на природе, молодёжных балов и танцулек будущий муж бабушки - Константин Лукич Егоров - тогдашний студент Коммерческого училища. Через каких-то пять лет он будет её мужем, а пока внимание её поглощено услужливым выходцем из местечкового еврейства С.В.Коганом. Такова жизнь!

Примечание [A29]: Значит это всё же Коган?

Константин Лукич Егоров

О своей тогдашней семье бабушка пишет немного, но интерес представляет день рождения её отца Ефрема Дезидеровича Шато - 28 января, т.е. 9 февраля по нынешнему нашему Новому стилю, а вот год рождения остался неизвестным. Можно только предположить, что если в Крымскую войну 1855-56 г.г. он был в войсках зуавов унтер - офицером, то есть ему было не менее 25 лет, то год его рождения вычисляется как 1830. Годом его женитьбы может быть 1875,

потому что его старшая дочь, наша бабушка Катя родилась в сентябре 1876 г. Далее последовали ещё две дочери - Жанна и Луиза - он их бабушка вскользь упоминает. И совсем мало она пишет о матери своей, называя её мамашей. Это модельерша и владелица ателье на Кузнецком мосту - Луиза Мейлан, бывшая Швейцарская подданная, приехавшая искать счастья в России и нашедшая его. О ней мне известно следующее: её семья жила в кантоне Вад, на берегу Женевского озера, они были потомки гугенотов, бежавших из Франции, после отмены Нантского эдикта. Год её рождения мне неизвестен, но, на момент рождения бабушки Кати, ей не могло быть более тридцати лет, то есть она могла родиться в начале сороковых годов XIX века.

Луиза Мейлан

При прочтении дневника поражает обилие визитов, постоянные контакты со знакомыми, родственников у Шато, практически, не было. Такое обилие контактов со знакомыми /кстати, большинство из них - мигранты, как и сами Шато/, для нас, располагающих телефонами и телевизорами, непривычно странно, но таков уж был быт того времени.

Примечательно и упоминание о болезни - в будущем бабушка страдала какой-то костной слабостью, я её помню уже горбатой, видимо, в упоминаемое время болезнь прогрессировала. Впрочем, это не помешало бабушке не только выйти замуж, но и родить и вскормить семерых детей - по нашим временам это просто подвиг!

Упоминаемая клиника на Ордынке - это хирургическая лечебница доктора Модлинского, располагавшаяся по адресу: Большая Ордынка, Кадашёвский переулок, собств. дом, телф №1157 - это всё из календаря 1894 г.

Из развлечений самым доступным тогда упоминаются театры - Малый и Корша, ну и, конечно, Большой. В то время, когда писался дневник Большой был уже только оперно - балетным, Малый был русской драмой, домом Островского, а театр Корша, частный, был молодым и очень популярным. Он возник после отмены театральной монополии в 1882 г., до 1885 г. он пребывал в камергерском переулке, там, где потом образовался МХАТ и в описываемое в дневнике время он размещался в Богословском пер., вплоть до своего закрытия - после чего там возник филиал МХАТ.

Не знаю, удалось ли бабушке закончить училище, но в 1894 г. она уже вышла замуж за своего знакомого, упоминаемого в дневнике К.Л.Егорова, и первые годы жизни они провели в Давыдково, как на даче, летом, а зимами жили в Москве. Мне известно, что жили они и на Сивцевом Вражке, и на Кузнецком мосту, и на Малой Дмитровке, в доме между церковью в Путинках и Купеческим клубом. Все эти места были их жилищем пока не появилась собственная недвижимость, можно сказать поместье, в Лианозово. Этот дом стал местом их жизни с 1904 г., в нём бабушка и закончила свою жизнь, хотя смерть и настигла её в тяжелейшую зиму 1942 г. у одной из дочерей.

Между прочим, угловой дом на Малой Дмитровке, ныне принадлежащий редакции «Известий», сохранил свой внешний облик, хотя и перестал быть гостиницей, где дед любил занимать номер, даже когда жил напротив. Об этом мне рассказывал мой отец, который бывал в этом номере и куда им половые приносили самовар «с шумом».

Константин Лукич Егоров

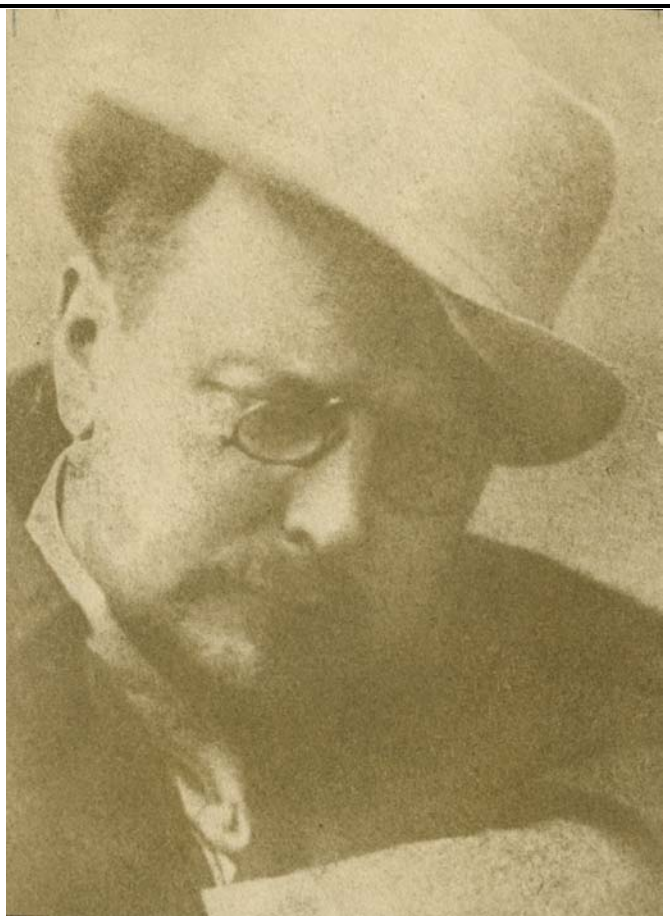
Когда семья деда переехала в Лианозово и отпала надобность в московской квартире, деду приходилось снимать жилое помещение, кажется, на Долгоруковской ул., где зимой жили учившиеся в гимназиях и реальном училище дети. А к моменту переезда в Лианозово детей было уже пятеро: Евгения, Константин /мой отец/, Николай, Екатерина и Елена.

Константин Константинович
Николай Константинович - Екатерина Ефремовна - Евгения Константиновна
и Екатерина Константиновна ЕГОРОВЫ

Жизнь «на земле» в те времена была дешевле, да и, как всегда, здоровее. Дом на Архангельской улице[44] был вместителен и удобен, так как был спланирован самим дедом. К тому же, можно было к нему пристраивать дополнительную жилую площадь, не говоря уже о террасах, которые окружали дом со всех сторон. Так что дом рос во времени, но и семья росла. После переселения прибавилось еще двое детей - Борис и Анна.

[44] Архангельская улица перестала существовать в Москве, после застройки Лианозова в 1982 г.

По характеру дед был скорее интровертом, чем экстравертом, во всяком случае громадный земельный участок приносил ему свою радость, но подробно об этом ниже. В выборе места жительства сказывалось и увлечение деда толстовством, модным в то время течением в среде интеллигенции.



Константин Лукич Егоров

Дед умер через полгода после того, как я родился, меня возили к нему на показ - он тогда жил со второй семьей в Сокольниках. Так что деда я не помню, хотя и видел, а вот бабушку Катю помню отлично.

Екатерина Ефремовна Егорова (урождённая Шато)

Невысокого роста - едва ли выше 1 метра 50 - 60 см - худая, быстрая в движениях, с очень заметным горбом, узким лицом, со значительным носом, большими лучистыми глазами, тонкими длинными руками, загорелая почти до черноты - весь свой день она проводила в хлопотах по хозяйству, которое она очень любила - сад, цветники, огород и живность - корова, к концу жизни козы, куры, гуси, утки, индейки и в значительном количестве. Кажется только за лошадью присматривал нанимаемый работник, обычно это был садовник, который и помогал по хозяйству и, конечно, по топке печей, которых в доме было, как мне помнится, не менее пяти для отопления жилого помещения и одна большая печь в кухне для приготовления еды и корма для всей перечисленной живности. Впрочем, летом корм для скотины готовили в печке на дворе.

Характер у бабушки, по отзывам окружающих и моим впечатлениям был твёрдый и решительный. Когда было нужно, она могла и прикрикнуть, но всегда откликалась, если была нужна помощь. Моя мать, которую трудно заподозрить в открытости и расположенности к окружающим, очень была расположена к свекрови. По-видимому, на маму подкупающе действовали умение бабушки ладить со всеми, быть верной своим детям, своему дому.

Екатерина Ефремовна Егорова (урождённая Шато)

На руку бабушка была хваткой. В сущности, городская женщина, она, казалось, была готова к любому повороту событий, была способной найти выход из любого положения. Бабушке ничего не стоило пойти, как ветеринар, по вызову помочь отелиться соседской корове - стоило только накинуть бабушке пальтишко, если шёл дождь, взять с собой нехитрый инструмент, да банку йодной настойки, да фонарь «Летучую мышь» и, в галошах на босу ногу, за ворота месить грязь, вслед за встревоженной хозяйкой попавшей в беду скотины. Если наутро мы видели, что у бабушки руки по локоть вымазаны йодом, то о причинах этого мы догадывались - я, например, видел это не раз!

О её любви к своему саду, а они с дедом насадили огромный сад, я уже писал, бабушка была в нём с утра до вечера и, даже е ничего не стоило прикорнуть где-нибудь под яблонькой в полуденный зной, расстелив мешковину и старенькое пальтецо.

Приходилось - уже много позднее - слышать от близких ей людей отзывы о том, что такая жизнь заставила её потерять очарование женщины. Не думаю, что эти отзывы были справедливы - о её семейной жизни я расскажу ниже, но мне никогда не забыть, как бабушка рыдала на шее у отца, приехавшего в отпуск с Дальнего Востока. Это было в годы расцвета политических преследований и выношенное ею страдание запечатлелось в моей памяти.

Теперь о других Шато. О Ефреме и Луизе мне добавить нечего, так что теперь о двух других дочерях - Луизе и Жанне.

Жанна - средняя - родившаяся, предположительно, в 1878 г., тоже в Москве, по достижению соответствующего возраста вышла замуж за тамбовского помещика, дворянина и офицера - Мерчанского. В этом браке появились три дочери - Наталья, Галина и Татьяна. Жанну мне видеть не довелось - она погибла во цвете лет от аборта. Судьба дочерей такова: старшая, Наталья, осталась незамужней и о её судьбе мне ничего неизвестно. Средняя дочь - Галина - оставила после себя дочь Марину. Мы с ней познакомились. Будучи замужем, она с мужем, посетила нас на нашей даче в Ильинской, где, кстати, и сама она тогда проживала. Тут я её увидел в первый раз - женщина средних лет, средней полноты, живая, но ничем не напоминающая своих предков, во всяком случае внешне. И последняя дочь - Татьяна - была замужем за известным врачом Соколовым, который был репрессирован в лихие годы середины тридцатых. От этой дочери осталось двое детей - Кира и Алёша. Я их никогда не видел и мне ничего о них неизвестно.

Галину и Татьяну видел я не раз и в Лианозове и у них на квартире, поскольку в Москве они квартировали там же, где и единственная дочь младшей сестры бабушки Луизы (мы её звали бабушкой Люлю) - моя тётя Галя, то есть в квартире Каменцевых, в Никитском переулке.

Как сёстры Мерчанские жили после смерти матери мне неизвестно. Знаю, что сам Мерчанский участвовал в белом движении, во время Гражданской войны, оказался в Крыму с отступавшими белыми, затем в плену у красных и был расстрелян в Керчи, вместе с другими офицерами, по бесчеловечному приказу якобы Фрунзе, а на самом деле большевистских эмиссаров - Бела Куна и Р.С.Землячки. Факт расстрела добровольно сдавшихся офицеров - геноцид чистой воды. Дочери Мерчанского, бывшие в это же время в Керчи, знали об этом и представить себе их состояние невозможно!

Младшая сестра бабушки - Луиза - вышла замуж за Анатолия Каменцева, родила дочь Галину, работала зубным врачом /на стр. ??? приводится её объявление/. А.Каменцев, кажется бухгалтер по профессии, отличался хорошим знанием музыки, его сестрой была известная пианистка и педагог Бекман - Щербина. В 1910 г. у Каменцевых появилась дочь - Галина Анатольевна. Эта семья была близка егоровской семье - они постоянно жили на даче Егоровых в Лианозове, занимая сторожку, где жил работник и была баня. В большой московской квартире Каменцевых жил и друг семьи - чех по национальности, некто Серучек, личность странная, но, тем

Примечание [AY30]: не написано на какой. просто прочерк

не менее, преданная хозяйке - Луизе Ефремовне. Мама моя называла это трио - Ménage à trois [45] - возможно это отвечало действительности!

Галина Анатольевна Каменцева - моя тётка - выросла в обеспеченной и избаловавшей её семье, но необходимо отметить, что тётя Галя хранила много хороших черт московской старой интеллигенции. Она была добра, приветлива и участлива. С младшей сестрой моего отца - тётей Аней - она дружила. В годах они были почти ровня. При жизни нашего поколения тётя Галя приложила немало сил, чтобы егоровские потомки сохраняли родственные связи, для чего она собирала нас у себя, продолжала летом жить в Лианозово, снимая под дачу соседский дом. Романтизм, свойственный её натуре, связал её судьбу с рядом мужчин: короткий брак с Э.И.Шиповым /между прочим сыном одного из последних министров дореволюционного правительства России, министра финансов, министра торговли и промышленности, члена Госсовета И.П.Шипова/ оставил нам сына Анатолия, родившегося в 1932 г., который вырос в той же квартире. Он не только мой троюродный брат, но и заканчивал ту же школу в Гнездниковском переулке, носившую, при нашем там пребывании, № 135 и получал химическое образование, учась в МГУ на химфаке и всю жизнь работал в системе Академии наук СССР, в одном из НИИ. Большую часть жизни тётя Галя прожила браке с И.В.Ермоловым, который приходится племянником выдающейся русской актрисе М.Н.Ермоловой.

Примечание [A31]: Wikipedia:
Биография
Родился в 1865 году в Нижнем Новгороде[3] Поступил в Александровский лицей и одновременно в Санкт-Петербургский университет как вольнослушатель курсов политической экономии и финансов. После окончания этих курсов сдал экзамен в Совете Александровского лицея[4]
В 1885 г. определён на службу в канцелярию Департамента окладных сборов, где до 1891 г. служил сначала в должности помощника столоначальника, а затем столоначальника этого департамента. В 1887 г. произведён в коллежские асессоры, в 1890 г. — в надворные, в 1892 г. — в коллежские советники[4].
В сентябре 1888 г. командирован в комиссию по пересмотру законов о земском обложении. В феврале 1889 г. назначен делопроизводителем этой комиссии. Затем служил податным инспектором Калязинского уезда Тверской губернии, работал в канцелярии Комитета министров, где занимал должности помощника начальника и начальника отделения. В 1894 г. снова перешёл на службу в Министерство финансов[4].
В 1894—1897 гг. являлся вице-директором Особенной канцелярии по кредитной части. В 1897 г. назначен директором Общей канцелярии министра финансов. В 1898 г. был назначен председателем Особой комиссии по пересмотру монетного Устава. В 1895 г. пожалован в статские советники, с 1896 г. — в действительные статские, в 1904 г. — в тайные советники.
С 1902 по 1905 г. — директор департамента Государственного казначейства[4]. Также в 1902—1905 годах состоял управляющим делами особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности.[5]
19 июня (2 июля) 1905 года был командирован в Вашингтон для участия в мирных переговорах с японскими уполномоченными «в помощь российскому Главноуполномоченному в качестве делегата-специалиста по вопросам финансового характера»[4].
Во время всеобщей политической забастовки в октябре 1905 года, Шипов, будучи директором департамента государственного казначейства, дал серьёзный отпор агитаторам, группами заходившим в министерство и уговаривавшим служащих прекратить работу.[6]
После подписания Портсмутского мира 28 октября (10 ноября) 1905 года назначен министром финансов в кабинете гр. С. Ю. Витте (сменил Коковцова), однако занимал этот пост всего 6 месяцев.
Зимой 1905—1906 года И. П. Шипов как министр финансов совместно с управляющим Крестьянским банком

О детях Константина Лукича и Екатерины Ефремовны

Теперь о детях Константина Лукича и Екатерины Ефремовны - семерых Егоровых: Евгении, Константине, Николае, Екатерине, Елене, Борисе и Анне.

Евгения Константиновна

Евгения родилась в 1895 году и, как всякий первый ребёнок. ощущала на себе повышенное внимание еще неопытных родителей. В то же время, как старшему ребёнку, ей невольно приходилось опекать последующих братьев и сестёр, быть им примером, быть у них на виду и т.д. В то же время она застала в живых представителей предыдущего поколения и, следовательно, больше всех знала о егоровской семье, о её предках, почему по всем этим делам я с ней и беседовал больше, чем с остальными. В этом смысле только мой отец с ней мог сравниться, хотя, в бытовых деталях, память женщины более цепка, чем мужская. Была она и любимицей своей бабушки А.В.Егоровой и, исподволь, в детстве и отрочестве, стала мечтать о сцене.

Тётя Женя закончила гимназию, занималась в Народном Университете Шанявского /на Миусской площади, позднее туда переехал химико-технологический факультет из МВТУ и образовался МХТИ им. Менделеева/. Замуж она вышла рано за «соседа по имению»,

[45] (АК): Французкий термин, который изначально описывает домашнюю ситуацию, в которой трое персон, имеющих сексуальные отношения, занимают одно помещение. В современном употреблении значение термина расширилось для обозначения любых жизненных отношений между тремя персонами, вне зависимости от наличия сексуальных отношений. Однако, поскольку для обозначения сексуальных отношений «на троих» этот термин тоже применяется, поэтому изначальный смысл выражения остается неизменным

сына Т.М.Унковской, арендовавшей в «Обществе развития Лианозова» бывшую дворянскую усадьбу, что над прудом /ныне там больница/ - М.С.Унковского, но сочетала семейную жизнь с участием во 2-й студии МХАТ, где прошли годы сценической учёбы с Н.П.Баталовым и А.К.Тарасовой. Именно рядом с ними и сидит[46] она на известной фотографии - Ф.И.Шаляпин со студийцами 2-ой студии МХАТ. Вот так, не больше и не меньше!

В.И.Немирович-Данченко и Ф.И.Шаляпин
среди студийцев второй студии МХТ. 1916 г.

Евгения Константиновна Егорова

[46] АК: Фото со студийцами МХАТа найдено мной в и-нете. На мой взгляд, если баба Женя здесь и есть - то она стоит за левым плечом Шаляпина. В молодости она была чрезвычайно хороша собой, что хорошо известно по многочисленным её фотографиям той поры. Именно ЭТА дама похожа на неё молодую

Почему же тогда столь прочная страсть и хорошие заделы не сыграли для неё решающую роль? Семья? Но, в дореволюционное время, быт был обеспечен, а после революции быт для увлечённых людей потерял смысл - он и для всех остальных был ужасен и примитивен. Детей не было у неё и, как вскоре выяснилось, и не могло быть.

Увлечение театром было спецификой егоровской семьи - дед Лукич играл в любительских постановках. Это же делали и остальные, особенно тётя Аня, тётя Катя, тётя Лёля, Э.И.Шипов, дядя Боря, Г.Б.Андрианов и др. Тётю Женю я помню в этих мизансценах на нашей большой террасе лианозовского дома - можно было говорить о всех, но не о ней. Слышал я, и не раз, её чтение стихотворений, она читала К.Симогова, Мазуркевича - впечатления это у меня не оставило. Думаю, что у тёти Жени не хватило характера, не оказалось того самого «куража», который должен быть у лицедея. Не помогло и благословение М.В.Ильинской, которая прислала его своей внучатой племяннице.

Время первых послереволюционных лет, кошмар лобового примитивного исторического материализма принёс и развал семьи. М.С.Унковский, как бывший офицер и аристократ стал «лишенцем» /это понятие включало лишение определённых прав и, прежде всего, политических/. Какое-то время М.С. работал в Лобне ветеринаром. В это время в семье уже появилась дочь М.С. от горничной в доме Унковских - Катя от Степаниды, Стеши, как её все мы называли. Девочка росла под опёкой двух матерей - мамы Стеши и мамы Жени - одна ухаживала, другая содержала, а отец исчез! Как известно, в середине мая 1927 г. были арестованы в качестве заложников многие потомственные аристократы, служившие в разных советских учреждениях. М.С. был выслан в Башкирию, куда за ним последовали и обе женщины, теперь уже связанные с ним и кровно-родственно. Катя тоже была с ними. Через какое-то время они вернулись, но без мужа и отца, который вскоре и погиб в Караганде. «Красное колесо» истории проехало и тут!

Примечание [A32]: Написано от руки не очень разборчиво

Трое оставшихся прошли вместе весь долгий жизненный путь. Тётя Женя работала в организациях Минздрава - я как-то посетил её в конторе напротив входа в ГУМ на Никольской. Тётя Женя и отец были очень дружны, как самые старшие в семье, и мы часто бывали в гостях у неё - до войны на Селезнёвке, в одноэтажном доме, вверху жила семья дяди Коли и сестра Степаниды, а внизу, в полуподвале, тётя Женя, Стеша и Катя. После войны мы ходили к ней в тоже полуподвальное помещение в том месте, где Малый Чернышевский переулок переходит в Большой. Напротив этой пристройки к торцу здания была церковь Малого Вознесения, в то время действующая. В шестидесятые годы тётя Женя, наконец, получила квартиру на Кропоткинской улице, где она жила с семьёй своей падчерицы, её мужем Володей Антиповым и сыновьями Кати и Володи - Мишей и Лёшей. Эту квартиру они выменяли на лучшую в Шмитовском проезде, там тётя Женя и доживала.

Летом мы все виделись в Лианозове,

на даче, зимой бывали друг у друга, но в _____ умерла в больнице тётя Женя, причём нарушение мозгового кровообращения началось у неё года за два до этого. Незадолго перед печальным исходом, мы с ней виделись - в одной из комнат квартиры на Шмитовском ей была предоставлена кровать за шкафом, и она грустно говорила мне: «Здесь у меня места поменьше, чем в доме Унковских - там было всего одиннадцать комнат, а здесь - вот это!»

Среди своих братьев и сестёр она была старшей и поэтому больше всех знала подробностей семейного быта предков. Уже после смерти отца я именно у неё выспрашивал эти подробности и аттрибутировал многочисленные фотографии.

На всю жизнь мне запомнилась встреча отца и тёти Жени в Лианозово. Ранней весной 1946 г. мы поехали в Лианозово, впервые с 1937 г., после разрыва мамы с отцом. Приехав с Дальнего Востока, 1-го февраля 1946 г. мы устраивались в Москве, отец устроился на работу в санаторий «Архангельское», я - в школу, мама - на работу, врачом в трест ресторанов и столовых, и все ждали поездки в «родное гнездо», в лианозовскую усадьбу. И вот, ранняя весна, вагоны пригородного сообщения с паровозом во главе, знакомые лесные дорожки в дубраве, запах, знакомый запах дубовой листвы, только что показавшейся под жарким весенним солнцем. Идём по узнаваемым кирпичным дорожкам, через деревья видим дачу, забора нет, и отец, вдруг, сворачивает с дорожки и идёт напрямую, ступая ногами, одетыми в галоши, по «нашей» вязкой глине - травы еще нет - а навстречу ему бежит тётя Женя и они застывают в объятиях друг друга - руки тёти сцеплены на шее отца, а он, неловко обхватив её своими сильными руками, в одной из которых его фуражка, почти подымает её в порыве радостной встречи. Тётя Женя слёз не скрывает, отец тоже растроган, а мы, вся компания - и семья дяди Коли, и дяди Бори и ещё кто-то, с радостными восклицаниями, россыпью окружаем эту пару и, все вместе, идём по саду к даче.

Этот день запомнился - общий обед на большой террасе, общее слоняние по саду, с воспоминаниями детства, заброшенная, заросшая травой площадка корта с лужами, в которых паслись гусята - многоголосая, разношёрстная егоровская семья, не было только тёти ани, с мужем Глебом Владимировичем и детьми - Борей /Бусей, как его звали Егоровы/ и Катей - они жили в Карлсхорсте, в побеждённой Германии, куда был командирован Г.В.Корицкий, как работник СВАГ - так называлась Советская Временная Администрация в Германии.

Таким образом, после тёти Жени прямых потомков не осталось. А вот от её приёмной дочери Катерины Михайловны осталось двое братьев-близнецов Миша и Лёша. Катя познакомилась и вышла замуж за их отца - Владимира Антипова, художника, работавшего в рекламе, в плакате, в графике, в том числе и в фото. Катя, закончив художественное училище, тоже работала в рекламе, делая, в частности, этикетки для азербайджанских вин. Миша Антипов, получив педагогическое образование, ныне предприниматель. Лёша Антипов, получив экономическое образование, наследовал специальность родителей - фотооформитель широкого профиля. У Миши двое детей - Ваня и Маша, у Лёши детей нет, зато он - увлечённый турист, в том смысле, в каком это слово понимали в конце XX-го века в нашей стране - лыжи и байдарка - его стойкое увлечение.

Константин Константинович

Вторым ребёнком в семье был мой отец - Константин. Он родился в Москве, в 1897 г. на М.Дмитровке, и рос очень подвижным и крепким ребёнком, любящем беготню и живые игры. Няня звала его «вожёный», за его любовь ко всякой возне. Он учился в 5-й московской классической гимназии, что была на углу Поварской улицы и Большой Молчановки. В своё время папа мне её показывал, вход в здание тогда еще сохранялся по двухсторонней лестнице, но

первый этаж был уже занят аптекой. Вскоре, в связи с прокладкой Нового Арбата, лицевую часть здания снесли, хотя задняя часть и сейчас стоит.

Константин Константинович Егоров (старший)

Годы его учёбы в гимназии - 1905 - 1916 г.г. последние годы Российской империи - годы достаточной демократии, при которой успехи промышленности и городской культуры гасились нищетой деревни, неразвитостью народных масс и нараставшей дифференциацией общества, что привело, в конце концов, к развалу этого самого общества, под непосредственным влиянием войны, с её разрухой, тревогой и несогласием внутри самого народа, как нации - полной потерей национальной общности.

Папа учился плохо, два раза оставался в средних классах, хотя и проявлял интерес к естественным наукам и языкам. В классической мужской гимназии учили четырём языкам - латыни, древнегреческому, французскому и немецкому. Латынью папа владел изрядно, как и французским, от древнегреческого у него, кажется, ничего не сохранилось, а немецкий папа откровенно не любил.

Интересно, что В.В.Маяковский, будучи на четыре года старше моего отца, тоже учился в этой гимназии, но лишь в течение одного года, в 1906 г.

Папа уже в отроческие годы был хорошо развит физически - у него были два тогда модных увлечения - борьба и футбол. Сейчас этот вид борьбы называется «классикой», или «греко-римской», тогда же назывался «французской». Сложение тела у папы было коренастое - тело короткое, ноги длинные, с хорошим выворотом, руки длинные и сильные, шея толстая и короткая, голова крупная - размер более 60-го, плечевой пояс был развит очень хорошо. Папа неплохо бегал и очень хорошо плавал и нырял. В море он плавал к горизонту, а нырял так, что люди на берегу начинали волноваться - где нырнувший. В плавании стили он чередовал, то саженки, то «по-собачьи», то брасс, то оверарм.

«Но в чём он истинный был гений, что знал он твёрже всех наук» - был футбол. Эта игра пришла в Россию в самом начале XX-го века и её практиковала учащаяся молодёжь больших городов, поначалу, прежде всего Москва и Питер.

Отец начал увлекаться этой игрой еще учась в гимназии, любил эту игру до конца жизни, хорошо её понимал. Увлечение это не было теоретическим, именно гимназическую команду

создал отец и был её капитаном, они принимали участие в московских соревнованиях таких же неофитов. Далее. отец создал и лианозовскую команду, которая вначале играла на приз Савёловской дороги, а затем стала играть, принимать участие и в московском первенстве. У нас сохранился листок, отпечатанный типографским способом, с нанесенными рукой отца результатами матчей. Роль отца в команде - центр защиты, бэк, по-тогдашнему.

Константин Константинович Егоров (старший)

И много лет спустя, футбольные матчи и борцовые турниры вызывали живейший интерес у отца, мы часто бывали с ним на послевоенном стадионе «Динамо» и в зале «Крылья Советов», что на Ленинградском шоссе, где лицезрели футбол и борьбу. Даже и в военные годы, мы с папой хаживали в местный цирк «Шапито» /дело было в Хабаровске/, где проводились местные турниры борцов. Папа даже опекал, с медицинской точки зрения, этих борцов, благо, тогда его госпиталь располагался напротив - летний цирк и госпиталь, расположенный в бывшей гимназии, находились по разные стороны одной и той же площади Ленина.

Константин Константинович Егоров (старший)

Вспоминается, насколько была удивлена то ли сестра, то ли санитарка, войдя в кабинет начальника отделения и застав там своего начальника, которому известный тогда в этих краях борец-гигант Прокопов демонстрировал приёмы. Её рассказ для меня новостью не был и меня не удивил - этот Прокопов, которому подражали все мальчишки города, заполнявшие проходы у цирковой арены, проводил меня через служебный вход, посмотреть разминку, а то и сам турнир.

Уже в послевоенные годы, когда папа работал в санатории «Архангельское», приходилось там видеть цвет нашего тогдашнего футбола - команды ЦДКА и ВВС, именно прямо после работы мы и ездили на стадион «Динамо», куда собиралась тогда вся футбольная Москва.

Из зимних видов спорта, отец знал лыжи, именно он меня на них поставил в зиму 1941-42 г.г., отдав свои армейские лыжи с ременными креплениями - под сапоги. На коньках папа не стоял никогда, и очень удивился, когда я стал увлекаться этим видом отдыха, освоив его уже довольно поздно, в 18 лет.

Ну. и, наконец, шахматы и преферанс - и то и другое было домашним «хобби» отца. Впрочем, шахматы вообще были приняты в егоровской семье - не играл в них, кажется, только я. Прочие играли или хорошо, или очень хорошо. Для отца лучше домашнего отдыха и не было, как решить щахматную задачу, или разобрать ту или иную партию, в многочисленных тогда чемпионатах. все его попытки приучить меня к 64 клеткам ни к чему не приводили - не та у меня была натура. А вот то, что я не выучился у него играть в преферанс, до сих пор меня угнетает - папа играл превосходно, он, как бы, видел игру, опираясь на психологию игроков - участников. Отзывы об его игре приходилось мне слышать от многих. Тем более, что эта игра была очень популярна в те времена - о том, что и бабушка Кригер любила эту игру я уже писал. Рассказывали, как анекдот, что специальным приказом по дальневосточному фронту ряду игроков было запрещено играть в карты, так как столкновение с ними приводило к крупным проигрышам неумелых игроков, в том числе тех, у кого на руках были казённые деньги. Выглядит эта история как анекдот, но сей сюжет стар как мир, так что поверить в него можно.

Теперь о теннисе. Да, да, было еще и это. Этот прекрасный вид спорта входил в моду в России, может быть даже чуть раньше, чем футбол, назывался лаун-теннисом и обладал более

щадящими правилами, был далеко не столь тотален, как современный, не говоря уж и о внешнем виде игрока. Где-то в 1909-10 г.г. теннисная площадка появилась и на нашей даче и егоровский клан включился целиком, разве что дед Лукич и бабушка Катя, не приняли в этом участия, хотя и сделали всё от них зависящее, чтобы эти «шахматы в движении», как называют иногда теннис, утвердились в егоровской породе. Что и произошло - у нас в теннис играли все! Папа тоже любил и играл, но совершенствоваться в теннисе ему не пришлось - стал прогрессировать разрыв мениска, который он заработал, играя в футбол. Отец потерял способность не только к бегу, но и быстрая ходьба стала для него трудной - это случилось где-то в начале двадцатых годов. Уже много позже, опять-таки, в Архангельском, он показывал мне основные элементы этой игры, но самой игры не было - двигаться даже по задней линии ему было трудно, не говоря уже о том, чтобы поспевать к мячу.

Любил папа и рыбную ловлю, в её нехитром варианте - поплавочной удочкой. Живя на Дальнем Востоке, мы с ним занимались этим и не просто из «любви к искусству», а и для пропитания - была война и с продуктами было туго!

С гимназических времен сохранилась у него привычка к сбору марок. Коллекция его насчитывала несколько тысяч штук, но относилась, в основном, ко времени начала XX-го века, примерно до тридцатых годов, далее удавалось собирать марки только своей страны. Его очень порадовало, когда, приехав после долгой разлуки к нему в Хабаровск, я передал в его коллекцию и маленькую свою. Успехам его филателии сопутствовал марочный каталог на французском языке - «Ивéр и Телье"[47], известный каждому любителю.

Закончив, с грехом пополам, гимназию, папа некоторое время не мог продолжать учёбы - начались годы революций, разрухи и слома общественного порядка. Приходилось ему и заботиться о младших братьях и сёстрах, какие-то случайные работы, обработка своего участка, который превратился в источник пропитания. Посадка и уборка картофеля, заготовка сена, уход за коровой и лошадью. Он всегда со смехом рассказывал, как ездил в Рязань покупать лошадь, подбирая её по имеющемуся хомуту. Путь туда и обратно был полон всяких неожиданностей. Пришлось ему поучаствовать и в уборке картофеля на периферии, он ездил в Мордовию, привёз несколько мешков «плодов земных» и ... тиф, который тогда был страшнее войны. Тиф он перенёс тяжело, бабушка его выхаживала, он впадал в бред, в беспамятстве пытался куда-то уйти - тётки мне об этом рассказали. Но здоровый организм победил, он отлежался, пошёл на поправку и, всё-таки, стал другим - на его чувствительную натуру подействовала, видимо, и сама это поездка, и вся обстановка вокруг, да и нога давала себя знать, двигаться он стал меньше и стал полнеть, каковым я его и помню.

Итак, папа, закончив в 1916 г. гимназию, поступил в Московский Университет на медицинский факультет. Учёба шла с перерывами, связанными с необходимостью поддержать семью, в которой младшим - Борису и Ане - было 11 и 7 лет /1917 г./ - правительство предприняло новое наступление на права интеллигентных слоёв - более чем вдвое сократили приём в ВУЗы, а в технические ВУЗы могли поступать только выпускники рабфаков[48], то есть, преимущественно, дети рабочих и крестьян. В мае 1924 г. академически успевающие студенты проверялись с учётом их социального происхождения.

Учась в Университете, папа жил у бабушки Люлю, своей тётки, в Никитском пер., работая истопником в подвале, где были котельные для этого квартала. Стажировался он в клиниках 1-го

---

[47] Wikipedia: **«Ивéр и Телье́»** (фр. *Yvert et Tellier*) — филателистический дилер, филателистическое издательство, основанное в 1895 году в северном французском городе Амьене, где по-прежнему находится головной офис компании, и выпускаемый этим издательством каталог почтовых марок франкоговорящих стран мира. Компания до сих пор принадлежит семье Ивер.

[48] АК: Подготовительные курсы при ВУЗах, на которых абитуриенты занимались, в соновном, в вечернее время, ПОСЛЕ основной работы. Безработные на такие курсы НЕ принимались.

мединститута, на Девичке, его специальностью стала терапия, преимущественно дыхательных путей и желудочно-кишечного тракта. Конечно, весь склад его характера и увлечённость толкали его в науку, однако, материальные условия не позволили этого, и он стал практикующим врачом.

Окончание Университета папин выпуск отмечал в ресторане «Крыша», который помещался на крыше Дома Нирнзее, в самой высокой точке Москвы. Первым местом работы его был физио-диетический санаторий для болезней обмена веществ им. В.М.Лихачева. Кажется, здесь-то они и повстречались - моя будущая мать и он. Мама к тому времени кончила медфак 2-го МГУ, а поженились они в августе 1927 г. Из рассказов родни я знаю, что он был уже женат и имел в этом браке дочь, но более ничего об обстоятельствах этого брака мне неизвестно.

О первых годах их жизни - рождение и смерть первого ребёнка, моё рождение - я расскажу ниже, а в 1932 г. мирная жизнь для него закончилась - его призвали в армию и отправили на Дальний Восток. Здесь ему пришлось служить до окончания военных действий 2-й мировой войны. Закончил он службу в армии, и, вообще, работать в 1951 г., уже живя в Москве. Развивающаяся у него ИБС привела к обострению мозгового кровообращения и повторяющиеся инсульты оборвали его жизнь в декабре 1958 г., в сравнительно молодом возрасте.

Константин Константинович Егоров (старший)

По характеру он был человек романтического склада, чувствительный, склонный к излишним переживаниям, то есть, он был ярко выраженный интроверт и, в то же время, ему приходилось, по роду его деятельности, постоянно сталкиваться с большим количеством компатриотов и обстоятельств тогдашнего времени, которое было жестоко, непредсказуемо и

очень неудобно для жизни - неудобней, чем обычно в России. Вообще, всё это егоровское поколение - «семеро смелых», как они иногда себя называли - резко делилось на прагматиков и романтиков - так мне стало казаться, когда, уже в послевоенное время, я наблюдал их всех, хотя бы в Лианозово. Можно было бы использовать терминологию, типа, интроверт - экстраверт, и тогда тётя Женя, отец и тётя Аня - первые, а дядя Коля и дядя Боря, тёти Лёля и Катя - вторые.

Друзей у папы было немного - время беспощадно раскидывало людей по долам и весям. Но в отношениях отец умел ценить постоянство. В детстве и отрочестве его друзьями были мальчики из семьи Уитенговенов, тоже жившей в Лианозове. Были приятели и по учёбе и все были - Сергеи - в гимназии блондин Сергей, которого окружающие звали «Белым», а в Университете рыжий Сергей, которого так и звали «Рыжий» и Сергей, брюнет, которого так и звали «Чёрным». Последний стал хорошо известным нашей семье и как добрый знакомый, и как врач - акушер. Практиковал он в роддоме, расположенном на ул.Лесной, впоследствии он стал роддомом им. Н.К.Крупской, где, кстати, родился и я, и мой сын Иван, и мой старший внук Евгений.

Уже после войны 1941-1945 г.г. Сергей «Чёрный», с женой и дочерью моих лет, приезжал к нам в Архангельское. Много раз он бывал у нас дома, в Грузинах, играя в преферанс, до которого он был большой любитель. Позже, в 1959 г. я виделся с ним в роддоме на Лесной, после рождения моего сына Ивана и, последний раз, я видел его в Лианозово, незадолго до его смерти, он приехал навестить старых друзей - он знал всю егоровскую семью - но это было после его тяжёлой болезни, последствия инсульта были видны и оставили у меня тяжёлое впечатление.

Из других двух Сергеев, мне пришлось увидеть только «Белого». Он пришёл навестить отца во время его болезни, будучи сам слепым, но пришёл сам. Теперь, когда я сам теряю зрение, могу оценить его поступок в полной мере.

Характер у отца был ровный, мягкий. Если он выходил из себя, то ненадолго, при этом сам страшно расстраивался и было видно, что такие выходки ему самому неприятны. Пить спиртное он не любил и не умел, заканчивалось поглощение спиртного «выпадением из игры».

В быту отец был очень скромен. Мама говорила, что он не только никогда не тронет чужого, но даже и своего, причитающегося ему по праву - не возьмет. Больным я его никогда не видел, вплоть до того, когда его постиг тот недуг, от которого он и умер - развитый атеросклероз с явлением мозговых поражений. В сущности, это был повтор судьбы его отца, Лукича, который умер даже раньше своего этого сына, с теми же самыми поражениями мозга и с теми же последствиями. Обычные недомогания отец выправлял сном, из всех функций организма его, как, впрочем, и мать, беспокоила работа желудка - в значительной степени это было следствием его перееданий - хорошо и много поесть - егоровская привычка - виновато здесь и то, что ему, как лечащему врачу, приходилось снимать пробу со всего меню питания больных. Но, мне кажется, что играла роль и его небольшая подвижность уже в зрелые годы, когда физическая нагрузка ослабевает в силу возрастных изменений и в силу смены образа жизни. К этим общим причинам прибавилось и увечье в колене, что ограничило его повседневную подвижность. Его энергичная юность - футбол, плавание, теннис - сменилась малой подвижностью уже к середине его двадцатых лет, а к сорока годам он, при его росте в 170 см, весил уже более 100 кг.

Примечание [АЗ3]: АК: Не совсем понятно в чём КК усматривает странность, что отец умер «даже раньше» своего собственного сына?

В целом, жизненная подвижность не была ему свойственна - 14 лет на Дальнем Востоке /не по своей воле/, три раза в Кисловодске, два раза в Сочи - это уже после войны, когда он работал в Архангельском, и все эти отпуска он проводил с мамой. В послевоенные годы он более никуда не выезжал, а на Дальнем Востоке ему приходилось ездить в командировки, в инспекцию и на консультации в те места, где располагались крупные медицинские части - во Владивостоке, Николаевске, Комсомольске или туда, где размещались санатории - в Шмаковку, Кульдур и т.д. До своего отъезда на Дальний Восток, он, кроме Мордовии /об этом я писал/ никуда не выезжал.

Правда было еще свадебное путешествие по Волге. То есть, до своих 34 лет он, кроме Москвы, Давыдково и Лианозово не был нигде, даже в Питер никогда не ездил, что было очень странно, так как там у нас в те годы было много родни. Да, и тётя Тося, выправляя дела по своей реабилитации, в середине 50-х годов, живала у нас, в Грузинах, подолгу, даже в Лианозове жила месяцами.

Искусством серьёзно он никогда не увлекался, в молодости ходил он с мамой в театр, да и то, потому что она была тетралкой - это двадцатые годы. Из музеев бывал он, и не раз, в Третьяковской галерее, которую очень любил, вообще любя живопись и сам немного в ней практикуя. Но и здесь он был ограничен - живопись признавал только от передвижников до Коровина, Серова, а до этого периода и после и, тем более, иностранную живопись, он не признавал и не знал совершенно! Странно, но так! Как и все Егоровы он любил Лианозово и ничего более ему в жизни было не нужно!

Литературные вкусы его были ограничены - русский XIX-й век, особенно Л.Н.Толстой, Тургенев, Лесков и Бунин с Куприным, ну, и, конечно, Пушкин с Лермонтовым и, всё-таки, поэзией он мало интересовался, да, еще и Апухтин. Из иностранной литературы почитал Диккенса, Золя и О.Генри, а из советской - с удовольствием читал и цитировал «Двенадцать стульев» и «Золотого телёнка».

Музыкальные его пристрастия были еще более ограничены - народных песен он не знал и не пел, даже в компании, даже будучи «под парами», очень любил известный прелюд С.Рахманинова, видимо, потому, то его отец музицировал, предпочитая виолончель, под бабушкин /бабы Кати/ аккомпанемент на рояле, играя эту вещь. Узнавал и охотно слушал Шопена или Листа. Вот, кажется, и всё. Сам он ни на каком инструменте не играл и не учился играть. Танцевать он не умел совершенно и никогда в танцах не участвовал - был один раз на Дальнем Востоке случай в парке, на танцплощадке, куда его утащила танцевать одна из участниц дружеской компании собравшихся взрослых пар с детьми, по случаю какого-то праздника, да и то, все смеялись, глядя как он неумело топчется, мешая партнёрше. Между прочим, в дальневосточной компании его сотоварищей по работе был и знаменитый в те времена хирург М.Н.Ахутин, с семьёй которого общались домами - об этом известном враче упоминает в своих мемуарах Г.К.Жуков.

Кинофильмы он смотрел с удовольствием, особенно комедии, но любимыми у него оставались «Чапаев» и «Цирк», которые он мог смотреть много раз. Он неоднократно подчёркивал мне достоинства этих фильмов и, в значительной мере, сформировал и мои требования к художественному кино.

О его жизни далее, я расскажу ниже.

Николай Константинович

Третьим ребёнком в семье Егоровых был сын Николай, родившийся в 1899 г. Он, как и его старшие брат и сестра, родился в Москве и, до переезда в Лианозово, лето проводил в Давыдково.

Учился он в реальном училище, переезжая на время учёбы в снимаемую дедом квартиру в Москве, где-то в районе Долгоруковской улицы. В отличие от своего старшего брата Константина, он учился прекрасно, точные науки давались ему легко. что и определило выбор его дальнейшей профессии - он закончил МИИПС (Институт Инженеров Путей

Сообщения), позже назывался - МИИТ.

Закончив его, он работал на различных строительствах - его становление как инженера совпало с индустриализацией страны первых советских лет, а в дальнейшем - пятилеток. Будучи не просто знающим инженером и приятным в общении человеком, но и энергичным от природы, он быстро выдвинулся, с молодых лет привыкнув к ответственной работе.

Уже в тридцатые годы, когда Сталин и его окружение проводили «чистку» партийных рядов и «смену кадров» в руководящем аппарате, дядя Коля занимал крупные посты, в частности, уже до войны 1941-45 г.г., возглавлял Главалюминий, во время войны - Главмедь, а в дальнейшем был заместителем таких руководителей - министров как Тевосян И.Ф.[49] и Ломако П.Ф.[50]

Николай Константинович Егоров

[49] **Ива́н Фёдорович** (**Тевадросович**) **Тевоси́н** (4 января 1902, Шуша, Елизаветпольская губерния, ныне Нагорно-Карабахская Республика — 30 марта 1958, Москва) — советский государственный и партийный деятель, Герой Социалистического Труда (1943).

[50] **Пётр Фадéевич Ломáко** (29 июня (12 июля) 1904 года, г. Темрюк Кубанская область — 27 мая 1990 года, Москва) — советский государственный деятель.

Во время Великой Отечественной войны руководил эвакуацией предприятий за Урал, организацией производства, а после войны — восстановлением разрушенного хозяйства. Вошел в Книгу рекордов Гиннеса по времени, в течение которого возглавлял Министерство

Женился он очень рано на дочери одного из тех, кто снимал дачу в Лианозово. Валентина Николаевна, урождённая Деле, была старше своего мужа, обладала крепким характером. К тому времени как меня перевезли в Лианозово, к весне 1930 г., у них в семье было двое детей - сын Николай, рождённый в 1922 г. и дочь - Кирьена, рождённая в 1928 г. В их семье постоянно жила и тёща дяди Коли - Татьяна Тимофеевна.

Примечание [A34]: АК: не очень разборчиво написано

Екатерина Константиновна

Четвёртым ребенком в семье Егоровых была дочь Екатерина. Она родилась в Москве в 1901 г. и была перевезена в Лианозово маленькой девочкой. Она училась в одной из московских гимназий, но, кажется, что с неё начинается поколение детей, которым не удалось завершить среднее образование - помешали события 1917 г. и последующих годов.

Среди детей Егоровых она была, пожалуй, самой красивой, и ей ближе всех была возня с землёй - цветы были её слабостью, она их выращивала в громадных количествах и, к пожилому возрасту, они были и подспорьем в жизни. Замуж она вышла рано за Георгия Борисовича Андрианова, служащего и, к тому же, коммуниста. По этому поводу дед Лукич сказал: «Один зять - дворянин, другой - коммунист, теперь жди еврея!» Под «дворянин» дед имел ввиду мужа тёти Жени - М.С.Уннковского, который принадлежал к аристократам Унковским, но я не уверен, что он наследовал титул, что бывало частенько в истории российской генеалогии.

Как бы то ни было, но брак тёти Кати был крепким и в семье выросло двое детей - дочь Руфина, родившаяся в 1923 г. и сын - Георгий, рождения 1930 г. Руфина болела диабетом и, родив дочь, тоже Руфину (Инну), получила осложнение, приведшее к ранней её смерти, уже после войны. Сын Георгий, закончив МАИ, работал по специальности, увлекался футболом и автолюбительством. Об их жизни я напишу ниже.

Елена Константиновна Егорова (тётя Лёля)

Пятым ребёнком в семье Егоровых была дочь Елена, родившаяся в 1903 г. Лианозово было для неё, в полном смысле родным домом, ничего другого она и не знала.

Елена училась в гимназии, как и остальные дети и внешне была очень похожа на свою мать. Профессионального образования её получить уже не удалось, всю свою жизнь она проработала секретарём в крупных государственных учреждениях, у очень важных чиновных лиц. Она обладала волевым характером, была энергична, любила преферанс, копалась в огороде, рано вышла замуж и родила сына Константина от первого брака с Католиным, в 1923 г. После этого недолгого брака, во втором браке - с Фаддеем

Бутримовичем, счастья тоже не было - этот муж покончил жизнь самоубийством и склонность тёти Лёли к горячительным напиткам /было и такое/, приобрела опасное свойство, от запоев ей помог спастись брат Николай, буквально силой удерживая. Эти меры, или другие, или собственная воля. но тётя Лёля сумела преодолеть эту позорную слабость и я помню её уже энергичной, рассудительной женщиной. В третьем браке она стала Лошаковой. Её четвертый и «гражданский» брак, с бывшим певцом Шаляпинской антрепризы за рубежом, проходил на наших глазах в Лианозово, он был скоротечным и завершающий период своей жизни тётя Лёля проводила в привычном кругу своих сестёр, тем более, что жили они все неподалёку друг от друга. На Арбате и вблизи его.

Сын её, Константин Католин стал профессиональным лётчиком, воевал, испытывал самолёты, работал в сельскохозяйственной авиации и был трижды женат. Его первой женой была портниха Зина. Мы, молодежь, её не знали. Второй брак был с уроженкой г.Вязьма Машей. От неё было три сына. Один из них - Евгений был женат на своей троюродной сестре Руфине (Инне), дочери Руфины Андриановой. Двое других, со своими семьями, по-видимому остались в Ульяновске. Сам Костя умер и похоронен в Нижнем Новгороде, куда его привёл третий брак, на татарке Раисе, от которой у него было двое детей - дочь Сакента и сын Константин. Когда он перевёлся из Ульяновска в Нижний Новгород, то жил там в общежитии своего ведомства, где и встретил последнюю свою жену - официантку в столовой.

Тётя Лёля умерла в 1983 г. и прах её находится в уличном захоронении крематория в Никольском, под фамилией Лошакова Е.К.

Борис Константинович Егоров

Шестым ребёнком в семье Егоровых был сын Борис, родившийся в 1906 г. В отличие от своих братьев он не обладал крепким здоровьем, рос при бабушке, тем более, что его детство и отрочество пало на тяжкие годы России - война, голод и холод, развал всей нормальной жизни, громадный социальный, национальный и общечеловеческий эксперимент, но нет худа без добра - такая домашность позволила ему, единственному из всего поколения, освоить инструмент - фортепиано и сделать его своей специальностью. Сначала под руководством своей матери, потом закончив музыкальный техникум, он стал преподавателем игры на клавишных - фортепиано и аккордеон. В детстве бабушка его пестовала и следила, чтобы он не забывал, что его руки будут его кормить. Её возгласы: «Борис, руки, руки!..» заставляли его откладывать пилу или топор. Вырос он субтильным, впрочем стал хорошо играть в теннис, уровень которого, в его исполнении грешил консерватизмом и сохранил для

нас манеры двадцатых годов - атлетизм этой игры был полностью противопоказан манере нашего дяди Бори, но классике мы учились у него! Он и наш брат Коля - Николай Николаевич - донесли до нас традиции А.Коше[51], М.Плаа и Лякоста[52]. Причём, для нас они звучали как катехизис.

Дядя Боря поздно создал семью. Избранница его сердца - Нина Сергеевна - происходила из семьи горнозаводского инженера с Урала, из Перми.

Приходилось мне слышать от тёти Нины, что предки её, псковские помещики, вели свой род от боярина Мякины. Как бы там ни было, но позднорожденный в этом браке их сын Юрий /он появился на свет в 1937 г./ задал своим родителям немало хлопот своим медленным развитием и трудной учёбой даже в средней школе. Тем не менее, ему удалось получить высшее образование в Энергетическом институте - таким образованием не могли похвастаться его родители.

Дядя Боря, кажется, не кончил и средней школы - этому помогло и время, и нежелание в характере этому способствовало. Дядя Боря приобрёл обширный круг учеников и музицировал, тётя Нина, обладая сильным и низким сопрано пела, в том числе и вполне профессионально - на радио и в церковном хоре - Юра же, учась с трудом, осваивал теннис, прилично освоил шахматы, познал преферанс и винт /большая редкость в наши дни!/ и, не без помощи родителей, женился к тридцати годам, на одной из учениц дяди Бори, некоей Татьяне, которая произвела на самого дядю Борю неизгладимое впечатление: «Так хороша, что смотреть больно!» - так он говорил родственникам и добавлял: «ну как она может жить с солдатом? /Татьяна была в первом браке замужем за солдатом и родила от него дочь/, о чём с ним говорить?»

Дядю Борю я помню еще в довоенное время, он был строг с детьми, любил делать замечания по поводу поведения, шалостей и озорства, особенно неукоснительно требовал молчаливого послушания от нас, его племянников.

Все эти педагогические изыски были попраны браком Юры и Татьяны, сын которых - Бориска - стал притчей во языцех среди родственников. Татьяна, характер которой оказался вздорным, грубым и неуживчивым, недолго пребывала в семье и, вскоре, Юрий оказался холост, что, впрочем, принесло ему душевное облегчение и вернуло интерес к анекдотам и незамысловатым радостям жизни.

В этом браке появился сын Юры и Татьяны - Боря, родившийся в 1968 г. Брак этот был недолог. В 1987 г. последовал скоротечный второй брак - едва ли он продолжался год - затем, уже после смерти ослепшей от глаукомы тёти Нины, очередной смены жилья, наступило время и третьего брака, заключённого уже в 2002 г. На фоне всех этих похождений сына и пришла смерть дяди Бори, в 1986 г. и тёти Нины, ослепшей к тому времени от глаукомы, в 1997 г.

В общем, и дядя Боря, и тётя Нина были добрыми и отзывчивыми людьми, хорошей парой. Лианозово они, конечно, оба любили, где тётя Нина вдохновенно занималась цветами, она и на жизнь зарабатывала, работая в московском тресте зелёных насаждений и где дядя Боря работал в саду и занимался садом и теннисом.

Смерть застала дядю Борю в подъезде дома на Тверской-Ямской, куда семья была выселена из громадной коммунальной квартиры - 25 хозяев, свыше тридцати комнат с двумя кухнями - на Кропоткинской улице - и где из двух полученных комнат одну пришлось отдать второй жене Юры, переехавшей из Ташкента и прописанной по поводу своего выхода замуж за Юру. Оставшись с ослепшей матерью, Юра принялся хлопотать об обмене жилья, но случилось это, когда тётя Нина умерла, после трёх лет жизни в комнате в другой коммунальной квартире, в

---

[51] Анри́ Жан Коше́ (фр. Henri Jean Cochet; 14 декабря 1901, Лион — 1 апреля 1987, Париж) — французский теннисист-любитель, один из «четырёх мушкетёров» французского тенниса начала XX века.

[52] Жан Рене́ Лако́ст (фр. Jean René Lacoste, 2 июля 1904 , Париж — 12 октября 1996) — знаменитый французский теннисист, 10-кратный победитель турниров Большого шлема (7 раз в одиночном разряде и 3 раза в парном), бизнесмен, основатель марки одежды Lacoste. Был первой ракеткой мира по итогам 1926 и 1927 годов. Избран в Международный зал теннисной славы.

доме на улице Гастелло. Эту комнату Юра выменял на квартиру в г. Балашиха. Квартира эта была однокомнатной, на первом этаже и довольно запущенной, но, постепенно, Юра, не без помощи своей третьей жены Анны, привёл её в порядок. Добраться до его местожительства можно автобусом от ст. м. «Измайловский парк»[53] за 40 -50 минут, что соответствует средней норме времени поездок по Москве, а, если учесть, что его дом расположен над акваторией запруды на реке Пехорке, то этот обмен выглядит уже и не столь печально. Во всяком случае, со смертью родителей, Юра приобрёл давно ожидаемую свободу от назойливой опёки родителей и, как всякий предоставленный сам себе человек, стал производить впечатление совершенно самостоятельного члена общества.

Анна Константиновна

Седьмым и последним ребёнком в семье моего деда Константина Лукича и моей бабушки Екатерины Ефремовны Егоровых стала дочь Анна, родившаяся в 1910 г. Училась она уже в советское время, старшие с ней много возились, особенно мой отец, который, играя с ней, развлекал её тем, что оставлял её сидящей на верхушке шкафа, испытывая её выдержку и бесстрашие. Интересно, что и мне нравилась такая игра отца со мной, а много позже и моим детям, когда в роли отца был я сам.

От первого раннего брака у тёти Ани остался сын Борис - Борис Васильевич Курнавин, выросший на Арбате и в Лианозово, коллекционер марок и шахматист. Второй брак тёти Ани связал её жизнь с преподавателем математики в Институте Стали и Сплавов, Глебом Владимировичем Корицким, который в период денацификации побеждённой Германии был командирован сабур - капитаном в Карлсхорсте, где вся семья - тётя Аня, Боря (год рождения - 1931) и рождённая в этом браке дочь Катя (год рождения 1938) прожили несколько лет. В московской жизни Аня увлекалась театром, особенно Вахтанговским и принимала деятельное участие в драматическом коллективе Дома Учёных.

Судьба Бориса, её сына, была осложнена благоприобретенной им привычкой к злоупотреблению крепкими горячительными напитками, что сделало его жизнь сложной, а здоровье, и без того некрепкое, расшатало. Приобретенная им специальность телефониста - ремонтника, дополняемая филателией, позволила вести самостоятельную жизнь, включающую и собственную семью - брак с некоей Зитой был скоротечен и оставил дочь Наталью - ту самую, которую моя тётка Шура своим мгновенным диагнозом спасла от гнойного перитонита, в дни, печальные для меня, похорон моей мамы в Лианозово. В отличие от вышеописанного брата Юрия Егорова, Борис более не пускался в матримониальные отношения, а в браке с Ольгой .... была им приобретена квартира на Кутузовском проспекте, из которой он выехал, по обмену, в Тверскую область, в Кашинский район, в деревню Сипягино (п/о Борисино) по рекомендации своей жены Ольги, которая таким образом устроила московскую жизнь своим деревенским родственникам, неким Гороховым. Ольга,

[53] АК: Теперь «Партизанская»

впрочем, тут же и умерла, а Борис остался деревенским жителем. Жизнь его в этой деревне продолжалась не более двух лет. Он умер 31 января 1997 г. и похоронен в дер. Марьино. К сожалению, идиллическая простота жизни в русской глубинке, с её «рыбалкой и грибочками» была испорчена его рецидивом к пагубной страсти. Москва с её Арбатом, Карлсхорст, закончились глухоманью Нечерноземья. Есть здесь что-то от судьбы Меньшикова, Бирона, несчастной Анны Леопольдовны с младенцем Иваном VI на руках...

Весёлое состояние «под паром», хромота с детства, шепелявость делали его фигуру комичной, внушало расположенность...

Рождённая во втором браке тёти Ани дочь Екатерина, закончив Московскую школу, приобрела специальность логопеда после учёбы в Педагогическом институте. Фамильное увлечение театром сделало Катю постоянным участником театрального коллектива Дома Учёных, где ею было сыграно несколько десятков ролей в отечественной и зарубежной драме. Родственники, зрители этих постановок, с воодушевлением встречали весенние премьеры этого коллектива, где сестра Катя была на первых ролях.

Со своим мужем - Рэмом Александровичем Неверовым - она составляла прекрасную пару и вечера в их доме были чрезвычайно приятным времяпровождением для нас - родственников и друзей. В частной жизни, кроме любви к сцене, Катя - большая любительница иностранного туризма и, кажется, в Европе нет страны, где бы не ступала её нога, причём, особым расположением пользуется Франция, по понятным, впрочем, причинам.

Таковы были эти поколения, к последнему из которых принадлежал и я. «Великолепная семерка», с моей точки зрения, по своим характерам и темпераментам делилась на две группы: тётя Женя, отец и тётя Аня - созерцатели, дядя Коля, тётя Лёля. тётя Катя и дядя Боря - деятели. Конечно, это очень условно и общо, но позволяет типизировать и отметить характерные черты этого маленького сообщества - любовь и тягу друг к другу, тягу к отчему дому, каким выступало наше Лианозовское поместье, уважение внутри семьи, которое не позволяло опускаться до мелких ссор и дрязг, что при наличии многочисленных семей, недвижимости и земли, переходящих по наследству, могло бы составить не один повод для склок. В простые, человеческие отношения братьев и сестёр были втянуты и все пришедшие в семью со стороны, так что расположение людей друг к другу оставалось благоприятным и всё это на протяжении долгих лет близких отношений.

На фоне всего сказанного не могу не упомянуть о судьбе своей мамы в этом коллективе: характер моей мамы был непрост, в частности, из небольших неурядиц она была способна испортить отношения, раздув мелочь до неприятия значительного масштаба и, тем не менее, общий климат отношений заставлял её умерять своё «ретивое». Тому я сам был свидетель не раз.

Послесловие

Всё вышеописанное, все сведения о предках, кроме официальных печатных материалов, приходилось мне собирать, опрашивая родственников, ту же «великолепную семёрку. Эти опросы были многократными, а сведения, в буквальном смысле - выуженными. Лучше всех дело шло с тётей Женей и отцом - они знали больше всех остальных, что и немудрено, так как они были старшие в поколении. Прочие, в лучшем случае знали очень мало, или вообще - ничего, но то, что они знали, приходилось перепроверять другими источниками. В целом, в этом отношении родня подтвердила слова А.С.Пушкина, сказанные по такому же поводу: «Мы ленивы и нелюбопытны...» Не оправдывает такая неосведомлённость о своих предках и то, что время было безжалостно ко

всякому ретро - в двадцатые - сороковые годы и были потеряны корни русских родов, в страхе перед преследованиями.

От «редактора»

Это еще не окончательный вариант «редактуры». Не все из имеющихся в семейном архиве фотографий еще отсканированы. Их много и впоследствии они дополнят этот документ. Но я вижу смысл в том, чтобы он стал доступным широкому кругу родственников уже сейчас. Поэтому выкладываю в таком виде. По мере доработки «версия» будет меняться! ☺ Эта версия № 01от 31.03.2012

вернуться на сайт Капучини